

ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

3-4/2020

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацero** (Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко** (Университет Аль Захра, Тегеран, Иран), д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), канд. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.В. Соснина**, канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Ilyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero** (Tula State University named after L.N. Tolstoy, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko** (Alzahra University, Tehran, Iran), Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.V. Sosnina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33. **E-mail:** terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, korobova.lat@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 8 от 30.10.2020 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2020

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 3–4/2020

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Винникова-Закутняя Т.С.</i> Отражение проблемы транспозиции частей речи в лингвистических исследованиях периода XIX – начала XXI вв.	5
<i>Емельяненко А.В.</i> Комиксы Gudim'a как объект лингвистического анализа	15
<i>Зайцева А.В.</i> Концептуальные модели теории коммуникации	22
<i>Кудрейко И.А.</i> Принципы обучения студентов славянским языкам на основе коммуникативно-ориентированного подхода	28
<i>Миннуллин О.Р.</i> Священнодействие в чеховском «Студенте»: ценностно-смысловой аспект рассказа	34
<i>Сорокин А.А.</i> Трансформация аллегорических образов персонажей в баснях И.А. Крылова	47
<i>Фатьянова И.В.</i> Идеологичность американского политического дискурса XXI столетия	53
<i>Ярошенко Н.А.</i> Пандемия COVID-19 в зеркале языка: лексико-семантические группы неоминаций	63
<i>Жуков А.Е.</i> Тематические группы топонимов города Донецка	94
<i>Ладнова Е.В.</i> Топоморфный код в урбанонимиконе Большого Донбасса (на материале топонимов г. Шахтёрска ДНР и г. Каменска-Шахтинского РФ)	101
<i>Светличная В.Ю.</i> Речевая избыточность как средство языкового воздействия в текстах телерекламы	108

Рецензии

<i>Поликарпов А.М., Авдеева Н.А., Валеева А.В.</i> Об эффективности ключей к языковым упражнениям: психолого-дидактический и лингвистический аспекты (рецензия на учебное пособие Т.Н. Федуленковой «Ключи к учебнику “Практический курс английского языка. 1 курс. Под редакцией профессора В.Д. Аракина”»)	113
--	-----

<i>Федуленкова Т.Н.</i> Рецензия на диссертационную работу Л.Р. Сардаловой «Функциональные особенности фразеологических единиц в англоязычном научно-популярном медико-оздоровительном дискурсе» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – Германские языки (Пятигорск, 2018)	120
---	-----

Слово молодому ученому

<i>Емельянова К.Ю.</i> Абброконструкт и аффиксоид: к вопросу о связи понятий	126
---	-----

Психология

<i>Безродный В.И.</i> Креативность и уровень субъективного контроля у старшеклассников	133
<i>Яновский М.И., Черкашин К.В.</i> Проблема различения добра и зла через призму конфликта «Донбасс – Киев»	141
<i>Андрюшкова Н.П.</i> Феноменология и содержание понятия личностной зрелости	152
<i>Белянская Т.Э., Латышева К.А.</i> Межличностная коммуникация студентов, влияющая на процесс становления личности	157
<i>Сбитнева О.Ю.</i> Метод интуитивного рисования как способ саморегуляции и диагностики психического состояния сотрудников специальных подразделений полиции МВД ДНР	161
Правила для авторов	170

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 3–4/2020

CONTENTS

Philology

<i>Vinnikova-Zakutniaia T.S.</i> Transposition of parts of speech in linguistic researches of the 19 th – early 21 st centuries	5
<i>Yemelyanenko A.V.</i> Comic strips by Gudim as object of linguistic analysis	15
<i>Zaitseva A.V.</i> Conceptual models of communication theory	22
<i>Kudreiko I.A.</i> Principles of teaching students Slavic languages based on communicative approach	28
<i>Minnullin O.R.</i> Sacred action in Chekhov's «Student»: value and semantic aspect of the story	34
<i>Sorokin A.A.</i> Transformation of characters' allegorical images in fables by I.A. Krylov	47
<i>Fatyanova I.V.</i> Ideology of the American political discourse of the XXI century	53
<i>Yaroshenko N.A.</i> COVID-19 pandemic of in the mirror of language: lexical-semantic groups of neonominations	63
<i>Zhukov A.E.</i> Donetsk city names: thematic groups	94
<i>Ladnova E.V.</i> Topomorphic code in urbanonyms of the Great Donbass (on the material of godonyms of Shakhtyorsk (Donetsk People's Republic) and Kamensk-Shakhtinsky (Russian Federation))	101
<i>Svetlichnaia V.Y.</i> Contextual redundancy as means of language influence in TV advertising texts	108

Reviews

<i>Polikarpov A.M., Avdeeva N.A., Valueva A.V.</i> On the effectiveness of keys to language exercises: psychological-didactic and linguistic aspects (review of the textbook by T.N. Fedulenkova «Keys to the textbook “Practical English course. Year 1. Edited by Professor V.D. Arakin”»	113
---	-----

<i>Fedulenkova T. N.</i> Review of L.R. Sardalova's dissertation "Functional features of phraseological units in the English popular medical and health discourse" for a Candidate Degree in Philology, speciality 10.02.04 – Germanic languages (Pyatigorsk, 2018)	120
---	-----

Commencing scholars, have your say!

<i>Yemelyanova K.Y.</i> Abbroconstruct and affixoid: to the question of concept correlation	126
---	-----

Psychology

<i>Bezrodny V.I.</i> Creativity and high school students' level of subjective control	133
<i>Yanovsky M.I., Cherkashin K.V.</i> Problem of distinguishing between good and evil through the prism of the conflict «Donbass – Kiev»	141
<i>Andryushkova N. P.</i> Phenomenology and content of the concept of personal maturity	152
<i>Belyanskaya T.E., Latysheva K.A.</i> Students' interpersonal communication and its affect on personality formation	157
<i>Sbitneva O.Y.</i> Intuitive drawing as a way of self-regulation and diagnosis of mental condition of special police forces staff of the Ministry of Internal Affairs of the DPR	161
Guidelines for authors	170

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'367.6"18/2"

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОЗИЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПЕРИОДА XIX – НАЧАЛА XXI вв.

© 2020. Т.С. Винникова-Закутняя
ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»

В статье рассматривается проблема транспозиции частей речи в русском языке в лингвистическом аспекте. Основное внимание уделено обобщению научных взглядов и определению этапов формирования соответствующих лингвистических идей в трудах и отдельных замечаниях языковедов XIX – начала XXI вв.

Ключевые слова: транспозиция частей речи, явления переходности, трансонимизация, лингвистический аспект.

Проблема транспозиции в русском языке как возможности перевода знака из одной плоскости языковой категории в другую является одной из актуальных и в то же время противоречиво трактуемых. Данное явление впервые было отмечено учеными в XVIII веке и активно обсуждается на протяжении более двухсот лет. В связи с этим возникла необходимость историографической систематизации и оценки уже накопленного теоретического материала, что обуславливает актуальность нашей работы.

Цель нашего исследования – сделать анализ научных позиций ученых периода XIX – начала XXI вв. по вопросам транспозиции частей речи в русском языке – обоснована отсутствием в лингвистике специальных работ, посвященных комплексному анализу данного вопроса.

Наиболее полно лингвистическое значение термина *транспозиция* представлено в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина:

«Транспозиция.... Переход слова из одной части речи в другую (в неизменном виде или с добавлением аффиксов) или использование одной языковой формы в функции другой...

Виды транспозиции: адвербиализация, адъективация, субстантивация и нек. др.

Примеры транспозиции:

столовая (прил.) посуда – обедать в *столовой* (сущ.);

бумага – *бумажный*;

А он и придиновоевремя (форма повелительного наклонения в функции глагольной формы прошедшего времени – ср.: *Он пришел не вовремя*) [16, с. 708–709].

Меньшие по объему словари (МАС, «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и др.), как правило, не содержат термина *транспозиция*.

При транспозиции слова утрачивают присущие им значения и приобретают значения другой части речи. Так, имена прилагательные и причастия (*больной, рядовой, раненый* и др.) могут переходить в разряд имен существительных (*Больной выздоровел. С ранеными приехала сестра*); причастия могут приобретать свойства прилагательных (*блестящий оратор, кованный сундук*); существительные могут пополнять наречия (*летом, домой*) и т. п.

Основателем теории транспозиции историографы языкознания (Р.М. Гайсина, И.В. Дьячук, М.В. Резунова, Е.В. Цымбалюк и др.) называют швейцарского лингвиста Шарля Балли. Вопросы транспозиции, исследовавшиеся Ш. Балли и Л. Теньером, получили дальнейшее развитие в трудах польского ученого Е. Куриловича, чешских лингвистов М. Докулила и О. Лешки. Их наследие в области транспозиционной концепции использовали российские языковеды А.И. Моисеев, В.Я. Кузнецов, Р.М. Гайсина, В.В. Бабайцева, М.В. Резунова и др.

Переходные явления исследуют с разных позиций, что приводит к различной расстановке акцентов и терминологической неопределённости.

Лишь отдельные лингвоисториографические комментарии по анализу явления транспозиции частей речи и трансонимизации в русском языке представлены в работах М.Ф. Лукина, О.В. Скороглядной, Н.А. Каламовой, В.М. Никитевича, В.В. Бабайцевой, О.М. Ким, Е.Н. Сидоренко, М.В. Яковенко, Г.В. Валимовой, Р.М. Гайсиной, В.В. Шигурова и ряда других учёных. В большинстве случаев они являются несистематизированными комментариями. Специальных работ, посвящённых комплексному анализу затронутой темы, в лингвистике нет. Н.А. Глуховская справедливо подчеркивает: «До сих пор не имеется систематизированного описания фактов перехода слов из одной части речи в другую» [12, с. 190].

Исследование транспозиции частей речи было начато не с изучения теоретических проблем, а с наблюдений над конкретными явлениями перехода частей речи в трудах М.В. Ломоносова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Г.П. Павского, Н.В. Крушевского, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова и др.

Процесс создания историографии проблемы транспозиции в русской лингвистике невозможно представить без имени ученого XVIII века М.В. Ломоносова, в наследии которого мы находим истоки наблюдений над конкретными явлениями перехода частей речи без использования соответствующей терминологии. В его работах отражен вклад в дальнейшее развитие вопросов транспозиции, который состоит в углубленном описании грамматических, прежде всего, морфологических свойств частей речи в их взаимодействии. В трудах М.В. Ломоносова мы видим первые ростки идей, некоторым образом предваряющие предтранспозиционный этап.

М.В. Ломоносов одним из первых в языкознании констатировал наличие слов, которые употребляются как имена существительные, но имеют несвойственную им морфемную структуру, а также охарактеризовал конкретные случаи использования слов одной части речи в роли другой. Ученый пишет: «Имена, с причастиями и прилагательными родственные, такие, что оканчиваются на -ой / -ей и т. д., склоняются как прилагательные: *певчий, певчего, певчему*» [17, с. 464].

В научных трудах Н.И. Греча находим замечания относительно возможности употребления прилагательных в роли существительных. Ученый в «Практической русской грамматике» (1827) трактовал субстантивацию прилагательных (не используя термин) как результат “опущения” [14, с. 124] одних частей речи и замены их другими:

- в одних случаях новая часть речи полностью приобретала значение опущенной (это замещение полное – *зодчий*);
- в других случаях при новой части речи она только домышлялась (это замещение неполное – *слепой*).

А.Х. Востоков одним из первых использовал термин *части речи* в «Российской грамматике» (1831). Ученый исследовал особенности изменения прилагательных, которые употребляются вместо существительных (рус. *Борисов, Киев, Псков* и т. д.);

использование существительных в качестве наречий (рус. *кругом, верхом, даром, второпях* и т. д.) [9, с. 36].

Определённую теоретическую значимость имел труд Г.П. Павского «Филологические наблюдения над строением русского языка», содержащий краткие общетеоретические замечания о частях речи, и ряд наблюдений, которые имеют опосредованное отношение к явлению перехода [23, с. 17].

Ф.И. Буслаев рассматривал переход разных частей речи в существительные (разумеется, термин *субстантивация* не употреблялся) [7, с. 204].

В конце XIX века А.А. Потебня, классифицируя слова, на первый план вынес лексическое значение (в современной лингвистике семантическое направление). Ученый отмечает, что субстантивированные прилагательные являются следствием опущения определительных существительных в словосочетаниях «прилагательное + существительное», подчеркивает многочисленные случаи пропуска определительного компонента, что устраняет необходимость предусматривать опущение таких слов, как *мужчина и женщина* относительно слов *больной и родной* [26, с. 76].

А.А. Потебня очертил ряд синтаксических и семантических особенностей субстантивации (без использования термина), установил три степени субстантивации:

- 1) полную (рус. *мастеровой*);
- 2) полусубстантивированные прилагательные (рус. *холерный*);
- 3) прилагательные, где субстантивация лишь очерчена (рус. *казачье*).

Представители Казанской лингвистической школы сформулировали отдельные утверждения относительно явления транспозиции частей речи, хотя с применением иной терминологии. Эти наработки, тогда еще не посвященные именно транспозиции частей речи, в общих чертах предопределили основы морфологической транспозиции.

А.М. Пешковский считал переход «следствием того, что отдельные слова благодаря звуковым и семантическим изменениям, происходящим в них и в ассоциативно связанным с ними слова, медленно и постепенно переходят из одной категории в другую» [24, с. 128].

А.М. Пешковский рассматривал следующие примеры переходности:

1. Употребление забытых прилагательных в значении существительных: *нищий, прохожий, портной*.

2. Прилагательное сочетает собственные признаки с признаками существительного: рус. *столовая* ... мебель, посуда, скатерть → просто *столовая* (комната).

3. Иногда нельзя исторически объяснить опущение существительного: рус. *родной, больной, хромой, слепой, глухой* и т. д.

4. Нельзя даже представить, какое слово могло быть опущено: рус. *мясное, рыбное, заливное, яровое, озимое, бывшее, прошедшее* и т. д.

Переходность нашла отражение в лингвистических исследованиях ученых первой половины XX века.

А.А. Шахматов ввёл термины *субстантивация, адвербиализация, конъюнкционализация* и т. п. [32].

Л.В. Щерба отметил следующее: «...одно и то же слово является таким, что одновременно проявляет свойства различных категорий, напр.: рус. *кругом* может быть в зависимости от контекста наречием или предлогом» [35]. Отдельные слова, по мнению исследователя, находятся вне частеречной классификации (рус. *да, нет*, вводные слова).

Рассматривая переходные явления как грамматическую омонимию, В.В. Виноградов подчеркивает, что грамматические омонимы являются результатом переходности, но не ее процессом (наречие *вдали* – предложно-падежная форма *в дали*). Академик предложил четкую систему частей речи; в монографии «Русский язык (грамматическое учение о слове)» подробно обосновал понятия переходности частей речи; детально комментировал субстантивацию; основным условием для частеречного перехода слов и развития в них специфических категориальных значений считал изменение синтаксической функции слова. «Грамматические явления являются подвижными относительно категорий, нередко одному и тому же явлению присущи признаки различных категорий» [8, с. 43].

Теоретическим обобщением исследований конкретных случаев переходности среди частей речи в работах учёных XIX в. – начала XX в. можно считать исследование А.С. Беднякова «Явления переходности грамматических категорий в современном русском языке» (1941). Ученый выделил четыре группы слов по степени переходности:

- 1) переход закончился (рус. существительное *запятая*, предлог *между*);
- 2) процесс переходности продолжается (рус. *мостовая*);
- 3) слова имеют двойное морфологическое назначение (рус. *больной, рабочий*);
- 4) переход осуществляется, он ещё не завершён (рус. *встречный, дальневосточная*).

Переход, по мнению А.С. Беднякова, обозначает сдвиги в семантическом и грамматическом смысле слова, поэтому ученый предложил термин *переходность*, который указывает на зависимость частеречной принадлежности слова от изменения синтаксических функций [5, с. 29].

Теоретическая база учения о переходности середины XX века позволила языковедам второй половины XX – начала XXI вв. продолжить исследование проблемы транспозиции частей речи.

Комментируя исследования А.С. Беднякова, М.Ф. Лукин отметил, что изменением синтаксических функций нельзя объяснить переход существительных собственных в общие названия, например: *Ампер* и *ампер*.

Имена собственные (онимы) – огромный пласт лексики, в котором явление транспозиции имеет специфику, определенную самой природой имени собственного. Можно выделить продуктивные модели перехода лексических единиц из одного лексико-грамматического разряда в другой, свойственные данному пласту языка: процессы *онимизации, деонимизации и трансонимизации*. Ф.Ф. Алистанова считает онимизацию основополагающим звеном в процессе появления и функционирования эргонимов [2, с. 14]. Все это частные случаи транспозиции, которые могут быть охарактеризованы не только как субстантивация, лексикализация, но и как закономерные свойства онимической системы того или иного языка.

В процессе функционирования имен собственных в языке довольно часто осуществляется перенос имени с одного объекта на другой. Например: фамилия *Пушкин* – город *Пушкин*. При обозначении данного явления наблюдается употребление различных терминов: топоним, топонимическая метонимия, контактный перенос и др. Н.В. Подольская в словаре русской ономастической терминологии обозначает это явление термином *трансонимизация* [25, с. 138].

Трансонимизация как лексико-семантический способ образования довольно часто становилась объектом обсуждения лингвистов. Н.В. Усова рассматривает ее как одну из форм онимогенеза [30, с. 303]. Этому явлению посвятили свои труды Е.С. Отин, А.В. Суперанская, Ю.А. Карпенко, Н.В. Подольская, М.В. Горбаневский, Т. В. Чуб, М.Г. Курбанова, М.В. Яковенко и др.

Основными особенностями изучения проблемы транспозиции частей речи в современном языкознании являются:

1) синтез теоретического и прикладного подходов к анализу транспозиционных проблем;

2) интенсификация исследований конкретных разновидностей транспозиции с применением достижений теоретических трудов на материале одного или нескольких языков (в сопоставительном аспекте);

3) расширение проблематики явления транспозиции, в частности, анализ связей между транспозицией и смежными явлениями, транспозиционного потенциала отдельных частей речи, функций транспозиции как языкового явления, особенностей переходных явлений на материале художественных произведений;

4) создание новейших концепций переходности частей речи;

5) наличие объемного терминологического аппарата.

Теории взаимоперехода частей речи (В.М. Никитевича), трансформации (трансформациологии) (В.Н. Мигирова), морфологической переходности (синхронной переходности) (В.В. Бабайцевой) и др. плодотворно развивают и совершенствуют их ученики и последователи.

Созданы новые «транспозиционные» концепции. Например, концепция транскатегоризации С.А. Остапенко. В данном случае термин *транспозиция* используется в качестве синонима для понятия *транскатегоризации*, которое представлено в исследованиях ученой как синхронный процесс (в случае перемещения знака из одного категориального класса в другой) и как диахронный (в случае изменения категориального и референтного статуса, влекущего за собой появление новых слов). Поскольку вышеописанные переходные явления служат основой модели для образования новых слов, можем сделать вывод о том, что транскатегоризация и переходность – процессы близкие, но не тождественные [22, с. 39].

Особенно значимым является вклад в изучение явлений переходности основателя теории трансформации В.Н. Мигирова. Как диахроническое, так и синхроническое преобразование в языке ученый назвал *трансформацией* и в монографии «Очерки по теории процессов переходности в русском языке» осуществил четкое разграничение трансформации в системе частей речи и членов предложения, а также обозначил основную проблематику такого учения на морфологическом уровне. Исследователь рассмотрел случаи эмиграционных и иммиграционных процессов каждой части речи и переходы одних грамматических форм в другие в пределах одного класса, охарактеризовал факторы, которые стимулируют или приостанавливают процесс переходности [20, с. 133].

В.В. Бабайцева обобщила и теоретически осмыслила накопленный материал о переходных явлениях в морфологии и синтаксисе; проанализировала особенности синкретических образований; разграничила трансформационную и контаминационную переходность; выделила синхронную (индивидуальную) и диахронную (групповую) переходность, что позволило создать шкалу переходности. Вследствие диахронной переходности образуются новые классы слов, являющиеся результатом процесса исторического формирования на основе взаимодействия двух и более частей речи (так сформировались числительные, причастия, деепричастия, слова категории состояния). Синхронная переходность приводит к количественному пополнению той части речи, в которую переходят определенные слова [3, с. 83–84]. В трудах ученой *диахронная переходность* обозначена как *трансформация* (данный термин находит отражение в работах В.Н. Мигирова), а *синхронная переходность* названа *контаминацией* – термином, который позднее был заменен понятием *синкретизм*.

И.В. Высоцкая уточняет содержание понятия *синкретизм*, иллюстрирует взаимодействие частей речи в русском языке примерами межчастеречных переходов, подробно описывает субстантивацию и другие процессы транспозиции [10, с. 19].

В.В. Шигуров на материале разных классов слов охарактеризовал основные понятия теории переходности частей речи, обозначил разные позиции относительно сути явления переходности, проиллюстрировал формы и признаки переходности слов, описал транспозиционный процесс модалации частей речи: «Функциональные модалиты типа *странно, удивительно, ясно, смешно, страшно, очевидно* представляют зону периферийных вводно-модалных единиц, для которых трудно установить какой-либо один исходный пункт межкатегориальной транспозиции (модалации). Они в равной мере могут быть соотнесены с двумя частями речи – прилагательными в краткой форме (в предикативном и безлично-предикативном употреблении) и с возникшими на их базе наречиями» [34, с. 179]. По мнению ученого, изменение синтаксической функции является отправной точкой процесса перехода слова в иную часть речи. Широта потенциала синтаксических функций делает возможной реализацию различных видов перехода слова в другие классы. Например, большой набор синтаксических функций позволяет существительным переходить в разряд местоимений, числительных, наречий, предлогов и союзов [33].

В.М. Никитевич, рассматривая транспозицию на уровне частей речи, подчеркивает, что производное значение обусловлено синтаксически и слово при этом не изменяется [21].

По мнению М.Ф. Лукина, то, что традиционно называют переходом частей речи, не является таковым. Это новое лексико-грамматическое явление, которое можно считать лексико-грамматической субституцией, то есть образование словоформами тех или иных частей речи своих вторичных форм и регулярное их применение как субститутов-заместителей потенциальных словоформ других частей речи. Лингвист классифицировал трансформационные процессы, выделив среди них продуктивные и непродуктивные. Исследователь делает акцент на зависимости каждого трансформационного процесса от ряда семантических и синтаксических условий. В работах доминируют термины *переход частей речи, переход категорий слов, трансформация, передвижение, перемещение*. Функционирование слов с общекатегориальной валентностью двух и более частей речи отнесено к неполному переходу [18].

Л.В. Бортэ считает переходными исторические процессы изменения значения слова [6].

В.И. Кодухов констатирует, что понятие *переходность* охватывает как исторические трансформационные процессы, так и отражает промежуточность, синкретизм соответствующих явлений [15, с. 4–15].

Р.М. Гайсина различает транспозицию функции, формы и значения, но при этом комментирует данное явление как переход лексического знака из одной части речи в другую, следствием которого является приобретение словом значения другой части речи, а также функционирование в новом частеречном статусе [11].

На современном этапе языковеды продолжают поиск усовершенствования традиционной теории транспозиции с учетом как достижений предшественников, так и предложений современных исследователей.

Н.А. Лыкова относит транспозицию к числу типов преобразований русского слова и отводит ей место в ряду полисемии, омонимии, аффиксации, вариантности. В качестве примера приведены словосочетания *жарким летом, светлым днем, прошлой*

зимой, в которых при помощи транспозиции в сочетании с аффиксацией происходит асимметрическое расщепление творительного падежа существительных с учетом определенных синтаксических условий. В результате такого процесса слова переходят из разряда существительных в разряд наречий (*отдыхаем летом, работаем днем, уезжаем на юг зимой*) [19, с. 3].

Т.К. Бардина, рассматривая транспозицию, делает акцент на выяснении сущности явления лексико-грамматической переходности и взаимосвязи частей речи [4].

И.С. Улуханов подчеркивает, что лексические единицы, претерпевая процессы транспозиции, должны обозначать одну и ту же реалию, интерпретированную по-разному в грамматическом аспекте [29, с. 639].

А.Ю. Голубева рассматривает транспозицию в словообразовательном ключе [13]. И.Б. Руберт именуется транспозицию механизмом функционального сближения частей речи. З.М. Шапилова анализирует разноплановость значения термина *транспозиция* в целом [31]. Проблемы транспозиции также находят отражение в работах В.Н. Алиевой, Е.Н. Ремчуковой, Т.К. Бардиной, И.В. Высоцкой, М.В. Резуновой и др.

В.Н. Алиева рассматривает процессы взаимодействия лингвистических единиц, среди которых особое внимание уделяет транспозиции (описана семантика и особенности функционирования отыменных предлогов в русском языке). В работах ученой находим комментарии относительно трудов А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Бабайцевой, М.Ф. Лукина и др. [1]

Е.Н. Ремчукова убеждена, что транспозицию нужно изучать вместе с другими типами грамматического варьирования, хотя вариации возможны для единиц одного уровня (для грамматических форм) [28].

В исследованиях М.В. Резуновой подчеркивается малоизученность семантической переходности и особенностей ее преобразований (например, вариантов синонимии, полисемии – омонимии и др.) [27, с. 117].

Явления перехода слов из одной части речи в другую исследуют с разных позиций, что приводит к различной расстановке акцентов и терминологической неопределённости (мы зафиксировали 194 варианта терминов). Это даёт право на вывод о недостаточной разработанности и отсутствии единства терминологического аппарата.

Перечислим признаки, которые свойственны лингвоисториографическому исследованию транспозиции частей речи в языкознании XIX – начала XXI вв.:

- постепенное накопление эмпирического материала;
- совершенствование приемов его интерпретации;
- формирование теоретических основ транспозиционных исследований;
- определенная эволюция взглядов некоторых лингвистов на проблему транспозиции частей речи;
- появление новейших транспозиционных концепций;

Мы систематизировали накопленный в лингвистике теоретический материал по транспозиции в русском языке, применяя методику лингвоисториографического исследования; сделали анализа научных позиций ученых по проблеме транспозиции частей речи, что позволило условно выделить этапы эволюции взглядов на данное явление; проанализировали набор терминов для обозначения транспозиции частей речи; обобщили грамматическое наследие российских лингвистов.

Обобщение научных позиций по проблеме транспозиции частей речи позволяет условно выделить три основных этапа эволюции взглядов:

1. «Предтранспозиционный» – XIX – середина XX вв.:

а) анализ конкретных случаев перехода из одной части речи в другую (XIX – 30-е гг. XX вв.);

б) опыты теоретического осмысления проблем переходности (40-е гг. – первая половина 50-х гг. XX в.);

2. Этап становления теории транспозиции (середина XX в.);

3. Современный этап – дальнейшее развитие теории транспозиции (50-е гг. XX в. – до настоящего времени).

Процесс взаимодействия и переходности среди частей речи, как образно описал А.М. Пешковский, «вечный в языке, и в тех случаях, когда процесс перехода для определённого слова закончился, когда слово уже перешло в новую категорию, мы, конечно, никакой переходности не видим. Но когда переход осуществляется на наших глазах, когда процесс перехода длится не одно столетие, современное, в частности, тогда мы останавливаемся с удивлением над словом и не знаем, к какой части речи его отнести» [24, с. 128]. Именно такие случаи и стимулируют учёных к размышлениям, заставляют подробно проанализировать слово, выявить его новые грани, понять, какой богатой и сложной системой является язык, какие процессы происходят в нем, какие новые неисследованные явления возникают в изменившихся условиях.

Считаем лингвоисториографическое описание проблемы становления исследований о субстантивации различных частей речи в одновременно протекающем процессе онимизации с применением наработок актуалистического метода одним из перспективных направлений дальнейшего изучения трансонимизации как одного из видов транспозиционных процессов.

Полагаем, что результаты нашей работы могут стать основой для дальнейшего анализа явлений транспозиции частей речи, без учета которых невозможно решить противоречивую лингвистическую проблему – дифференцировать имеющиеся в языке классы слов как части речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева В.Н. Понятия взаимодействия, перехода и переходности в современной лингвистике [Текст] / В.Н. Алиева // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 54. – С. 11–13.
2. Алистанова Ф.Ф. Неофициальные эргонимы в городском пространстве: мотивы появления и типы номинаций [Текст] / Ф.Ф.Алистанова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2018. – № 4(36). – С. 12–17.
3. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка [Текст] / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
4. Бардина Т.К. Проблема лексико-грамматической переходности частей речи в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Т.К. Бардина. – Волгоград, 2003. – 194 с.
5. Бедняков А.С. Явления переходности грамматических категорий в современном русском языке [Текст] / А.С. Бедняков // Русский язык в школе. – 1941. – № 3. – С. 28–31.
6. Бортэ Л.В. Проявление связей между частями речи в современном русском языке [Текст] / Л.В. Бортэ.–Кишинёв: Штиинца, 1979. – 120 с.
7. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
8. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1972. – 614 с.
9. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная [Текст] / А.Х. Востоков. – СПб., 1831. – 496 с.
10. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Ирина Всеволодовна Высоцкая. – М., 2006. – 452 с.

11. Гайсина Р.М. Диалектика межкатегориального перехода понятия [Текст] / Р.М. Гайсина // Переходность и синкретизм в языке и речи: межвуз. сб. науч. трудов. – М.: Прометей, 1991. – С. 31–37.
12. Глинкина Л.А. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка Текст. / Л.А. Глинкина, А.П. Чередниченко. – М.:Флинта. Наука, 2005. – 208 с.
13. Голубева А.Ю. Общая характеристика транспозиции как способа словообразования [Текст] / А.Ю. Голубева, А.А. Калашникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 10(76): в 3-х ч. Ч. 1. – С. 93–95.
14. Греч Н.И. Практическая русская грамматика [Текст] / Н.И. Греч. – СПб.: Император.типогр. СПб. восп. дома, 1827. – 588 с.
15. Кодухов В.И. Семантическая переходность как лингвистическое понятие [Текст] / В.И. Кодухов // Семантика переходности: сб. науч. трудов. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1977. – С. 5–16.
16. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст]. Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л.П. Крысин. – Москва: Рус. яз., 1998. – 846 с.; (Библиотека словарей русского языка).
17. Ломоносов М.В. Российская грамматика [Текст] / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7. Труды по филологии. – 996 с.
18. Лукин М.Ф. О номинативно-грамматическом принципе классификации частей речи в современном русском языке [Текст] / М.Ф. Лукин // Русский язык в школе. – 1992. – № 1. – С. 82–87.
19. Лыкова Н.А. Типы преобразований русского слова: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Н.А. Лыкова. – Краснодар, 2003. – 20 с.
20. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке: учеб. пособие [Текст] / В.Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.
21. Никитевич В.М. Словообразование и транспозиция [Текст] / В.М. Никитевич // Филологический сборник. – Алма-Ата, 1971. – Вып. 10. – С. 94–103.
22. Остапенко С.А. Субстантивация как процесс взаимодействия грамматических классов слов и проблемы ее изучения [Текст] / С.А. Остапенко // Языковые категории и закономерности. Пути их системного изучения. Вопросы русского языка и литературы: межвуз. сб. – Кишинев: Штиинца, 1990. – С. 38–45.
23. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Об именах существительных. – 2-е изд. [Текст] / Г.П. Павский. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 376 с.
24. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст]. – 8-е изд., доп. / А.М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
25. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н.В. Подольская. – АН СССР. Институт языкознания. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
26. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1/2. – 536 с.
27. Резунова М.В. К проблеме переходности в языках [Текст] / М.В. Резунова // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение: научный журнал. – 2008. – Вып. 24. – С. 116–120.
28. Ремчукова Е.Н. Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы [Текст] / Е.Н. Ремчукова // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании: колл. монография. – СПб.: Наука, 2000. – С. 79–92.
29. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1996. – 221 с.
30. Усова Н.В. Превращения имени (к вопросу ономогенеза) [Текст] / Н.В. Усова // Восточноукраинский лингвистический сборник им. Е.С. Отина: Сборник научных трудов. – Донецк, 2018. – Выпуск 1(16). – С. 303–312.
31. Шамилова З.М. К вопросу об общем понятии транспозиции [Текст] / З.М. Шамилова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 2-1. – С. 120–122.
32. Шахматов А.А. Учение о частях речи. – 2-е изд., стереотип.; вступ. статья В.В. Виноградова [Текст] / А.А. Шахматов. – М.: КомКнига, 2006. – 272 с.
33. Шигуров В.В. О месте предикативации в системе транспозиционных процессов на уровне частей речи [Текст] / В.В. Шигуров // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка, филол. фак-т МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, 20–23 марта 2010 г. – М., 2010. – С. 43–44.
34. Шигуров В.В. Функциональные вводно-модальные слова, соотносительные с краткими прилагательными, предикативами и наречиями [Текст] / В.В. Шигуров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 179–181.

35. Щерба Л.В. Ф.Ф. Фортунатов в истории науки о языке [Текст] / Л.В. Щерба // Вопросы языкознания. – 1963. – № 5. – С. 89–93.

Поступила в редакцию 04.10.2020 г.

**TRANSPOSITION OF PARTS OF SPEECH
IN LINGUISTIC RESEARCHES OF THE 19th – EARLY 21st CENTURIES**

T.S. Vinnikova-Zakutniaia

The article addresses the problem of parts of speech transposition in the Russian language considered in the linguistic and historiographical aspects. The focus is made on generalization of approaches and stages of formation of the corresponding linguistic views in the works and individual comments of linguists of the 19th - early 21st centuries.

Key words: parts of speech transposition, phenomenon of transitivity, transonymization, linguistic and historiographical aspect.

Винникова-Закутняя Татьяна Сергеевна.
Кандидат филологических наук.
ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
Доцент кафедры русского и иностранных языков.
E-mail: w380505288601@gmail.com

Vinnikova-Zakutniaia Tatyana Sergeievna.
Candidate of Philology.
Donbass Agricultural Academy.
Associate Professor of the Department of the Russian
and Foreign Languages.
E-mail: w380505288601@gmail.com

УДК 81-221

КОМИКСЫ GUDIM'А КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© 2020. А.В. Емельяненко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена исследованию лингвистической специфики работ русского комиксиста Gudim'a. Проанализировано взаимодействие вербальных и невербальных элементов в рассматриваемых текстах. Данная работа может быть использована студентами, аспирантами и преподавателями русского языка.

Ключевые слова: текст, креолизация, лингвистический анализ текста, комикс.

В последнее время комикс как новый тип текста все чаще обращает на себя внимание филологов [1, 2, 4–8 и проч.]. Отечественные комиксы проявляют эволюционную связь с другими типами русских креолизованных текстов (лубком, карикатурой), которые можно считать протокомиксами.

Современный русский комикс представлен минимум тремя функциональными стилями: художественным, научным (научно-учебным и научно-популярным) и публицистическим. Не исключено, что в перспективе исследуемый тип текста проявит свой потенциал в новых сферах коммуникации.

Однако в современном русском языкознании все еще не существует достаточно глубоких работ, посвященных именно русскому комиксу как объекту лингвистического анализа. Лакунарной сферой исследования креолизованных текстов также можно считать идиостиль отечественных комиксистов, хотя именно эти авторы способны наиболее ярко и полно продемонстрировать лингвокреативный потенциал негомогенных текстов в русской коммуникативной среде.

Все сказанное обуславливает *актуальность* нашей темы.

Объектом исследования являются работы русского комиксиста Gudim'a, а *предметом* – их лингвистические особенности. *Цель* работы – изучить лингвистическую специфику работ русского комиксиста Gudim'a. Соответственно, необходимо решить такие задачи:

1) рассмотреть языковые особенности творчества Gudim'a, опираясь на современные схемы лингвистического анализа текстов [3];

2) определить типичные для автора способы актуализации смысла в креолизованных текстах.

Весь фактический материал (92 креолизованных текста) собран нами в сообществе соцсети «ВКонтакте», которое ведет сам автор работ (см. список источников). Не все комиксы, представленные в этих сообществах, рассматривались как объекты лингвистического анализа: не исследовались произведения без вербальных компонентов, поскольку они по определению не могут быть объектами лингвистического анализа (редкое исключение – комиксы без слов, в которых вербальная составляющая остается лакуной для интерактивного взаимодействия автора с читателем).

Прежде, чем перейдем непосредственно к анализу языкового материала, кратко опишем специфику творчества Gudim'a.

Gudim (настоящее имя – Антон Гудим) – художник-иллюстратор из Москвы. Занимается созданием юмористических рисунков (сообщество «Gudim.»). Его

ироничные работы довольно разнообразны по смыслу и концепции. Стиль этого автора узнаваем (векторная графика, лаконичность вербального компонента, характерные персонажи и т. д.).

Итак, уместным представляется использование таких параметров лингвистического анализа комикса: 1) тип текста: а) структурный тип (однокадровый или многокадровый комикс), б) стилистическая принадлежность; в) функционально-смысловое назначение текста (повествование / описание / рассуждение); 2) специфика реализации целостности текста; 3) средства выражения дискретности; 4) характеристика интеграции текста графическими средствами: а) пунктуационные средства; б) печатные средства; в) пиктографические знаки и символы; 5) характеристика интеграции текста фонетическими средствами; 6) своеобразие интеграции текста лексическими средствами; 7) характеристика морфологических средств; 8) характеристика синтаксических средств; 9) специфика реализации категории связности текста; 10) специфика реализации категории информативности в тексте; 11) выражение категорий адресантности / адресатности; 12) специфика реализации категории референции; 13) специфика реализации интертекстуальности в анализируемом тексте; 14) оригинальность текста (оригинальный текст / адаптация / ремейк); 15) индивидуально-авторские языковые средства; 16) реализация языковой рефлексии; 17) реализация категории интерактивности; 18) вывод про уместность языковых средств, несущих смысловую и экспрессивную нагрузку.

В рассматриваемом материале преобладают многокадровые комиксы (82 комикса – 89,1 % анализируемого материала). В подавляющем большинстве случаев исследуемые комиксы относятся к художественному стилю (91 текст – 98,9 %). Единственным исключением является текст публицистического стиля – навигационный пост сообщества. Основная часть анализируемого фактического материала относится к текстам-повествованиям – 65 текстов (70,7 %); второе место занимают комиксы-рассуждения – 20 текстов (21,7 %); наименее представлены в исследуемом материале комиксы-описания – 7 текстов (7,6 %). В качестве примера комиксов-описаний можно рассмотреть серию юмористических рисунков «Логотипы несуществующих компаний» (рис. 1).

Рис. 1. Фрагменты серии «Логотипы несуществующих компаний»

На рисунке выше изображен лишь фрагмент комикса (полностью работа состоит из 18 кадров). Отсутствует прямая речь, авторское описание сюжета и т. п. Изображены исключительно логотипы придуманных художником компаний. Некоторые из них являются пародиями на логотипы известных организаций («Универсам «Пятерочка»» – явная пародия на супермаркет «Пятерочка»); другие логотипы не имеют отношения к реальным организациям, но обыгрывают некоторые маркетинговые штампы и клише («Креативное агентство «Мир названий со словом МИР»», «Очередной интернет-магазин «Необычные подарки»» и т. д.).

Почти все анализируемые комиксы являются целостными – 91 текст (98,9 %). Единственное исключение – серия работ «Дополняя реальность», где фотографии сочетаются с черно-белой графикой (рис. 2). В данном случае цель комиксиста не создание юмористического эффекта посредством обыгрывания разных типов референции, а актуализация подтекста (намек на связь между реальным миром и миром фантазии художника).

Рис. 2. Фрагменты серии работ «Дополняя реальность»

В арсенале средств выражения дискретности мы обнаружили рубрикацию (в 2 текстах – 2,2 %), оформление заголовков (в 5 текстах – 5,4 %) и нарушение визуальной целостности при сохранении вербальной (в 1 тексте – 1,1 %).

Внимания заслуживает не только оперирование теми или иными средствами выражения дискретности, но и игнорирование автором этих средств как способ актуализации определенного смысла или достижения иной цели. Например, Gudim, создавая серию комиксов «Подарки», скорее всего, намеренно не использует раскадровку (рис. 3). Концепция серии такова: поклонники творчества Gudim'a просят художника к Новому году нарисовать тот или иной подарок. В большинстве случаев читатели соревнуются в остроумии и оригинальности, пытаясь загадать как можно более

Рис. 3. Фрагмент серии «Подарки»

эксцентричную тему для рисунка, например, «Баночку, в которую можно класть все свои разочарования и обиды», «Инопланетный коктейль», «Волшебный амулет от постоянного наступания на одни и те же грабли» и т. д. Художник выполняет пожелания читателей, размещая все рисунки сплошным массивом, на единой панели, не кадрируя пространство (таких панелей всего шесть, здесь приводим одну из них). Таким образом автор, вероятно, старается не обидеть своих подписчиков. В противном случае изложение материала в четкой последовательности могло бы создать впечатление, что чьи-то пожелания имеют для автора меньшее значение, из-за чего соответствующие рисунки размещены в последних кадрах.

Что касается интеграции анализируемых текстов графическими средствами, Gudim чаще всего использует курсив, жирный шрифт, цветовое выделение шрифта – 12 текстов (13 %); единожды автор прибегает к актуализации пунктуационного знака (1,1 %) и практически не использует пиктограммы.

В процессе анализа фактического материала не было выявлено случаев ненормативной акцентуации слов. Также отсутствует обращение к таким фонетическим средствам, как рифмы, ритмизация прозы, аллитерации и ассонансы.

У Gudim'a присутствуют определенные предпочтения среди лексических средств: чаще всего комиксист обращается к разговорной и просторечной лексике – в 35 текстах (38 %).

Что касается специфики рассматриваемого материала на морфологическом уровне, то в большинстве комиксов доминируют существительные – в 41 тексте (44,6 %); на втором месте тексты без доминант – 18 текстов (19,6 %); на третьем месте тексты с преобладанием глаголов – 14 текстов (15,2 %).

По количеству грамматических основ доминирующим типом является простое предложение – преобладает в 61 тексте (66,3 %), поскольку, во-первых, комикс – текст, который изначально ориентирован на легкое быстрое прочтение, во-вторых, большая часть сложной информации, в т. ч. про причинно-следственные связи и прочие типы связей между несколькими ситуациями, передается за счет невербального компонента. Простые предложения могут сочетаться со сложными, создавая определенный ритм повествования.

Большим экспрессивным потенциалом обладает разрыв предложений между отдельными кадрами. Например, комиксист оригинально использует этот прием, разрывая одно сложное предложение между тремя частями стрипа (рис. 4). Главный

Рис. 4. Стрип «А все ли я правильно делаю?»

герой на первых двух кадрах изображен задумчивым и серьезным. Однако последний кадр показывает неуместность позы мыслителя в общественном транспорте. В таком контексте фраза *А все ли я правильно делаю в этой жизни?* получает дополнительный смысл.

В исследуемом фактическом материале обнаружены разные типы предложений по цели высказывания. Доминирующим типом является повествовательное предложение – в 44 текстах (47,8 %).

Автор отдает предпочтение диалогам и полилогам – в 43 текстах (46,7 %); реже доминируют монологи – в 15 текстах (16,3 %); с одинаковой частотой встречаются комиксы с отсутствием прямой речи и комиксы, в которых вербальная часть не оформлена в виде предложений – в 17 текстах (18,5 %).

В исследуемом материале встречаются нарушения связности – в 10 текстах (10,9 %). Автор использует этот прием в комиксе «Татуировки», где высмеивает заблуждение, что татуировка непременно должна нести какое-то значение, скрытый смысл либо являться символом определенных чувств, переживаний, событий. Интервьюер задает главному герою вопрос: «Ваши татуировки – это способ самовыражения, возможность донести что-то через рисунки, да?», на что тот отвечает, озадачивая журналиста: «Безусловно, ими я хочу сказать, эмм... ЛИСА, КИТ, ДЕРЕВО, СОБА...». Абсурдность последней реплики, отсутствие грамматической связности между членами этого предложения подчеркивают несуразность вопроса: так автор дает понять, что татуировки у современной молодежи в подавляющем большинстве случаев – это просто способ украсить себя, т. е. действие, не несущее какого-либо скрытого смысла.

Фактуальная информация присутствует во всех проанализированных комиксах; в то же время подтексты и скрытые концепты почти не свойственны произведениям Gudim'a.

Ни в одном из комиксов не представлен такой тип адресанта, как автор – лирический герой. Категория адресанта реализуется посредством автора-нарратора.

В двух комиксах (2,2 %) адресат является не сугубо текстовым, а синкретичным, реально-текстовым. В качестве примера можно рассмотреть проанализированную выше работу «Подарки» (рисунок 3). То же самое касается некоторых интерактивных комиксов.

Единожды автор создает текст с реальной референцией (1,1 %), в котором поднимает проблему творчества и критики.

Категория интертекстуальности была проанализирована нами в рамках трех параметров (собственно интертекстуальность, гипертекстуальность и архитекстуальность): чаще всего Gudim применяет текст в тексте – 30 случаев реализации интертекстуальности (32,6 %).

Пародирование других произведений находим в двух комиксах (2,2 %). Например, в работе «Самое время порисовать» Gudim изображает героев произведений, фигурирующих в комиксах других авторов («Цианид и счастье» Д. МакЭльфатрика, К. Уилсона, М. Мэлвина и Р. ДенБлэйкера, «Желтый малыш» Р. Ф. Аутколта и проч.).

Также обнаружен один ремейк (1,1 %) – Gudim перерисовал работу Насти Машуровой «Я хочу грустить». Несмотря на полную идентичность вербальных частей комиксов, ремейк содержит некоторые отличия: во-первых, различаются стили графики; во-вторых, вместо женского образа автор использует мужской.

Архитекстуальность изредка реализуется в комиксах посредством кочующих концепций – в 2 текстах (2,2 %), например, авторская обработка клише из интернет-

фольклора «Ожидание и реальность», кочующих тем – в 1 тексте (1,1 %) и кочующих образов – в 9 текстах (9,8 %). Ни в одном из текстов, которые мы исследовали, не обнаружено кочующих сюжетов.

Подавляющее большинство исследованного фактического материала – оригинальные авторские работы. Исключения единичны: это ремейки, о которых шла речь выше.

В анализируемом материале обнаружено единственное сравнение. Метафоры; оксимороны и окказионализмы отсутствуют.

Рефлексивный дискурс как проявление метаязыковой функции языка подразумевает определенный контроль говорящего за своей речью. На наш взгляд, такое проявление лингвокреативности может проявляться на любом уровне языка, в том числе при осмыслении говорящими специфики текстово-дискурсивных категорий. Показательными и оригинальными являются те случаи, когда в авторской речи непосредственно либо в репликах одного из персонажей комикса анализируются особенности комикса как особого типа текста. К такому лингвокреативному приему Gudim прибегает в 3 текстах (3,3 %).

Вероятно, самым оригинальным и нестандартным форматом создания комиксов является интерактив – такая форма взаимодействия комиксиста и его читателей, когда последние принимают непосредственное участие в создании комикса (предлагают темы, заполняют лакуны в кадрах, дорисовывают определенные детали в рисунках и т. д.). Данная форма взаимодействия автора и читателя очень популярна в интернете, поскольку это эффективный способ привлечения внимания аудитории к контенту сообщества, а значит, и к творчеству самого комиксиста. Подобным образом работал и Gudim над серией комиксов «Подарки»: художник выполнял новогодние пожелания читателей, рисуя все то, о чем просили поклонники его творчества (рисунок 3). Есть и комиксы с другим типом проявления интерактивности: в одном из постов своего сообщества автор предлагал читателям заполнить лакуну в комиксе из двух кадров.

Итак, все языковые средства, использованные автором рассматриваемых комиксов, являются уместными. Выбор языковых единиц, приемов реализации языковой экспрессии, лингвокреативных эффектов и т. д. мотивирован оказанием предпочтения определенному стилю изложения или жанровой спецификой комикса. Результаты нашего исследования свидетельствуют о высоком лингвокреативном, суггестивном и аттрактивном потенциале русских комиксов. Их происхождение, генетическая связь с лубком и карикатурой, нынешняя интеграция в интерактивную коммуникативную среду и прочие особенности делают этот тип текста уникальным. Комиксы могут выступать не только средством развлечения, но и внедряться в сферу рекламы, использоваться для образовательных целей, служить удобным форматом подачи информации для педагогов, писателей, художников, публицистов.

Наиболее актуальной областью дальнейшего лингвистического исследования отечественных комиксов считаем изучение специфики вербальных компонентов комикса на разных уровнях (лексическом, грамматическом, стилистическом, графическом и т. д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьева Н.Ю. Комикс как креолизованный текст / Н.Ю. Григорьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. – 2013. – Вып. 1. – Т. 10. – С. 109–111.
2. Гринберг И.С. Проблема хронотопа в комиксе / И.С. Гринберг, А.А. Сухов // Человек в мире культуры. – 2013. – Выпуск № 3. – С. 51–57.

3. Емельяненко А.В. Необходимость модификации классических схем лингвистического анализа текста / Анна Владимировна Емельяненко, Артем Вадимович Емельяненко // Наука и мир в языковом пространстве : Сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20.11.2015). – Макеевка : ДонНУСА, 2015. – С. 50–53.
4. Козлов Е.В. Коммуникативность комикса (в текстуальном и семиотическом аспектах): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Козлов. – Волгоград, 1999. – 18 с.
5. Криницина Е.С. Прагматика междометий в креолизованном тексте / Е.С. Криницина // *Lingua mobilis*. – 2014. – Выпуск № 3 (49). – С. 151–155.
6. Рязанова А.Ю. Вербальные и невербальные компоненты новостного комикса как поликодового журналистского текста / А.Ю. Рязанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – Выпуск № 1. – С. 157–160.
7. Саудов Р.Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) / Р.Т. Саудов // Политическая лингвистика. – 2013. – Выпуск № 4. – С. 221–229.
8. Степанова И.В. Креолизованный текст как средство репрезентации концепта *love* (на материале комиксов «Love is») / И.В. Степанова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – Выпуск № 24 (315). – С. 152–156.
9. Туляков Д.С. Рисованная книга «Петр Великий» И. Вышинского и Б. Караджева: типическое и индивидуальное в жанре комикса / Д.С. Туляков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 4. – С. 188–193.
10. Юдин Л.А. Анализ комикса-адаптации А. Климовского и Д. Шейбал «Мастер и Маргарита» / Л.А. Юдин // Уральский филологический вестник. – 2013. – № 5. – С. 288–295.
11. Юдин Л.А. Драматургический потенциал графического романа / Л.А. Юдин // Уральский филологический вестник. – 2014. – № 5. – С. 317–323.

ИСТОЧНИКИ

1. Гудим Антон. Gudim. [Электронный ресурс] / Антон Гудим. – Режим доступа: https://vk.com/gudim_public (дата обращения: 02.01.2018).

Поступила в редакцию 08.10.2020 г.

COMIC STRIPS BY GUDIM AS OBJECT OF LINGUISTIC ANALYSIS

A.V. Yemelyanenko

The paper deals with linguistic analysis of the works by Russian comic-strips artist Gudim. Correlation of verbal and non-verbal elements of the creolized texts under study is analyzed. The results of the research can be used by students, postgraduate students, and teachers of the Russian language.

Key words: text, creolization, linguistic analysis of the text, comic strip.

Емельяненко Анна Владимировна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина.

E-mail: yemelyanenko84@gmail.com

Yemelyanenko Anna Vladimirovna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of General Linguistics and History of Language named after E.S. Otin.

E-mail: yemelyanenko84@gmail.com

УДК 808.51:316.454.52

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

© 2020. А.В. Зайцева

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье рассматриваются основные модели коммуникации, анализируются системный и интеракционный подходы к коммуникации, определяются элементы коммуникационного процесса.

Ключевые слова: коммуникация, модель коммуникации, коммуникационный процесс, теория коммуникации, коммуникационный акт.

Теория коммуникации как наука начала формироваться еще в давние времена, поэтому дефиниций о коммуникации приблизительно столько же, сколько и авторов работ о ней. Так или иначе, с проблемами коммуникации сталкиваются специалисты многих сфер деятельности человека. На сегодняшний день проблемы исследования коммуникативных процессов входят в состав наиболее актуальных, глобальных проблем человечества. Их исследование находится в поле зрения таких ученых, как В.Б. Кашкин, Г.Г. Почепцов, Ф.И. Шарков и др. Целью данного исследования является, проанализировав основные составляющие коммуникативного процесса, выявить основные подходы к изучению коммуникации.

Коммуникационный процесс ученые рассматривают как систему. Согласно системному подходу, объект – это определенная совокупность элементов, взаимосвязанных друг с другом и с окружением, которые образуют целостность, единство. Рассмотрение коммуникативного акта с точки зрения системного подхода дает возможность раскрыть разнообразные связи и отношения внутри самого акта, а также его связь с внешней средой, влияние этой среды на характер, цели и стратегию коммуникации. Для лучшего понимания коммуникации как явления в коммуникативистике используют метод моделирования. Моделирование – изучение объекта путем создания и исследования его копии (модели), которая заменяет оригинал. Модель коммуникации воссоздает основные элементы и функциональные характеристики коммуникационного процесса в виде схемы. Содержание модели зависит от концепции ученого, который эту модель разработал, от потребностей той сферы науки, в которой она появилась и т.п. «Хотя модель и воссоздает некоторые характеристики объекта, который моделируется, она не является отражением реальности, а тем больше самой реальностью. Модель нужна исследователю, чтобы лучше организовать свои мнения о реальности» [6, с. 67]. Метод моделирования имеет большое значение и широкое распространение в современной науке, особенно в таких ее разделах, как физика, химия, биология, кибернетика, технические и социальные науки. Специалисты по теории коммуникации отмечают существенное отличие моделирования в теории коммуникации: «Лингвистика в принципе может строить абстрактные модели, не волнуясь из-за вопроса об их адекватности естественному прототипу, но теория коммуникации непосредственно основывается на моделировании динамических связей в обществе, между людьми, а потому не может отстраниться от «человеческого фактора» [5, с. 70–75].

Коммуникативный акт как систему, отдельные его элементы и способы их связи можно проиллюстрировать с помощью многих моделей коммуникации. Для нас важно не столько проанализировать все известные модели (это сделано в каждом учебнике по

теории коммуникации), сколько выяснить обязательные составные элементы коммуникативного процесса, определить их роль в системе коммуникативного акта. Одна из первых моделей коммуникации была предложена еще древнегреческим философом Аристотелем, который в «Риторике» писал: «Речь состоит из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; он и является конечной целью всего (я имею в виду слушателя)» [1, с. 46]. Таким образом, модель Аристотеля выделяет три компонента в процессе коммуникации: «Оратор – речь – аудитория». В современном варианте она имеет такой вид: «Коммуникатор – сообщение – реципиент». Большинство коммуникативных моделей разработано в XX веке. Теория коммуникации оперирует большим количеством моделей общетеоретического и прикладного характера: социологическими, психологическими, семиотическими, техническими и многими другими [8]. Самое популярное определение основной проблемы коммуникации дал в 30-х годах XX века известный американский исследователь Гарольд Д. Лассвелл: «Кто говорит – что – кому – по какому каналу – с каким эффектом?» Формула Лассвелла считается классической. В этой модели присутствующие пять компонентов коммуникативного процесса: «Коммуникатор – сообщение (информация) – канал передачи – адресат (аудитория) – обратная связь» [12].

Эта модель имеет много общего с линейными моделями Шеннона и Виверра. Модель коммуникации, которая предложена американским математиком Клодом Шенноном, сыграла значительную роль в развитии многих наук, связанных с обменом информацией, хотя сегодня ее уже считают ограниченной. Модель содержит пять элементов: источник информации, передатчик, канал передачи, приемопередатчик и конечная цель, которые размещены линейно и последовательно [14]. Позже модель пересматривалась, пытаясь удовлетворить потребности других отраслей исследования, связанных с другими видами коммуникации. Пересмотренная модель включала шесть компонентов: источник, кодирующее устройство, сообщение, канал, декодирующее устройство и приемопередатчик. Эти компоненты метафорически применялись и в других коммуникативных системах.

Исследователь Норберт Винер оперировал понятием обратной связи, которое сделало его модель более динамичной. Винер писал, что «человек участвует в звене прямой и обратной передачи информации, звене, которое мы в дальнейшем будем называть звеном обратной связи» [3, с. 163]. Винер отмечал, что вопросы обратной связи на то время были недостаточно изучены, потому призывал акцентировать на них значительно больше внимания. Понятие обратной связи позволило сделать модель ближе к реальности человеческого взаимодействия в коммуникации. В лингвистике идеи Шеннона появились в интерпретации Романа Jakobsona. В своей работе «Лингвистика и поэтика» он представил речевую коммуникацию в виде шести факторов, каждому из которых отвечает особая функция языка [10, с. 198]. В модели коммуникации участвуют адресант и адресат, от первого ко второму направляется сообщение, которое написано с помощью кода, контекст в модели Jakobsona связан с содержанием сообщения, информацией, что им передается, а понятие контакта – с регулятивным аспектом коммуникации. Современная социолингвистика, теория коммуникации и социология коммуникации, а также другие науки переняли модель Jakobsona для описания коммуникационных процессов. Юрий Лотман считал слишком абстрактной модель коммуникации, предложенную Р. Jakobsonом, подчеркивая, что в действительности у вещателя и слушателя не может быть абсолютно одинаковых кодов, как не может быть и одинакового объема памяти.

«Язык – это код, плюс его история», – замечал Ю. Лотман [7, с. 13]. Ю. Лотман считал, что коммуникация – это перевод из языка моего «Я» на язык твоего «Ты», то есть коды участников не являются тождественными, а лишь перекрещиваются. «Сама возможность такого перевода обусловлена тем, что коды обоих участников коммуникации, хоть и не тождественны, однако образуют огромное количество перекрещиваний» [7, с. 16]. При полном сходстве вещателя и слушателя исчезает потребность в коммуникации вообще, поскольку им не будет о чем говорить. По мнению Ю. Лотмана, для коммуникации нужна неэквивалентность вещателя и слушателя. Системный подход рассматривает коммуникацию как систему, в которой имеются: источник, передатчик, канал, получатель, место назначения, шум. Коммуникация значит, что источник информации выбирает желательное сообщение, передатчик кодирует сообщение в сигналы, а получатель расшифровывает сигналы сообщения. Успех передачи информации зависит от способности точно получить сообщение в месте назначения. Проблемами передачи информации являются: избыточность (повторы, копирования информации), шум (любое искажение, которое возникает при передаче сигнала от источника к месту назначения), обратная связь (корректирующая информация от получателя).

Модель ИСКП (SMCR) была предложена американским специалистом в сфере коммуникации Д. Берло в 1960 г. Ее именуют по названиям элементов в виде аббревиатуры ИСКП (SMCR): «Источник – сообщение – канал – получатель». Согласно Берло, эта модель содержит детальный анализ каждого из элементов коммуникативного процесса. Источник и получатель анализируются с точки зрения имеющихся у них коммуникативных навыков, знаний, их социальной принадлежности, культурных характеристик, социально-психологических установок. Сообщение рассматривается с позиций его элементов и структуры, содержания и способа кодировки. Каналами коммуникации, по мнению Берло, являются пять органов чувств человека, которые воспринимают информацию. Эта модель является самой простой и удобной для знакомства с особенностями коммуникации, благодаря чему ее можно считать базовой при рассмотрении отдельных элементов коммуникационного процесса. Хотя она имеет ряд недостатков, как и другие модели: монологическая, единоподчиненная, неполная (без учета результата коммуникации и обратной связи). Во второй половине XX века ученые Стенфордского университета в пределах программы «Коммуникации в организации» предложили более сложную модель коммуникационного процесса: «Источник сообщения – коммуникатор – кодирующее устройство – сообщение – канал передачи – декодирующее устройство – реципиент – результат кодировки – обратная связь» [9].

Циклическая модель коммуникации была предложена в работах Уилбура Шрамма. Он считал, что было бы большой ошибкой рассматривать коммуникацию как линейный процесс, у которого есть начало и конец. В действительности этот процесс бесконечен, имеет циклический характер, когда участники коммуникации (источник и получатель) периодически меняются ролями. Таким образом, коммуникация трактуется как двусторонний процесс связи, когда и отправитель, и получатель информации на равных взаимодействуют друг с другом, обмениваясь сообщениями. Если линейные модели в первую очередь направлены на исследование точности сигналов, которые передаются, то в циклической модели основной акцент переносится на интерпретацию сообщения. Поскольку каждый участник коммуникации подходит к расшифровыванию содержания сообщения со своими критериями, то в коммуникационном процессе возникает «семантический шум». Минимизировать его последствия и сделать коммуникацию эффективнее можно лишь с помощью «обратной связи» [13].

Любая система работает эффективно, когда она получает информацию о ее состоянии, то есть ее обратная связь подает достоверную информацию. Именно это дает коммуникатору возможность лучше приспособить свое сообщение к коммуникационному каналу, чтобы повысить эффективность передачи информации и увеличить вероятность соответствия между отправленным и принятым значением. Обратная связь делает коммуникацию двусторонним процессом (диалогом), позволяя каждой из сторон корректировать свои действия и цели. Интеракционный подход рассматривает коммуникацию как взаимодействие и отрицает прямое влияние сообщений коммуникатора на реципиента, ведь последний при системном подходе виделся лишь в роли объекта, который реагирует на воспринятую информацию. На первый план поставлена активность реципиента как равноправного субъекта коммуникации. Этот подход к коммуникации сформулировал Теодор Ньюкомб. Модель имеет вид равностороннего треугольника, вершины которого представлены коммуникантом, реципиентом и объектом вещания. Взаимодействие коммуниканта и реципиента осуществляется как с учетом социальной ситуации, так и без нее. Субъекты коммуникации здесь равноправны, связаны взаимными ожиданиями и установками или же общим интересом к предмету общения. Коммуникация рассматривается как реализация этого интереса с помощью передачи сообщений. Эффективность коммуникации заключается в сближении или расхождении точек зрения коммуникатора и реципиента на объект вещания, что, в свою очередь, означает расширение или сужение их возможностей взаимопонимания и сотрудничества [8, с. 231]. Такой взгляд на коммуникацию ставит в центр внимания достижение согласия между субъектами коммуникации, установления равновесия в системе взаимных установок. Коммуникация – не просто реакция, а субъективная осознанность и направленность на других. Взаимодействие между людьми рассматривается как непрерывный диалог, в процессе которого они наблюдают, осмысливают намерения друг друга и реагируют на них. В последнее время в науке распространяются идеи философии диалогизма (ее связывают с ученым, литературоведом и лингвистом М. М. Бахтиным). Для понимания процесса коммуникации важными являются две основных идеи ученого: во-первых, идея диалогизма, которая заключается в том, что необходимым признаком любого высказывания является его обращение, адресуемость, то есть, без слушателя нет и вещателя, без адресата нет и адресанта; во-вторых, любое высказывание приобретает смысл лишь в контексте, в конкретное время и в конкретном месте (идея хронотопа). М. М. Бахтин выступал против отрыва коммуникационного процесса от реальных контекстов. Он отмечал, что слово сориентировано на собеседника, сориентированное на то, кто этот собеседник: человек из той же социальной группы или нет, более высокий или более низкий по должности (иерархический ранг собеседника); связан или не связан с вещателем любыми более тесными социальными отношениями (отец, брат, мужчина и т.п.) [4, с. 93]. Идеи М.М. Бахтина помогают углубить знание о процессе коммуникации в обществе. Особенность нелинейных моделей в том, что получатель сообщения становится его непрямым соавтором.

Линейным моделям коммуникации противоречат идеи французского семиолога Ролана Барта. Он считал, что слово не столь важно, слово – лишь возможность значения, которое оно приобретает в конкретном тексте. Кроме того, каждое новое прочтение текста создает новое значение, читатель будто пишет свой собственный текст заново [2]. Таким образом, Барт особое внимание акцентирует на семантике текстовых и внетекстовых единиц, тем же отмечая важность контекста коммуникации.

Взгляды Барта и других семиологов разрушают четкую, но все же примитивную картину «передачи и восприятия» информации в линейных моделях коммуникации. В теоретических исследованиях коммуникация рассматривается или как действие (односторонний процесс передачи сигналов без осуществления обратной связи), или как взаимодействие (двусторонний процесс обмена информацией). Ф.И. Шарков, определяя основные критерии классификации моделей коммуникации, предлагает отдельно выделять коммуникационный процесс, в котором коммуниканты поочередно и непрерывно выступают в роли источника и получателя информации [9, с. 235].

Рассмотренные модели коммуникации свидетельствуют о наличии двух подходов в коммуникативистике: трансляционного и интеракционного. Линейные и механистические модели изображают коммуникацию как однонаправленный процесс кодировки и передачи информации от источника к получателю сообщения. При интеракционном подходе коммуникация рассматривается как совместная деятельность участников коммуникации. Современные немеханистические, диалогические тенденции в рассмотрении коммуникации принимают во внимание роль собственно человеческого фактора, взаимодействие участников акта коммуникации, поэтому их считаем такими, которые лучше демонстрируют общение людей в социуме. Однако нельзя утверждать, что какие-то из вышеперечисленных моделей более ограниченные, неполные или неполноценные, поскольку каждая модель возникает, исходя из разных заданий, появляющихся перед исследователем. Мы можем в зависимости от собственных целей, сфер деятельности использовать ту или другую модель. Основные составляющие процесса коммуникации широко вошли во все сферы знаний человека. Информационный обмен возможен при наличии всех необходимых элементов этой системы – источника сообщения, канала, получателя, обратной связи и тому подобное. В интеракционных моделях – составные коммуникации те же, что и в линейных, однако по-другому рассматривается роль каждого из элементов и их функции. Взаимодействие составляющих коммуникационного процесса зависит от специфических условий протекания коммуникативного акта. В дальнейших исследованиях нуждается не только понимание коммуникации как системы, но и осознание роли каждого элемента в процессе обмена информацией, которая позволит лучше понять проблемы успешности или неуспешности коммуникации в разных сферах жизни человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. – СПб. : Азбука, 2000. – 347 с.
2. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Ролан Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И. В. Соловьева и Г. Н. Поварова ; Под ред. Г. Н. Поварова. – М. : Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
4. Бахтин М.М. Работы 1920-х годов / М. М. Бахтин. – К. : Next, 1994. – 384 с.
5. Касевич В.Б. Теория коммуникации и теория языка / В. Б. Касевич // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб., 2001. – С. 70-75.
6. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации : краткий курс / В. Б. Кашкин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 256 с.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : ИскусствоСПб., 2000 – 704 с.
8. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2001. – 656 с.
9. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации : учеб. пособ. [для вузов] / Ф. И. Шарков. – М. : Академический проект, 2006. – 304 с.
10. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 197-205.

11. Berlo David. The Process of Communications: An Introduction to Theory and Practice [Electronic resource] // <http://www.shkaminski.com/Classes/Handouts/Communication%20Models.htm> (дата обращения: 27.08.2020).
12. Harold D. Lasswell. The structure and function of communication in society [Electronic resource]. – <http://profs.w.files.wordpress.com/2009/03/12.pdf> (дата обращения: 27.08.2020).
13. Schramm W. The Nature of Communication between Humans // The Process and Effects of Mass Communication : [Electronic resource]. – http://www.fca.pucminas.br/saogabriel/raop/pdf/nature_communication.pdf (дата обращения: 27.08.2020).
14. Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theorie of Mass Communication : [Electronic resource] – <http://www.shkaminski.com/Classes/Handouts/Communication%20Models.htm> (дата обращения: 27.08.2020).

Поступила в редакцию 02.09.2020 г.

CONCEPTUAL MODELS OF COMMUNICATION THEORY

A.V. Zaitseva

The article deals with the main models of communication. Systemic and interaction approaches to communication are analyzed. The elements of the communicative process are identified.

Key words: communication, model of communication, communicative process, theory of communication, communicative act.

Зайцева Анна Владимировна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет».

Доцент кафедры русского языкознания и

коммуникативных технологий.

E-mail: dumayanna@mail.ru

Zaitseva Anna Vladimirovna.

Candidate of Philology.

Luhansk State Pedagogical University.

Associate Professor of Russian Linguistics and Communication Technologies.

E-mail: dumayanna@mail.ru

УДК 811.16:378.147- 057.87

ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ НА ОСНОВЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

© 2020. *И.А. Кудрейко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается коммуникативный подход к изучению близкородственных славянских языков, основанный на совокупности принципов обучения, направленных на формирование коммуникативной компетенции; конкретизируется дефиниция термина «коммуникативный подход», определяются принципы коммуникативного подхода и их основные характеристики.

Ключевые слова: коммуникативный подход, изучение славянских языков, коммуникативность обучения, речевая деятельность, принципы коммуникативного подхода.

Активные интеграционные процессы, происходящие в современном обществе, требуют совершенствования, модернизации системы отечественного образования с целью соответствия качества языковой подготовки выпускников высших учебных заведений международным требованиям.

Актуальность исследования обусловлена потребностью социума в совершенствовании лингводидактических технологий языковой подготовки будущих специалистов, возникшей в результате динамичных процессов, происходящих в системе образования.

С учетом международных требований на смену субъект-объектному процессу обучения традиционного образования приходит продуктивное образование, характеризующееся субъект-субъектным процессом обучения, усиливающим его деятельность, гуманистическую направленность. При таком процессе обучения между преподавателем и студентом выстраиваются отношения сотрудничества, сотворчества, обучающийся осваивает систему образовательной деятельности, овладевает новыми технологиями, позволяющими осваивать знания, формировать умения и навыки.

Основным подходом продуктивного образования является коммуникативный, возникший в 70-е гг. XX в. в связи с выдвижением в качестве главной цели обучения – овладение языком как средством общения, или коммуникацией, которая, на наш взгляд, представляет комплексный процесс, направленный на взаимодействие индивидов, обеспечивающий с помощью системы установленных знаков взаимообмен информацией, во время которого каждый участник осваивает общечеловеческий опыт, овладевает общепринятыми ценностями, формируется как субъект коммуникации.

Разработкой данного подхода и его реализацией в отечественной науке занимаются Э.Г. Азимов, Б.В. Беляев, Е.И. Пассов, В.В. Сафонова, А.П. Старков, А.Н. Щукин и др., в зарубежной лингвистике вопросам коммуникативного подхода посвящены работы Д. Ларсен-Фриман, К. Морроу, П. Саливан, А. Холидей и др.

Несмотря на многочисленные исследования ученых, посвященные теоретическим основам иноязычной подготовки специалистов, традиционные методы обучения являются доминирующими в учебном процессе. В нашей работе, ориентируясь на продуктивное обучение, уделяем внимание коммуникативному подходу, который в недостаточной мере освещен в научной литературе.

Цель работы – обосновать целесообразность использования и преимущества применения коммуникативного подхода в процессе обучения славянским близкородственным языкам; акцентировать внимание на принципе сравнимости, играющем важную роль при сопоставительном изучении близкородственных языков.

Основная задача коммуникативного подхода при изучении славянских языков – пробудить интерес у студентов к изучаемым языкам посредством расширения знаний и опыта, вызвать потребность в иноязычной речевой деятельности, сформировать навыки смыслового восприятия и воспроизведения текстов, усовершенствовать умения использования языкового материала для построения речевых высказываний (См.: [3]).

Характерной особенностью коммуникативного подхода при обучении языкам является максимальное приближение процесса обучения к реальному процессу коммуникации, а основная идея заключается в коммуникативности обучения. Е.И. Пассов обозначил пять основных принципов данного подхода, среди которых принцип речевой направленности, принцип индивидуализации, принцип ситуативности, принцип функциональности, принцип новизны (См.: [4]). Анализ наработок ученых по данной проблематике позволяет расширить круг принципов.

На наш взгляд, к принципам коммуникативного подхода следует отнести следующие.

Принцип индивидуализации. Индивидуализация является основополагающей при обучении языкам, так как задания подбираются с учетом индивидуальных, субъектных и личностных качеств обучаемого, соответствуют уровню подготовки студента, а также отражают его личный опыт.

Принцип индивидуализации состоит из двух компонентов: внутренней индивидуализации и внешней, где под внутренней индивидуализацией понимаем процесс, направленный на развертывание индивидуальных устремлений, реализацию сущности, выработку жизненных смыслов, стилей деятельности, стимуляцию осознанной необходимости изменения себя в лучшую сторону, а внешняя – подразумевает направленное воздействие внешнего образовательного пространства, включающего адаптацию содержания и форм учебного процесса к индивидуальным особенностям, способностям, наклонностям и пожеланиям обучаемого.

Использование принципа индивидуализации при обучении неродному языку позволяет обучаемым выбирать наиболее приемлемые для них формы и методы обучения, что способствует повышению уровня знаний более слабых студентов, а у сильных появляется возможность продвигаться в освоении учебной дисциплины более быстрыми темпами (См. [4,5,6]). Принцип индивидуализации предполагает адаптацию учебного курса под конкретного обучаемого. Студенту предлагаются задания, например: *Тема беседы: «О чем Вы мечтаете?»/ «Про що Ви мрієте?»/ «O czym marzysz?»/ «Аб чым Вы марыце?»*. Во время беседы пополняется лексика обучаемого, он заучивает новые речевые конструкции.

Принцип дифференциации. Дифференциация заключается в индивидуальном подходе к обучающимся с целью выявления типичных индивидуальных различий, а также определении уровня их способностей и возможностей для реализации новых форм организации учебного процесса, методов, приемов и средств обучения. Заметим, что принцип дифференциации неразрывно связан с принципом индивидуализации. Используя данный принцип, для обучаемого предлагается ряд заданий, из которых он выбирает посильные для выполнения с учетом языковой подготовки, например: *более сильным студентам предлагается описать иллюстрацию в учебнике, менее подготовленные – рассматривают иллюстрацию и отвечают на вопросы по ней*.

Эффективно принцип дифференциации реализуется в групповой деятельности при условии установления благоприятного психологического климата в группе. Это объясняется тем, что групповое обучение позволяет максимально реализовать каждым обучаемым свои возможности в общении, наиболее ярко проявить свои личные качества.

Принцип речевой направленности. Данный принцип основывается на использовании коммуникативных видов деятельности при обучении неродному языку, так как именно в процессе речевой коммуникации, в условиях успешного партнерства между всеми участниками учебного процесса, выполняя задания условно-речевого или речевого характера, связанные с решением тех или иных речемыслительных задач, студенты смогут научиться тому, каким образом следует формировать и расширять свои речевые возможности на изучаемом языке. Принцип речевой направленности основывается на выполнении студентами проблемных учебных заданий, позволяющих активизировать мыслительную деятельность обучаемых и вызвать потребность в их обсуждении. Для совершенствования навыков диалогического общения студентам предлагаются такие упражнения, например: *дать ответы на вопросы: «В каких повседневных и профессиональных ситуациях мы вступаем в диалог / переговоры?», «Какими качествами должен обладать коммуникант для успешного ведения диалога / переговоров?», затем обучаемым предлагается ввести определенную лексику в диалог к заданной ситуации: «увлечение», «интерес», «старание», «временно отложить» / «zauroczenie», «zainteresowanie», «staranie», «chwilowe odłożenie» / «захлоплення», «інтерес», «старання», «тимчасово відкласти» / «захоплення», «інтарэс», «старанне», «часова адкладзі» и т.д. (не более 10 лексических единиц).*

Принцип ситуативности. Этот принцип предполагает осуществление процесса обучения на основе ситуаций, воспринимаемых обучаемыми как систему взаимоотношений; подразумевает, что ситуация является единицей организации учебного процесса и охватывает презентацию речевого материала, формирование речевых навыков и является основой организации речевых единиц. Основными условиями моделируемых на занятии ситуаций являются: мотивационно-целевые факторы; общий контекст деятельности; социальные, статусные, позиционные, деятельностные и нравственные взаимоотношения коммуникантов; количество участников коммуникации; пространственно-временная локализация; уровень языковой подготовки участников коммуникации; речевой стимул; этикетные формулы. Например: *Постройте диалог на изучаемом языке на тему: «Разговор в отделе обслуживания клиента»/ «Розмова у відділі обслуговування клієнтів»/ «Rozmowa w Dziale Obsługi Klienta»/«Размова ў адзеле абслугоўвання кліента».*

Принцип функциональности. Данный принцип был сформулирован в отечественной методике А.П. Старковым, который отмечал, что «принцип функциональности определяет объекты учебной деятельности обучающего и обучаемых, а также формы и содержания этой учебной деятельности. Это может быть сформулировано следующим образом: овладеть тем, что функционирует в устной и письменной коммуникации, и овладеть таким образом, как оно функционирует» [7, с. 23]. Соблюдение принципа функциональности при развитии коммуникативной компетенции осуществляется посредством дискурса – системы текстов и техник работы с ними, что в достаточной степени активизирует учебный процесс. Для формирования системных знаний о стране, язык которой изучается, студентам предлагаются тексты публицистического, научно-популярного, художественного стилей. Например:

O nazwie Warszawa

Istnieje kilka legend o powstaniu tej nazwy.

Wiadomo jest podanie gminne między ludem, że w miejscu, gdzie teraz stoi miasto Warszawa, były przedtem rozległe puszcze w zwierzynę obfite. Król polski imieniem Kazimierz często w nich polował. Polując raz zabłąkał się od swego dworu, a szukając schronienia, w którym by odpoczął, spostrzegł lepiankę. W niej zastał matkę, która świeżo bliźnięta na świat wydała: syneczka i córeczkę. Ten dobry monarcha trzymał jej dzieci do chrztu. Jedno nazwał on Wars, drugie Sawa. Nie szczędził swoich łask dla biednej rodziny, i szcudrością jego wkrótce dla siebie wygodniejsze mieszkanie wzniosła. Względędy, jakich doznawali, i spływające na nich dostatki to sprawiły, że wnet i inni koło nich gnieździć się zaczęli. Tak powstało miasto, które od tych bliźniąt Warszawą nazwane zostało.

W książkach można znaleźć i inne legendy o tych dwóch imionach. Jedna z nich mówi, że w pradawnych czasach nad Wisłą stał domek rybaka Warsa. Syrena przed wiekami pływała w falach Wisły, czarując wszystkich swoim śpiewem. Syrena ta miała na imię Szawa. Wars zakochał się w Szawę, wyłowił ją z Wisły i ożenił się z nią. Mieli oni dwanaście synów. Później w pięknym miejscu, gdzie stał ich domek, wyrosło mia-sto, któremu imię dano Warszawa. Postać zaś syreny widzimy na godle Warszawy.

Pomiędzy rybakami warszawskimi i flisakami inne krążyło podanie o początkach nazwania Warszawy.

Горад Мінск

Горад Мінск – сталіца Беларусі, палітычны, эканамічны, навуковы і культурны цэнтр краіны. Мінск – найбольш эканамічна развіты горад Беларусі. У Мінску пражывае 2 млн 20,6 тыс. чалавек (на 1 студзеня 2020 г.), і колькасць насельніцтва пастаянна павялічваецца. Мінск знаходзіцца на перакрываванні асноўных транспартных маршрутаў. Аўтамабільныя дарогі звязваюць Мінск з буйнейшымі гарадамі Беларусі: Оршай, Віцебскам, Маладзечнам, Брэстам, Слуцкам, Магілёвам, Гомелем. Мінск – буйны чыгуначны вузел. Чыгунка звязвае сталіцу з многімі гарадамі Беларусі і замежжа. У Мінску размешчаны нацыянальны аэрапорт.

Каждый текст сопровождается комментариями, а также заданиями типа: прочтите и переведите текст, используя словарь и комментарии; ответьте на вопросы.

Принцип аутентичности. Для реализации принципа аутентичности в процессе обучения используются оригинальные профессионально-ориентированные материалы, которые характеризуются естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью используемых языковых средств, иллюстрируют случаи аутентичного словоупотребления и соответствуют таким критериям:

- востребованность в профессионально-ориентированной подготовке студентов;
- возможность последующего применения;
- достоверность;
- соответствие уровню знаний студентов;
- возможность адекватно использовать в сферах предполагаемого реального общения.

Использование аутентичных материалов повышает степень эффективности обучения всем видам речевой деятельности, позволяет имитировать погружение в естественную речевую среду. Например: прочтите и переведите текст, используя словарь и комментарии. Перескажите содержание, опираясь на вопросы. Для анализа студентам предоставляется текст на польском/украинском/белорусском языках. Для примера приводим фрагмент текста известного польского поэта, публициста

поколения Молодой Польши, Артура Оппмана «Сирена»: (...) Tam, gdzie dziś nad samym prawie wybrzeżem Wisły, poniżej starożytnych kamienic Starego Miasta, rozciąga się ulica, Bugaj zwana, przed wielu, wielu laty szumiał las zielony, odwieczny. W lesie tym, z pagórka wznoszącego się nad rzeką, tryskało źródło, i rozlewało się w głęboki, bystro płynący potok....

Принцип новизны. Принцип новизны заключается в использовании разнообразных методов, приемов, задач, видов деятельности и упражнений для автоматизации навыков и умений, обеспечивает отказ от произвольного заучивания, развивает речепроизводство, эвристичность и продуктивность речевых умений обучаемых, вызывает интерес к учебной деятельности. Для активизации учебной, познавательной деятельности студентам предлагают такие виды заданий: например, опишите картину одного из художников: Владислава Хмелинского «Декабрь в городе», Катажины Лач «Мельница в лесу», Ивана Хруцкого «Портрет неизвестной с цветами и фруктами», Виталия Цвирко «Бабье лето» и др.

Принцип поликультурности. Поликультурность обеспечивает расширение представлений о культурном многообразии мира, о сходствах и различиях родственных культур; формирует стремление к толерантному, открытому межкультурному взаимодействию, основанному на идеях равенства, уважения и принятия всех участников коммуникации не зависимо от культурной, этнической, расовой и религиозной принадлежности; формирование навыков взаимодействия в многонациональном социуме на принципах «диалог культур», согласно которому личность демонстрирует уважительное отношение к чужой культуре, считая её национальное наследие не менее значимым и ценным, чем культурное наследие своего народа; формирование навыка принимать людей, их образ жизни и способы выражения себя такими, какие они есть, потому что воспитание личности происходит под влиянием норм и ценностей, принятых в её культуре ([3, с. 153]). Для воспитания толерантности, терпимости, уважения к чужой культуре, обычаям, традициям, уместно будет использовать такие задания, например: *Переведите данный текст, объясните значение выделенных слов, подберите лексические соответствия в русском, украинском языках (при наличии). Обучаемым предлагается текст о праздновании Пасхи. Wielkanoc jest ważnym świętem chrześcijańskim upamiętniającym zmartwychwstanie Jezusa Chrystusa. Przypada między 22 marca i 25 kwietnia w pierwszą niedzielę, po pierwszej wiosennej pełni księżyca...*

Принцип сравнимости. При сопоставительном изучении близкородственных славянских языков внимание обучаемых сосредотачивается на выявлении языковых несовпадений, системных противопоставлений категорий и родов изучаемых языков на всех этапах обучения, а также определение общих типологических черт, обусловленных степенью родства изучаемых языков. В соответствии с данным принципом подбор материалов осуществляется таким образом, чтобы обучаемые, под руководством преподавателя, могли провести сопоставительный анализ, итог которого – типологические обобщения. Например, учитывая тот факт, что глаголы движения с приставками *при-, под-* в русском и польском языках являются достаточно дифференцированными, замена глагола с одной приставкой на глагол с другой невозможна, так как ведет к изменению смысла. Студентам предлагается провести сопоставительный анализ таких глаголов, назвать дифференцированные признаки, сравнить с подобными глаголами в украинском / белорусском языках: *подошла подмога – przyszła pomoc; Возможно, они уже раньше подошли – Wyc może przyszły już przedtem* и т.д.

Целью коммуникативного подхода является способность осуществлять общение посредством языка – формирование коммуникативной компетенции. Использование

перечисленных принципов при обучении славянским языкам позволяет сформировать коммуникативную компетенцию, отражающую нормативные унифицированные знания семантики языковых единиц разных уровней, овладеть механизмами построения и восприятия речевого высказывания, его перефразирования, совершенствовать умения порождать, истолковывать текст в ходе речевой коммуникации. Перспективой исследования является разработка методического обеспечения по формированию иноязычной коммуникативной компетенции для достижения высокой результативности при обучении славянским языкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М. : Изд-во ИКАР, 2009. – 336 с.
2. Зорина А.В. Углубление поликультурного компонента на занятиях по иностранному языку на неязыковых факультетах в вузе / А.В. Зорина // Казанский вестник молодых ученых. Социокультурный компонент обучения иностранным языкам. – 2018. – Т. 2, № 5(8). – С. 153–155.
3. Иванова О.Ю. Применение коммуникативно–ориентированного подхода в образовательном процессе как средства интеграции русского и иностранного языков / О.Ю. Иванова, А.И. Лаврищев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – №4 (73). – С. 268–272.
4. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: пособие для учителей иностранных языков / Е.И. Пассов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.
5. Пассов Е.И. Сорок лет спустя или 101 методическая идея [Текст] / Е.И. Пассов, Н.В. Кудрявая и др. – М.: Академия, 2006. – 320 с.
6. Пассов Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 568 с.
7. Старков А.П. Обучение английскому языку в средней школе / А.П. Старков. – М., 1998. – 224 с.

Поступила в редакцию 10.10.2020 г.

PRINCIPLES OF TEACHING STUDENTS SLAVIC LANGUAGES BASED ON COMMUNICATIVE APPROACH

I.A. Kudreiko

The article deals with the communicative approach to the study of closely cognate Slavic languages. The approach is based on a set of teaching principles aimed at the formation of communicative competence. The term "communicative approach" is defined, as well as the principles of the communicative approach and their main characteristics.

Key words: communicative approach, study of Slavic languages, communicative training, speech activity, principles of communicative approach.

Кудрейко Ирина Александровна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

И.о. заведующего кафедрой славянской филологии и прикладной лингвистики.

E-mail: kudrejko@mail.ru

Kudreiko Irina Alexandrovna

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Head of Slavic Philology and Applied Linguistics Department.

E-mail: kudrejko@mail.ru

УДК 82.09

**СВЯЩЕННОДЕЙСТВИЕ В ЧЕХОВСКОМ «СТУДЕНТЕ»:
ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ АСПЕКТ РАССКАЗА**© 2020. *О.Р. Миннуллин**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

В материале мы обращаемся к аксиологическому, ценностно-смысловому аспекту рассказа А.П. Чехова «Студент» и осмысливаем его как особое художественное священнодействие, в котором сопрягаются сфера сакрального и сфера повседневного, профанного, а также осуществляется органическое взаимодействие религиозного и эстетического начал. Поэтика произведения исследуется с опорой на методологию аксиологического анализа, предложенную Л.Ю. Фуксоном.

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Студент», ценность, священное, повествование, поляризация, репрезентация.

«Студент» (1894) ощущается специалистами-чеховедами и простым читателем как одно из центральных для понимания мировоззрения писателя произведений. В рассказе полно воплотилось преодоление его личного кризиса конца 1880-х: [2, 9, 11, 15, 25], сложное отношение Чехова к вопросам веры: [3, 10, 13, 23, 24, 26, 27, 28, 34]. Произведение представляется филологическому сообществу важнейшим и для уяснения уникальной чеховской поэтики: [1, 4, 6, 14, 16, 18–20, 24, 29, 30, 35].

К тому же «Студент» уже давно стал «вещью», на которой теоретики литературы апробируют свои идеи или показывают в работе свою литературоведческую методологию: например, М.М. Гиршман – концепцию ритма прозы и теорию художественной целостности [6, 7], А.В. Домашенко – свое филологическое учение [12], А. Щербенок – деконструкцию классики [36], В. Шмид – инструментарий нарратологии [37]. У каждого теоретизирующего исследователя есть свои интересные наблюдения, интуиции, которые, однако, иногда заслоняются необходимостью последовательного проведения метода, смысл произведения порой отступает на задний план.

Для филологов Донецкой филологической школы, а также Кемеровской школы поэтики: [28, 29], чьи фундаментальные литературоведческие установки близки, рассказ А.П. Чехова был и остается своеобразным пробным камнем теории, не просто устойчивым материалом исследования, но и неизменным пространством теоретико-литературных дискуссий. Укажем на статьи М.М. Гиршмана [6] и В.В. Федорова (опубликована в Кемерово [30]), посвященные «Студенту»; в донецком сборнике «Слово и бытие» еще в 1990-е гг. была размещена основательная аналитическая работа Н.Д. Тмарченко об этом рассказе [28]. Вспомним дискуссию между М.М. Гиршманом и А.В. Домашенко о соотношении священного и прекрасного, ведущуюся как раз вокруг «Студента» [8], [12, с. 138], полемику между М.М. Гиршманом и А. Щербенком о статусе художественного слова (онтология или риторика?) – это тоже диспут вокруг чеховского рассказа [7; 36, с. 80]. Писал о студенте и В.И. Тюпа [29].

Наконец, по свидетельству преподавателей-филологов различных вузов, сегодня «Студент» – это «хрестоматийное» произведение для курса «Литературоведческий анализ текста», словом, «ходовая», «учебная» классика.

Из-за такого интенсивного внимания интерпретаторов возникает неожиданное чувство словно «наиболее отделанная вещь» [22, с. 539] Чехова, как будто специально

создана для братии филологов самых разных историко-литературных взглядов и теоретико-литературных «конфессий». И хоть в действительности это не так, но появление самого ощущения симптоматично. Произведение изучено весьма подробно, с многократным повторением идей о «цепи времен» и о прозрении (или «иллюзорном прозрении» – В. Шмид) студента, о «повествовании в духе героя», наложении друг на друга субъектно-речевых линий повествования, о ключевых образах и мотивах, обретающих символическое значение, и об удвоении временных и смысловых планов, взаимном отражении всего, что есть в рассказе. В многочисленных непрекращающихся по сей день публикациях неизменно присутствуют размышления, подчас весьма глубокие, о вере и неверии писателя, его пессимизме и парадоксальном историческом оптимизме. Библиография научной литературы в конце нашей статьи, при всей неполноте и избирательности, весьма красноречиво свидетельствует об этом не иссякающем ни на мгновение внимании к «Студенту». Однако ощущение какой-то герменевтической неудовлетворенности при таком изобилии исследований небольшого произведения не проходит, тайна рассказа остается.

В нашем разборе мы обратимся к аксиологическому, ценностно-смысловому аспекту произведения и попытаемся осмыслить рассказанную историю как особое художественное *священнодействие*, в котором сопрягаются сфера сакрального и сфера повседневного, профанного, а также осуществляется органическое взаимодействие религиозного и эстетического начал.

Рассказ А.П. Чехова входит в «пасхальный текст» русской классической литературы, и его христианской код играет первостепенную роль. Одни исследователи считают произведение свидетельством в пользу религиозного отношения писателя к финальным вопросам человеческого бытия (притом, что писатель в привычном смысле не был религиозен), указывающим на актуальность священного для него. Другие литературоведы не менее убедительно раскрывают секуляризированный смысл рассказа, невозможность действительного переживания священного для чеховского человека, отпадение его от круга сакральных смыслов христианства (об этом, например, у О. Николаевой в статье «Мучитель наш Чехов» [23]).

Исследовательница О.И. Родионова в статье «А.П. Чехов: мысли о религии и некоторых других предметах» [25] приводит красноречивый анекдот, распространенный в университетских кругах США: «...Один известный священник в ответ на просьбу оценить знание русскими писателями церковной жизни Ф.М. Достоевскому поставил «тройку», Л.Н. Толстому – «четверку», и только А.П. Чехову – «пятерку».

По-видимому, столь высокая, пусть и шуточная оценка, данная неверующему писателю, связана не столько с тем, что он отлично знал церковную жизнь (хотя Чехов, действительно, был глубоко связан с этой темой [34]), сколько с тем, что в его произведениях («На страстной неделе», «Дуэль», «Три года», «Студент», «Архиерей»...) проступает и обратная, повседневная, мелкая сторона этой жизни с ее прозаичностью, бытом, а где-то и экзистенциальной опустошенностью, свойственной мироощущению человека рубежа веков. В творчестве Чехова есть предчувствие экзистенциальных поисков середины XX века (молчание Бога, ощущение пустоты, одиночество человека перед вечными вопросами). Выражено все это мимоходом, как не главное, но неотъемлемое в человеческом бытии, как «скука жизни», какое-то среднее состояние человека вообще, без исповедальной экзальтации и проповеди, свойственной произведениям Достоевского, и без упрямой и гордой воинственности Толстого.

Но сказанное, конечно, не значит, что в этом ощущении молчания и пустоты содержалось какое-то резкое отрицание веры или Бога. Вспомним широко цитируемые слова из записной книжки писателя: «...до тех пор человек будет сбиваться с направления, искать цель, быть недовольным, пока не отыщет своего Бога. Жить во имя детей или человечества нельзя. А если нет Бога, то жить не для чего, надо погибнуть. Человек или должен быть верующим или ищущим веры, иначе он пустой человек». Это состояние неопределенного, смутного искательства, частой его бесплодности, но и невозможности от него отрешиться, отбросить его как выдумку, писатель и выражал в своем творчестве.

У В.И. Иванова, есть мысль о том, что «религия всегда уместалась в большом и истинном искусстве» [17, с. 163]. Произведение искусства, хоть и представляет уже качественно иной, эстетический, опыт отличный от опыта встречи со священным, опыта богопознания, все-таки связано с ним своим истоком. Эстетическое прикосновение к священному актуализирует его через художественное воссоздание, напоминает о связи со священным, оживляет в ощущениях вечную новизну и свежесть священного, пережитого по-иному. Богослов А.В. Маркидонов назвал это явление с опорой на известный термин формалистов «остранение сакрального» [21, с. 59], его особое приоткрытие в художественном событии.

Чехов, как художник «по преимуществу», умещал в своем творчестве и опыт веры, по-своему искал ее в мире, где ей, кажется, по-настоящему уже нет места, где все мелко, скучно, однообразно, и Бог давно молчит, а человек, хоть и ощущает смутную тоску по смыслу, ни на что особенно не надеется, а в его смирении ощутима то христианская добродетель, то молчаливое и почти равнодушное приятие безнадежности. Однако же свой «любимый» рассказ «Студент» писатель считал полным оптимизма. В нем «истина и красота», на наш взгляд, действительно, раскрываются как «главное в человеческой жизни».

Обратимся к полемике по поводу «Студента» между А.В. Домашенко и М.М. Гиршманом, связанную как раз с различным пониманием взаимоотношения священного и эстетического в творческом акте, в частности их отношения в чеховском рассказе.

Ценность поэтического произведения, по мнению А.В. Домашенко, не создается в акте творчества, а существует до произведения, «всегда дана, а не создана» [12, с. 138], она опирается на сакральное и оправдывается только им. Смысл не порождается впервые в авторском воображении, а «опредмечивается» в тексте, существуя до него и вне его, так что в творчестве к этому священному истоку происходит только «приобщение». Смысл «вовсе не формируется в рассказе, но представляет первичную реальность по отношению к изображенному» [12, с. 138]. «Иисус и есть Тот, Кто всегда готов «протянуть» руку ослабевшему духом, чтобы помочь пройти по воде или подняться «на гору» и, поднимаясь, понять, что такое “правда и красота”», – пишет исследователь, комментируя «Студента» [12, с. 139]. Анализируя чеховский рассказ, автор «Интерпретации и толкования» пишет, что присутствие этой заданной ценности «вовсе не исключает художественности, поскольку восходя к ней, мы не только не оставляем сферу красоты, но обретаем ее изначальную сущность» [12, с. 138].

Но возможно ли такое «непосредственное совпадение религиозного и художественного сознания» [5, с. 496]? Соприкосновение областей священного и прекрасного и неизменная потребность самого искусства обращения к религиозному опыту невозможно отрицать. Однако и утверждение А.В. Домашенко, что «задача поэзии та же, что религии... только средства ее иные» [12, с. 106], небесспорно.

Мыслитель здесь неоправданно категоричен: «Самоценное» эстетическое всегда вторично по отношению к этой «несотворенной красоте» [12, с. 138]. В некотором смысле, все вторично по отношению к Творцу, но человеческое творчество имеет и *свой* внутренний смысл, связанный с «несотворенной красотой», но не сводимый к ней.

Если для А.В. Домашенко художественное произведение обладает ценностью только в силу своей *укорененности* в священном, то для М.М. Гиршмана – ценность искусства определяется его собственной спецификой: «Чехов не Бог и не создает высший, священно-символический смысл «из ничего», но едва ли столь же бесспорно, что Чехов к этому смыслу просто «апеллирует»... он создает художественное произведение... как эстетическое проявление... высшего смысла в словесной плоти. И если это не создание высшего смысла, так сказать, впервые, то, безусловно, его воссоздание... развитие, объединение смыслообразующей энергией его священного истока и секулярной, даже бытовой повседневности» [8, с. 541].

Для объемного видения затронутой темы включим в поле наших размышлений богословскую критику рассказа. Богослов А.В. Маркидонов, анализирующий чеховского «Студента», указывает на две возможности эстетического опыта. Первая ситуация связана с индивидуально-обособленным началом в человеке, его самоутверждением и с опасностью впадения в *прелесть* (самообман, связанный с ложным чувством своего избранничества). Вторая ситуация – это возможность подлинного творчества, она не противоречит божьему замыслу о человеке, более того, приближает последнего к Создателю: здесь ответственное и смиренное приятие творческого *дара*. Эта область творчества сближается по своему качеству с религиозным отношением к миру. Так осуществленный эстетический жест являет собой «усилие преодоления меонического сущего, того предчувствия *правды*, в котором искусство обретает свой смысл» [21, с. 70]. Греческое слово «меон» в данном случае должно быть понято в контексте русской религиозной феноменологии как сама возможность бытия, возможность смысла, предшествующая их явлению в мире, воплощению. Подлинный творческий акт как раз и предполагает такое проявление, воссоздание в эстетическом опыте того, чего еще не было, инкарнацию смысла в чувственно-конкретную форму. Религиозный смысл художественного акта не риторический, а бытийный, открывающийся не в «готовых формах», а как «непредсказуемая», «непостижимая» до конца свобода «творческого свершения».

Две возможности эстетического опыта с позиции христианства, по мысли А.В. Маркидонова, осознаны уже в самом Писании, в Бытии. Первая связывается с грехопадением («И увидела жена, что дерево хорошо...»), а вторая с полнотой божественного творения («И увидел Бог, что это хорошо...»). Между двумя крайними ситуациями разворачивается художественное творчество, которое тяготеет либо к «образу эстетически-своевольного изъятия сущего из его онтологического «жилища», либо к «бытийственной осиянности Творцом» [21, с. 71].

Это деление на «богоугодное» и «искушающее» творчество у христианского мыслителя не сводится к насильственному подведению этого круга вопросов под христианскую доктрину, ущемление непростой темы в догму. Его рассуждения основываются на религиозно-философской мысли от Античности до наших дней. Опираясь на свой духовный опыт, теоретик ищет точные критерии отделения подлинного художественного творчества от того, что уводит, выражаясь на языке немецкого философа, который неоднократно упоминается в работе А.В. Маркидонова, от «истока художественного творения».

Конечно, общая критика эстетического, неизменно присутствующая в иудейско-христианской традиции, обнаруживает себя и в этой работе. Богослов указывает на

опасности, присущие эстетическому творчеству, относимые как раз к его индивидуалистическому типу. Теоретик пишет: «В свёртывании реальности к акту ее восприятия... в самом усилии к такому свертыванию реальности – иммитация жизни, целостность которой в этом случае (эстетически) доступна мгновенно, а значит, *как бы* творчески, – минуя рост, историю и аскезу восхождения в полноту Божественного бытия [...]. Риск эстетического в том, что оно изнутри своей собственной природы наиболее расположено скорыми, но кружными путями воображения и страсти оформлять наличность жизненного целого, как бы освобождая сознание от смирения перед незавершенной реальностью, сокращая экзистенциально-напряженное расстояние между *тем* (сознанием) и *другой* (реальностью), – подменяя тем самым событие – представлением» [21, с. 44–45]. Приведенные характеристики относятся к искусству как искушению.

Плодотворные для человеческого духа моменты, содержащиеся в природе искусства, связаны с характеристикой второго типа эстетической деятельности – подлинным художественным творчеством, когда свобода творца соединена с осознанием божественности дара: «Так переживаемое бытие не только не теряет своей экзистенциальной полноценности, но и неожиданно получает... некий сверх-природный экзистенциал, – оно приобретает значение *утешения*. В этом смысле само бытие эстетически окрашивается (расцветает и светится славой Творца), но тем самым эстетически уже не соревнуется бытию (как его себе-довлеющая имитация), но знаменует... царственную полноту жизни» [21, с. 54–55]. Сразу же на ум приходит пушкинское «Веленью Божию, о Муза, будь послушна...»

Искусство, конечно, не может быть понято как какой-то «бальзам на раны» (Давид Самойлов) в психологическом смысле или как прямой путь к вере. В рассуждении А.В. Маркидонова речь не об этом, а о христианском онтологическом понимании природы художественного творчества: «Поскольку с момента Боговоплощения эсхатологическая перспектива уже приоткрыта, – возможно и ныне усматривать в бытии – глубже, чем только данность, а в красоте – больше, чем только ощущение (*aesthsis*)» [21, с. 71]. Речь о том, что художественное творчество может явиться не сферой представления и чувства, но формой бытия, пространством особого обращения к священному истоку в секуляризованном мире, проблеск высшего смысла. По крайней мере, так происходит в классике, которая длится, несмотря, на все кризисные явления и разговоры вокруг них, и по сей день.

Все отмеченное А.В. Маркедоновым особенно ясно проявляется, когда речь идет о литературно-художественных произведениях с религиозно-окрашенной тематикой. Богослов пишет о «Студенте», что автор произведения «одновременно и дистанцируется от сакрального, сохраняя его в несоизмеримости с повседневно-историческим, и вводит читателя в область доступа к сакральному и даже соучастия в нем...» [21, с. 59]. Обращение Чехова к священному именно «смирennemудрое», поэтому в «Студенте» нет риторической проповеди или демонстративного самоупоения в вере. Возможность интерпретации «прозрения» студента как иллюзорного и некоторый скепсис автора-повествователя, который, тем не менее, не умаляет явления священного в рассказе, указывает именно на человеческую меру в обращении к тайне, предел возможности ее откровения здесь и сейчас.

Расширяя описанный круг идей, можно сказать, что Чехов художественно организует такую возможность, эстетически творит такую реальность, где происходит «бережное приоткрытие» священного. Произведение открывает переживание причастности к событию священной истории и одновременно с этим обеспечивает

сохранение его тайны через актуализацию многочисленных границ и дистанций (эстетических, субъектных, речевых, временных, пространственных, символических и т.п.), делающих невозможным прямое в нее вторжение и, соответственно, ее уничтожение. К этому есть и прямой ключ в рассказе – чтение 12 евангелий (прямое слово Священного писания) не подействовало на Василису так, как подействовало эмоциональное, субъективно-личное повествование Ивана Великопольского. При всей уязвимости его позиции, связи с повседневно-бытовым, ее неавторитетности для читателя (что специально подчеркнуто повествователем в финале), именно в его слове священное событие для художественного мира рассказа «неожиданно» и «непредсказуемо» открылось для Василисы и ее дочери полнее, чем в тексте Святого письма. В некотором смысле здесь, у костра – в этом мистическом, захватывающем фабульную реальность повествовании студента, – перед крестьянками явился сам апостол Петр, которого поняла и простила Василиса, раскаявшись при этом сама.

Обратимся к анализу поэтики произведения, помня об особой роли священного начала в нем. Начнем с общего места – особой нарративной организации рассказа, «повествования в духе героя». На эту подробно разработанную тему хорошо пишет, например, исследовательница И.М. Жукова: «Чехова интересуется процесс формирования ценностной модели мира в сознании человека, поэтому двуголосое повествование доминирует на протяжении всего рассказа. Событие рассказывания включает как внешнее, фабульное происшествие, действие, так и внутреннее «событие переживания». Автор занимает точку зрения главного героя и передает то, что видит, слышит, чувствует и знает студент. Активное использование несобственно-прямой речи позволяет имитировать непосредственное восприятие происходящего и служит средством раскрытия внутреннего состояния героя» [14, с. 39–40].

Читатель с самого начала находимся «в сознании и речи» студента, рассказ о котором соединяется с его мировидением (об этом пишет также Н.Д. Тамарченко [28]). Сознание героя разомкнуто в сознание автора-повествователя. Каждое слово и событие в ценностном отношении удваивается, ориентируясь одновременно в двух кругозорах. Возьмем для примера одну из первых фраз рассказа: «Протянул один вальдшнеп и выстрел, по нему в весеннем воздухе прозвучал *раскатисто* и *весело*». Обратим внимание на финал фразы. Изобразительное слово *раскатисто*, звукоподражательным способом живописующее, во-первых, выстрел, а во-вторых, ощущение пространства вокруг, принадлежит повествователю, но уже в нем можно почувствовать как бы наслаждение, с которым выстрелил студент. Уже оно вводит кругозор героя. Следующее слово *весело* окончательно утверждает этот кругозор, благодаря прямой эмоциональной оценке, принадлежащей студенту, но одновременно это слово и изображает студента.

Двойственность, вообще, является определяющей чертой поэтики этого произведения. Кругозор героя проступает в речи повествователя, и вместе с этим кругозором, явленным в слове, первичная фабульная действительность (события, о которых рассказывается) входит в дискурс рассказывания с его эпической дистанцией и не прямой оценкой событий, близкой эстетическому созерцанию. Реализуется конвергенция двух планов. Вторгаясь в кругозор повествователя, само слово героя совмещает в себе фабульную действительность и повествование о ней. Через такую систему субъектных отношений в слове читатель входит в реальность героя как в жизнеподобную, а не как в *только* изображенную, незаметно втягивается в мир произведения.

Эта интерференция субъектно-речевых планов приводит к своеобразной диффузии первичной фабульной действительности и нарратива, действительности

поступка и познания героя и рассказывания о ней. Оценка реальности героем становится определяющей, соединенной с оценкой автора-повествователя. Например, «все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше». Эти мысли одновременно принадлежат и студенту, и автору-повествователю.

К моменту встречи с крестьянками слово студента все больше захватывает действительность, обретает творческие полномочия в фабульной реальности поступка. Его пересказ Евангелия и, соответственно, создание вторичной фабульной действительности, как бы оживляет здесь и сейчас новозаветные события, актуализирует их как особую форму бытия, а не как только представление или напоминания. Через так организованную нарративную структуру события священной истории, говоря метафорически, «склеиваются» с действительностью поступка и познания героев в форме ленты Мёбиуса. История Ивана Великопольского (охота в Страстную пятницу, его сомнения, встреча с крестьянками, прозрение) и история из Священного писания (об отречении Петра), изложенная Иваном, выстраиваются в одну линию.

Подобное смешивание мира и слова о нем, конечно, не является открытием Чехова. Вспомним хотя бы характерное место из гоголевской «Шинели»: «Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы». Данный прием обнажает особый статус реальности словесно-художественного произведения, когда само развертывание повествования, рассказывание, уподобляются по своей онтологической содержательности бытию особого рода. В конце концов, такая организация художественного целого позволяет говорить, что сама рассказываемая история – это и есть главное «действующее лицо» в событии художественного произведения.

Соотнесем повествовательную модель чеховского рассказа и сказанное выше о роли священного начала в нем. Священная история (эпизод отречения Петра) «захватывает» студента, который и сам подобно этому апостолу видится некоторым отступником, стреляющим вальдшнепов в страстную пятницу, вместо присутствия на церковной службе (ведь он учащийся духовной академии и к тому же «сын дьячка»). История делает его своим орудием. Студент переживает священные события как то, что происходит с ним здесь и сейчас. Исследовательница Е.И. Лелис отмечает: «В сознании героя раздвигаются границы времени и пространства, и два временных плана – прошлое и настоящее – обретают статус сосуществующих во множестве переплетений» [19, с. 49]. Эту особенность также интерпретирует литературовед О. Павляк, связывая его напрямую с действием священного: «Отношения между эмпирическими и метафизическими уровнями не линейные и последовательные (то есть сначала студент идет с охоты, и потом вдруг с ним происходит чудо преобразования), а взаимно пересекающиеся. Эмпирические события попадают в зону метафизического пространства и начинают его отражать. Возникает эффект двоения [24, с. 63].

Важную роль в соединении двух реальностей на уровне поэтики в произведении играют элементы поляризации и репрезентации (терминология Л.Ю. Фуксона), т. е. противопоставленные и соотносимые (вплоть до отождествления) образы и мотивы в произведении. Эти элементы художественного целого, будучи наиболее знаковыми в ценностно-смысловом отношении, формируются творческой активностью автора и адресуются читателю в качестве кода.

Л.Ю. Фуксон убедительно показал, что образ мира, явленный в художественном произведении, предстает *поляризованным* [31, с. 9], т.е. ориентированным в авторской системе ценностей. Установление «ценностных полюсов» напрямую сопряжено с уяснением смысловой структуры произведения, системы ее координат, аксиологического горизонта. Литературовед определяет художественный мир как «зону оценивания», «поле ценностного напряжения» [32, с. 189, 192].

Перед нами инструмент анализа произведения, описание механизма своеобразной герменевтической процедуры, результатом которой оказывается выстраивание «ценностно-смысловых оппозиций» – противопоставленных образных и мотивных рядов. В этой *поляризации* между отдельными образами и мотивами появляются контекстуальные синонимические и антонимические взаимосвязи, отношения тождества и противоположности, т.е. соотносительности, взаимоотражения, в одном случае, и различия, неслиянности, противостояния – в другом. Ценностно окрашенными оказываются все элементы художественного мира, в том числе время, пространство, образы, мотивы и проч.

Ценностная структура, согласно Л.Ю. Фуксону, имеет символическую природу. Это обозначает и то, что всякий образ несет в себе целый «веер смыслов» [32, с. 233], целое поле ассоциаций, способных вступать во взаимодействие, т.е. притягивать или отталкивать другие образно-ассоциативные поля. Символ «обнаруживает отношение *репрезентативности*, т.е. взаимного представительства различных семантических слоев (художественного тождества)» [32, с. 237].

Описанные Л.Ю. Фуксоном свойства ценностной поляризации и репрезентативности элементов художественного целого полно представлены в чеховском рассказе. В «Студенте» образы холода и тепла, тьмы и света, мотивы пути, пустынности и др. проникают оба плана рассказа. Чеховед А.С. Собенников по этому поводу отмечает: «Слова *огонь*, *свет* и их производные употреблены автором десять раз, а *мрак*, *темнота*, т. е. тьма – семь раз. Если учесть, что «Студент» – один из самых лаконичных рассказов Чехова, то символы *света* и *тьмы* поистине становятся смысловым центром чеховского шедевра» [26, с. 52]. Эти дорастающие до символического тождества и противопоставления элементы встречаются в двух действительностях (священной и профанной), определяя их глубинную взаимосвязь, объединение авторской творческой активностью в целостный контекст. Таким образом реализуется пересечение границы двух соединенных в «ленту Мёбиуса» реальностей.

Центральная пространственная точка рассказа – костер, возле которого отрекся Пётр, к которому за его прощением пришел студент. Говоря об образе костра, исследовательница Е.И. Лелис указывает: «В семантическом пространстве текста с его мотивами света – тьмы, холода – тепла слово костер обретает статус ключевого словообраза, проецирующего события девятнадцативековой давности на настоящее» [19, с. 49].

В христианском понимании в пасхальное сакральное время напрямую открывается доступ к священному. В этой перспективе – костер, горящий *там* и *тогда*, и костер, к которому подходит Иван Великопольский, некоторым образом один и тот же костер. Это тождество поддерживается, в частности, и тем, что в обоих случаях в историях фигурируют *женщины* и *работники*.

Студент не просто «проецирует на себя» переживания апостола (об этом А. Щербенок [36, с. 85]). Своим обладающим особым положением в реальности рассказа словом он приводит ученика Христа к костру в современной действительности. А Петр как бы дважды, но вне временной перспективы с ее идеей

последовательности, оказывается у этого костра: впервые, отрекающийся, в своей слабости струсивший под агрессивным напором свидетелей-обвинителей в *тот* самый вечер чистого четверга, а во второй раз раскаявшийся, смиренный, понятый и прощенный – в рассказе Ивана Великопольского, адресованном крестьянкам, в вечер смерти Христа в *эту* Страстную пятницу. Студент, приходя к костру, сам этого вполне не осознавая, становится проводником для Петра, через продолжение развертывания *смысла* священной истории в своей жизни и жизни крестьянок он актуализирует и бытийственность этой истории.

Благодаря студенту, событие смирения, раскаяния и прощения вновь обретает свою историческую, этическую определенность и даже метафизическую ощутимость: именно с этим связана финальная радость, переживаемая им. Студент обрадовался не только потому, что прозрел, как часто пишут, а потому что Петр понят и прощен, а он в определенном смысле и есть этот Петр.

На это в несколько смягченной форме указал В.Е. Хализев: «Герой рассказа «Студент» испытывает высокую радость, когда ему открывается связь между смыслом евангельского мифа и тем, что таится в душе крестьянок... смысл рассказа в сострадании и прощении Петра не только всепрощающим Господом, но и людьми и смирение Петра, его успокоение и вера в вечную правду и красоту, которую он испытывает в лице Ивана Великопольского» [33, с. 47].

В рассказе возникают целые ряды противопоставлений, восходящих к центральному событию у костра. Помимо явных поляризованных пар *свет – тьма*, *тепло – холод* («у него *закохнели* пальцы, и *разгорелось* от ветра лицо»; приближение к *костру* и возвращение *зимы*; студент начинает свой рассказ о «*холодной* ночи», «протягивая к *огню* руки»; в финале появляется «*холодная*», но при этом «*багровая* заря» – «горячий» цвет, – антиномически совмещающая смерть Христа в Страстную пятницу и обещание светлого Воскресения), отметим оппозиции: *неподвижность – движение* (статика круга у костра и повторяющийся мотив пути в рассказе, связанный с Петром и Иваном Великопольским; Лукерья «*устремил неподвижный* взгляд»; студент «*остановился*, чтобы *перевести* дух»), *присутствие людей – пустынность* (многочисленные свидетели отречения Петра, работники у костра и пустынность пути, «пустыня кругом»; безлюдность вначале и в конце рассказа). Есть и другие неоднозначные в аксиологическом отношении пары: *старость – молодость* (студент обращается к Василисе «*бабушка*», позже в своих мыслях «*старуха*»; финальное «чувство *молодости*, здоровья и силы»; специальное указание на возраст студента); *бедность – изобилие* (например, «*лютая бедность*» и «*изобильные* слезы», в ином отношении «*бедный* Петр истомился душой»; «не узнала... *богатым* быть»), *голод – сытость* (студенту «мучительно *хотелось есть*», а вдовы «только что *отужинали*»), *звук – тишина* и связанная с этой парой оппозиция *речь – молчание* («*тихая*» погода вначале и «что-то живое жалобно *гудело*»; «*глухие рыдания*» Петра; разговорчивая Василиса и молчаливая Лукерья с выражением лица «как у *глухонемой*»); *мужское и женское* (Петр и студент с одной стороны, и женщины с другой; первой на Петра указывает *одна женщина*; *мужской полушубок* Василисы; указание на вдовство героинь), *Восток – Запад* (холодный ветер с *Востока* вначале и закат на *Западе* в конце).

Причем ряды оппозиций лишь частично могут быть ясно отнесены к однозначно положительному или отрицательному ценностному полюсу (например, *свет – тьма*, *тепло – холод*), а в большинстве своем, будучи явно, неиндифферентными к оценке все же представляются более сложными и способными изменять свой смысл в зависимости

от контекста (например, *речь – молчание* и *многолюдность – пустынность*). По мнению В.И. Тютю, «ценностные полюса холода, мрака, абсурда... и тепла, света, «высокого смысла» отнюдь не уравновешены...» Полюс положительных ценностей решительно доминирует в выстраивании аксиологической картины мира рассказа: «...стоило герою самому стать звеном в исторической цепи человеческих жизней, соединить своим рассказом, своей личностью два конца этой цепи, как ему открылась человечность, правда и красота существования, счастье осмысленного бытия» [29, с. 118–119]. Важно, что в художественном мире рассказа Бог как бы таится и во мраке: появление в тексте образа одного полюса, неизменно вызывает и антиномическое появление противоположного, с преобладанием положительного начала.

В еще большей мере, чем символическая поляризация образов и мотивов, священнодействие истории открывается в художественной репрезентативности, в отождествлениях, связанных как раз с идеей сакрального. Исследователь Д. Шахназаров отмечает своеобразную избыточную репрезентативность образов в рассказе: «Все мимикрирует под все. Ощущения, картины, пейзажи становятся мыслями и чувствами героев. А если эффект важен он непременно будет повторен», – пишет литературовед [35, с. 248]. Происходит не просто взаимоотражение отдельных образов и мотивов, их внутреннее переплетение, уподобление, – отношения между названными элементами художественного правильное определять именно как символическое тождество. Например, подходя к костру, студент произносит необычное приветствие: «*Вот вам и зима пришла назад*, – сказал студент, подходя к костру. – Здравствуйте! Василиса вздрогнула...» Да ведь это студент о себе сказал, в его сознание и речь погружен весь мир рассказа. Здесь *студент* = *зима*. Василиса вздрогнула от приблизившейся зимы, с ее холодом, тьмой и проч. С этого ледяного мрака и начинается восхождение к теплу и свету. Такое же буквальное прочтение изменяет и смысл реплики Василисы: «Не узнала, *бог с тобой*... Богатым быть». С одной стороны, Бог сопутствует подошедшему, а в словах «*быть богатым*» ощущается этимологическое, быть благословенным богом. Василиса благословляет студента.

В исследованиях рассказа много говорится о перекличке начала и финала рассказа. Вначале было «нелюдимо», в финале «Он оглянулся... уже не было видно людей». Вначале «Ему казалось...» и в конце «ему казалось», «казалось ему». Вначале «закоченели пальцы» и в конце «стали зябнуть руки». Безусловно, идея сакрального круга, возвращения к исходной ситуации, и связанного с этим удвоения события по всем эпическим законам весьма полно реализована в поэтике рассказа. Священное захватывает в свой круг историческое и повседневное, в результате чего и включается особая логика сакрального тождества.

В свете сказанного обращает на себя особое внимание повторение некоторых слов и эпизодов в рассказе. Например, *работники* – те, что стояли тогда у костра во времена Иисуса и составляли молчаливый хор, и *работники*, которые подъехали на лошадях к костру Василисы и Лукерьи; *смутился* Петр и *смутилась* Лукерья; покидает круг женщин и работников Петр и покидает его студент. События не просто выступают в «непрерывной цепи» или *переживаются* как актуализированный священный смысл, хотя все это есть. Они *длятся*, все полнее раскрывая свой смысл.

Важнейшую роль в священнодействии истории выполняет уже упомянутое символическое отождествление *Иван Великопольский – апостол Петр*. «Ах, какая то была страшная ночь, бабушка!» – говорит студент как очевидец, свидетель, участник. Прямо перенося на себя чувства и ощущение Петра, он произносит: «И Петр тоже

грелся, как вот я теперь». А до этого в тексте: «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, – сказал студент, протягивая к огню руки».

Подробности в рассказе студента, придающие повествованию эмоциональности, риторические элементы, благодаря которым речь студента производит столь сильное впечатление на Василису, это еще и *подробности*, сообщаемые Петром, его оправдания: «не выпавшийся», т.е. не успел собраться с мыслями, подготовиться. «И все работники, что находились около огня, должно быть, подозрительно и сурово посмотрели на него» (это мог рассказать только сам Петр).

В пользу художественного отождествления студента с Петром говорит и такое текстуальное соответствие: «...*в душе* Петра», а следом о студенте «и радость вдруг заволновалась *в его душе*» и далее «остановился, чтобы *перевести дух*». Вот студент и *переводит дух* Петра на ситуацию здесь и сейчас, на себя.

И женщины, которых повстречал студент, мистически, подчиняясь силе его благовествования (ср. у Н.Д. Тамарченко «Евангелие от Ивана Великопольского» [28]), как будто становятся теми же, что были во времена Иисуса, только иначе реагирующие на приход Петра, страдающие: «Василиса заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез». Почему, *стыдясь своих слез*? Потому, что, понимая, сострадая и прощая Петра, она как бы отождествляет себя с ним, в первом движении ей словно стыдно перед Христом, но в то же время становится ясно, что в этих слезах сама милость Христа и проявляется. Это и прощение, и смирение, и собственное раскаяние Василисы.

Итак, весь рассказ может быть истолкован, как рассказ о раскаянии и прощении Петра: богом, людьми, прощении им самого себя. Студент, являясь творцом вторичной фабульной действительности, в которую втягивается весь мир рассказа, парадоксальным образом «включает» священнодействие через свое слово, по-новому открывает доступ к священному. Или, можно сказать, что сама священная история захватывает студента, делает его своим орудием. Чеховское истолкование смысла истории отречения Петра в поддержке вечно слабого по своей природе человека, следующего за Богом и смиренно жаждущего прощения, вспомним евангельское «блаженны нищие духом». Думается, это вообще, свойственно духовно-нравственному сознанию русской классической литературы, русской культуры шире (невольно вспоминается, например, Некрасовская поэма «Тишина»).

Смысл «Студента» – светское переживание религиозного опыта, скажем, – парадоксальная возможность полноты священного в секуляризованном мире, продолжение священного, его неисчерпаемость там, где повседневному сознанию кажется, все уже давно исчерпано. Эта возможность творчески создается Чеховым в художественном акте. Вечная новизна сакрального, его неизменная актуальность и переживается в рассказе, художественно создается в нем автором. Оглядываясь в финале рассказа, студент как бы застаёт себя участником священного события. В некотором смысле Иван Великопольский рассказывает свою собственную историю, которая оказывается самой его жизнью в ее высшем смысле. Подобная перспектива самоактуализации открывается на какое-то «чудное мгновенье» и читателю «Студента».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова В.С. Духовное бытие и поэтика времени в прозе А. П. Чехова 1890–1900-х гг. / В.С. Абрамова // Казанская наука: Секция Филологические науки. Литературоведение. – 2016. – № 1. – С. 34–36.

2. Абрамова В.С. Экзистенциальное сознание и национальное бытие в прозе А.П. Чехова 1890-1900-х годов: автореф. дисс... канд. филол. наук по специальности 10.01.01 – русская литература / В.С. Абрамова. – Пермь, 2016. – 27 с.
3. Абрашова Е.А. Христианские мотивы в прозе А. П. Чехова: автореф. дисс... канд. филол. наук по специальности 10.01.01 – русская литература / Е.А. Абрашова. – М.: МГОУ, 2004. – 20 с.
4. Белова А.В. Аналитический потенциал мотива (на материале рассказа А.П. Чехова «Студент») / А.В. Белова // Череповецкие научные чтения: материалы конференции. – Секция: Литературоведение, лингвистика, СМИ. – Череповец, 2017. – С. 17–18.
5. Бочаров С.Г. О религиозной филологии / С.Г. Бочаров // Литературоведение как проблема: сборник науч. трудов памяти А. В. Михайлова / под ред. Т.А. Касаткиной. – М.: Наследие, 2001. – С. 483–498.
6. Гиришман М.М. Стилевой синтез – дисгармония – гармония («Студент», «Черный монах» А.П. Чехова) // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М.М. Гиришман. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 341–372.
7. Гиришман М.М. Риторическая конструкция / деконструкция или эстетическая реальность // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М.М. Гиришман. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 527–533.
8. Гиришман М.М. Литературное произведение в свете философии и филологии диалога // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М.М. Гиришман. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 539–545.
9. Головачева А.Г. В жизни, полной высокого смысла: Рассказ Чехова «Студент» / А.Г. Головачева // Литература в школе. – 1998. – № 4. – С. 45–51.
10. Гольцева Е.А. Религиозный сюжет рассказов А. П. Чехова «Студент» и «Архиерей» / Е.А. Гольцева // Материалы... конференции «Гуманитарные науки и православная культура». – М., 2019. – С. 12–18.
11. Джексон Р. «Человек живет для ушедших и грядущих»: О рассказе А.П. Чехова «Студент» / Р. Джексон // Вопросы литературы. – 1991. – № 8. – С. 125–130.
12. Домашенко А.В. Орудийность языка и проблема эстетического завершения // Об интерпретации и толковании / А.В. Домашенко. – Донецк, 2007. – С. 123–139.
13. Есаулов И.А. Пространственная организация литературного произведения и православная традиция («Студент» и «На святках» А.П. Чехова) // Категория соборности в русской литературе: монография / И.А. Есаулов. – Петрозаводск: ПГУ, 1995. – С. 145–159.
14. Жукова И.М. Художественный мир рассказа А.П. Чехова «Студент» // Проблемы анализа и интерпретации текста: сборник науч. трудов / под ред. Т.О. Фроловой. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2016. – С. 39–44.
15. Земляная С.В. Концепция личности в прозе А. П. Чехова 1889-1890-х годов: автореф. дисс... канд. филол. наук по специальности 10.01.01 – русская литература / С.В. Земляная. – М., 2004. – 36 с.
16. Злочевская А.В. Рассказ А.П. Чехова «Студент» / А.В. Злочевская // Русская словесность. – 2001. – № 8. – С. 24–29.
17. Иванов В.И. Борозды и Межи. Опыты эстетические и критические / И.В. Иванович. – М.: Мусажет, 1916. – 351 с.
18. Лелис Е.И. Подтекст как эстетическая категория в прозе А.П. Чехова / Е.И. Лелис. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2013. – 424 с.
19. Лелис Е.И. Разные виды подтекста в рассказе А.П. Чехова «Студент» / Е.И. Лелис // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – 2010. – № 7 (112). – С. 47–52.
20. Лелис Е.И. Ритмомелодический рисунок художественного текста как способ экспликации подтекстовых смыслов (рассказ А.П. Чехова «Студент») / Л.И. Донецких, Е.И. Лелис // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: «История и филология». – 2011. – Вып. 4. – С. 152–165.
21. Маркидонов А.В. Предварительные замечания к вопросу о духовной природе эстетического начала / А.В. Маркидонов // Христианское чтение. – 2017. – № 1. – С. 41–74.
22. Муратова К.Д. Примечания / К. Д. Муратова // Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. / под ред. В.В. Ермилова – М.: Художественная литература, 1962. – Т. 7. – С. 513–548.
23. Николаева О. Мучитель наш Чехов / О. Николаева // Виноград (Журнал для родителей). – 2006. – № 4 (16). – С. 46–58.
24. Павляк О. Уроки Ивана Великопольского в рассказе А.П. Чехова «Студент» / О. Павляк // Балтийский филологический курьер. – 2005. – № 5. – С. 61–71.

25. Родионова О.И. Антропологическая концепция А.П. Чехова: попытка реконструкции / О.И. Родионова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 4. – С. 57–61.
26. Собенников А.С. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова) / А.С. Собенников. – Иркутск, 1997. – 144 с.
27. Степанов М.М. Религия Чехова / М.М. Степанов. – Саратов: Волга, 1913. – 61 с. – Серия «Религия русских писателей».
28. Тamarченко Н.Д. Усилие воскресения / Н.Д. Тamarченко // Литературное произведение: Слово и бытие: сборник науч. трудов. – Донецк, 1997. – С. 37–55.
29. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа / В.И. Тюпа. – М.: Высшая школа, 1989. – 135 с.
30. Федоров В.В. «Обычное» и «исключительное» в «Студенте» А.П. Чехова / В.В. Федоров // Природа художественного целого и литературный процесс: сборник науч. трудов. – Кемерово, 1980. – С. 180–187.
31. Фуксон Л.Ю. Ценностная структура литературного произведения // Толкования: сборник статей / Л.Ю. Фуксон. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – С. 8–15.
32. Фуксон Л.Ю. Чтение: монография / Л.Ю. Фуксон. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2007. – 265 с.
33. Хализев В.Е. Художественное мирозерцание Чехова и традиция Толстого // Чехов и Лев Толстой: монография / В.Е. Хализев. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
34. Чудаков А.П. «Между «есть Бог» и «нет Бога»...»: Чехов и вера / А.П. Чудаков // Новый мир. – 1996. – № 9. – С. 86–100.
35. Шахназаров Д. Изоморфизм в рассказах А.П. Чехова «Архиерей», «Дама с собачкой», «Студент» / Д. Шахназаров // Материалы научной конференции «Актуальная классика». – М.: Литера, 2019. – С. 245–253.
36. Щербенок А. Чехов // Деконструкция и классическая русская литература / А. Щербенок. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 73–97.
37. Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард / В. Шмид. – СПб: Инапресс, 1998. – 352 с.

Поступила в редакцию 02.09.2020 г.

**SACRED ACTION IN CHEKHOV'S «STUDENT»:
VALUE AND SEMANTIC ASPECT OF THE STORY**

O.R. Minnullin

The article addresses the axiological or value and semantic aspect of A. Chekhov's «Student». This aspect is interpreted as a special artistic sacred rite, in which the sphere of the sacred and the sphere of the everyday, profane, and also the organic interaction of religious and aesthetic principles are realized. The poetics of the story is investigated on the basis of axiological analysis proposed by L. Fuchson.

Key words: Chekhov, «Student», value, sacred, narration, polarization, representation.

Миннуллин Олег Рамильевич.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: papulia@yandex.ru

Minnullin Oleg Ramilevich.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of History of Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: papulia@yandex.ru

УДК 82-191

ТРАНСФОРМАЦИЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В БАСНЯХ И.А. КРЫЛОВА

© 2020. А.А. Сорокин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В классицистической басне за аллегорическими образами выступают определённые человеческие качества. И.А.Крылов создаёт из аллегии неоднозначно трактуемые характеры, за которыми стоят конкретные персонажи.

Ключевые слова: аллегорические образы, персонаж, басня.

Явившийся в русскую литературу в XVIII веке, писатель И.А. Крылов следовал нормам классицизма, ставил перед собой, в силу своего участия в литературном процессе, просветительские задачи и безуспешно их решал в основном в драматургии и в прозаических жанрах.

Определённый перелом в творчестве Крылова происходит в начале XIX века, когда Иван Андреевич всё своё литературное мастерство вкладывает в басню.

С Крыловым басня приобретает новаторский характер: из классической она перерастает в реалистическую [1, с. 7–8], из дидактической – в поэтическую [1, с. 8–9; 5, с. 21].

Новые установки, применённые известным баснописцем в этом жанре, определяются изменением социальных и экономических условий жизни России, постепенным уходом в прошлое иерархичности господствующего класса дворян, многообразием проявления общественной жизни в различных её сферах применения и деятельности.

Крыловские басни явились откликом на повседневные реалии первой трети нового века, на культурную, социальную и политическую жизнь страны, на те исторические сдвиги в государстве, которые происходили на глазах его современников.

Так, например, басня «Чиж и Ёж» является реакцией на череду создаваемых од в связи с воцарением Александра Первого, целый ряд басен напрямую связан с событиями Отечественной войны 1812 года («Раздел», «Ворона и Курица», «Обоз», «Щука и Кот», «Волк на псарне», «Кот и Повар»). Другие, такие, как, например, «Собачья дружба», отражают отношение поэта к событиям Венского конгресса 1815 года. Помимо этого, автор также указывает своё отношение к Государственному совету в целом ряде басен («Лебедь, Рак и Щука», «Квартет», «Совет мышей»).

Отдельные басни непосредственно связаны с жизнью автора, с пониманием им своего места в литературе («Вельможа и Философ», «Осёл и Соловей», «Прихожанин»). Есть басни, связанные с принадлежностью Крылова к «Беседе любителей русского слова» («Чиж и Ёж», «Демьянова уха»), с членством в Российской академии («Парнас»).

Однако нельзя сводить все басни к определённым событиям, хотя и следует отметить этот феномен крыловских произведений.

Мы обращаем наше внимание на глубину поэтических образов, которым свойственна персонификация.

Прежде чем обратить внимание непосредственно на тексты крыловских басен, отметим определённое новаторское начало в произведениях Ивана Андреевича. Прежде

всего, это мораль – обязательная составляющая жанра басни. Крылов или вообще пренебрегает моралью («Оракул», «Лягушки, просящие Царя», «Лисица и Сурок»), или передоверяет свой голос рассказчика одному из персонажей басни, который и является носителем морали (например, «Откупщик и Сапожник», «Слон и Моська», «Дерево» и др.).

Иногда эта мораль выглядит как необходимость следования традиции, но, как таковая, представляет собой слабую сентенцию. Например, в басне «Мор зверей» мораль такова: «И в людях так же говорят: Кто помирней, так тот и виноват» [3, с. 44].

В отдельных случаях часть басни, составляющая мораль, перенасыщена лирическим обращением-посланием автора к «красавицам» («Тень и человек» [3, с. 135–136]) и к некой Анюте с её подругами («Ягнёнок» [3, с. 181–182]), а по объёму бывает больше, чем притчевая часть («Ягнёнок»). На 33 стиха моральной части 29 стихов притчевой наблюдаем и в басне «Плотичка». Вообще объём отдельных басен по своему эпическому размаху приближается к поэмам – «Водолазы» [3, с. 124–128], «Лягушки, просящие царя» [3, с. 37–39], «Два голубя» [3, с. 29–31].

Обращения между персонажами басен тоже накладывают определённую нагрузку на их носителей. Можно ещё представить себе, что Лисица и Сурок в одноимённой басне могут называть друг друга – соответственно – «кумушка» и «голубчик-куманёк» (по сопряжению иносказания на людей) [3, с. 50–51]. Можно сразу угадать, где и как развивался Львёнок, который после воспитания у Орла обращается к царю зверей Льву «папá» (басня «Воспитание Льва») [3, с. 85]. Сложнее это сделать, когда в «кумовстве» между собой находятся люди и животные (например, басня «Крестьянин и Лисица»). Однако и здесь всё объяснимо, поскольку кумовство само по себе оказывается ложным. Обращаясь к Лисице «кумушка», Крестьянин и разговор в целом ведёт о грехе: «... *красть и грех, и стыдно*» [3, с. 80]. Лисица, в свою очередь, обращаясь к «голубчику куму» Крестьянину, пытается уверить его в своей праведности: «*Когда б ты знал, как я в душе честна!*» [3, с. 81]. Она и пытается быть честной, охраняя курятник, до тех пор, пока природа не берёт своё («*Некраденый кусок приелся скоро ей*» [3, с. 81]), порочность разрушает «кумовство».

Достаточно частым явлением оказывается, что мораль у Крылова не является обобщающим нравовечием, но определённая сентенция претендует на афоризм. Например, в басне «Ларчик» мораль заявлена изначально в промифии:

*Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.*

[3, с. 11–12]

Однако у всех, знакомых с этой басней Крылова, на слуху ставшая афоризмом сентенция: «*А ларчик просто открывался*».

Ещё одна особенность басни – иносказание. Для того, чтобы произведение данного жанра имело глубокий смысл, в качестве иносказания выступает аллегория. Она раскрывается в большей части басни, составляющей повествование (притчу). Аллегория принимает глубокий, но ясный смысл иносказания благодаря введению в неё аллегорических образов. Обычно для этой цели баснописцы используют животных, птиц, рыб. Представители природы представляют определённые черты характера людей, но сохраняют свойственные им повадки. Чтобы ситуация имела динамику, аллегорические образы персонифицируются. Однако у Крылова эта персонификация принимает новаторский характер.

Так, например, волк ассоциируется с хищничеством и простоватостью. Однако в басне «Волк на псарне» [3, с. 48–49] он предстаёт перед нами как плут, хитрец,

подобный Лисе. При этом ещё автор снисходительно, на правах представителя побеждающей в Отечественной войне 1812 года страны, симпатизирует этому зверю. Называет его так: «серый забияка», «мой волк», «мой хитрец» (в черновиках: «как доброй дипломат» [3, с. 355]. – С.А.) В басне же «Волк и Журавль» констатируется следующая «прописная» истина: «Что волки жадны, всякий знает...» [3, с. 165].

В известной басне «Лебедь, Рак да Щука» в промифии заявляется мораль: «Когда в товарищах согласия нет, На лад их дело не пойдёт, И выйдет из него не дело, только му́ка» [3, с. 102]. В повествовательной части, казалось бы, речь должна идти о каком-то споре, ссоре, но автор, своей волей, впрягает их в воз как *согласных, объединённых* упряжью персонажей. И здесь происходит не столько сопряжение с природой отдельных черт характера разных людей (что и видели современники Крылова в связи с перипетиями в Государственном совете), но гораздо глубже, поскольку здесь играет роль и символическое наполнение определённых образов. Так, например, воз выступает символом жизни (ср. со стихотворением «Телега жизни» А.С. Пушкина. – С.А.); процесс погружения в воду связан с поиском «секрета жизни, её конечной тайны» [4, с. 39]. Таким образом, мы имеем дело с человеческой природой вообще, которой свойственны мечтательность, возвышенность чувств («Лебедь рвётся в облака»), осторожность, страх перед жизненными трудностями («Рак пятится назад»), погружённость в размышления над сущностью жизни («Щука тянет в воду»). Метания человека между этими тремя крайностями не дают возможности обрести полноценный смысл жизни, делают саму жизнь рутинной, лишённой глубокого содержания, поэтому: «А воз и ныне там».

Персонажи басен Крылова не только не вписываются в рамки предназначенной им функции, но и выходят за рамки повествовательной части, на первый взгляд, не касающиеся притчевого наполнения произведений.

В басне «Муха и Дорожные» в качестве обличаемого порока берётся человеческое качество братья не за своё дело, определяемого высоким самомнением. Муха со своими стараниями сдвинуть с места рыдван, запряжённый четвёркой лошадей, ехавший «в гору» и застрявший в «сыпучих песках», выглядит смешно. Её действия никем не замечаются.

*Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: ну жуужжать во всю мушину мочь;
Вокруг повозки суетится;
То над носом юлит у коренной,
То лоб укусит пристяжной,
То вместо кучера на козлы вдруг садится,
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперёк шныряет меж людей;
Ну, словно откупщик на ярмарке, хлопочет,
И только плачется на то,
Что ей ни в чём, никто
Никак помочь не хочет.*

.....
*И Муха всем жуужжит, что только лишь она
О всём заботится одна.*

[3, с. 91–92]

Конечно, интересным представляется сравнение Мухи с ярмарочным откупщиком, что конечно, углубляет образ персонажа. Однако автор акцентирует внимание не только на стараниях Мухи помочь людям, но и на самих людях, между

которыми давно уже нет согласия. Семья представляется порочной по своей сути: *«Учитель с барыней шушукают тишком»; «Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен, Ушёл с служанкой в бор искать грибов на ужин»*. Равнодушны к событию возчики: *«Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком»*. Всё событие предстаёт перед читателем гораздо шире заявленных рамок обличения только одного порока, поэтому и моральная сентенция в эпимифии:

*Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя приплесть
И любят хлопотать, где их совсем не просят.*
[3, с. 92]

– представляется неполной, предполагающей в читателе для понимания басни в целом большее размышление. Муха же при этом вызывает сочувствие, так как она всё-таки взялась помочь тем, кто в её помощи не нуждался.

Обращаем внимание также и на басни, в которых персонажами выступают люди. В басне «Напраслина» обличается порок сластолюбия. Образ Брамина представлен как порочный. Автор выделяет лицемерие, но тут же ставит его в скобки: *«Есть и в Браминах лицемеры); Да это в сторону...»* [3, с. 151]. На первое место, в сюжетную основу наблюдения, автор ставит чревоугодие: *«Вот постный день, а он <Брамин. – С.А.> смекает, Нельзя ли разрешить на сырное тайком?»* [3, с. 151]. Интересно отметить, как меняется наполнение персонажа авторскими образными характеристиками. Сначала он «на словах» «тёплой веры», «лицемер». Затем, несмотря на контроль начальника «нраву прекрутого», Брамин «не унывает», в нём проявляется смекалка, он уже смеётся над начальником, подогревая яйцо над пламенем свечи. Когда наступает момент разоблачения, главный герой уже плачет и вроде бы кается. Однако, при всём этом, он готов свалить вину на другого – на «проклятого беса».

Здесь один грех порождает другой, и все они в центре внимания автора. Мораль, по-прежнему, выводится одна, но предполагается, что читатель басни будет размышлять не только над приверженностью к другим порокам, но и над тем, что одни пороки способствуют порождению других. Епископ Феофан так отмечает в «Начертаниях христианского нравоучения»: «Главнейшие ветви самолюбия суть гордость, лихоимание, сластолюбие. От сих отрождаются уже все другие страсти» [2].

Голос автора тоже имеет значение, так как включается в разговор с читателем как персонифицированный. В одних случаях автор позволяет себе полемизировать с Ж. де Лафонтеном (басня «Подагра и Паук»): *«Притом же, кажется, ему <Лафонтену. – С.А.>, Зажмурясь, в баснях можно верить»* [3, с. 139]. При этом ни за кем из персонажей, ни за Пауком и ни за Подагрой, не признаёт высоту морального преимущества, но даёт их действиям равную высокую оценку: *«И оба делают умно»* [3, с. 141]. Лафонтен оценки не даёт, он констатирует только то, что каждый из персонажей нашёл своё место в жизни.

Автор в рамках одной басни может и выносить оценку, и уклониться от моральных сентенций. Так, в басне «Гуси» хозяина, позволяющего себе силой подгонять Гусей на базар, автор понимает по-своему: *«Я мужика и не виню»* [3, с. 89]. Вынося птицам приговор в лице прохожего: *«А вы, друзья, лишь годны на жаркое»* [3, с. 89], автор устраняется от моральной оценки, которая подразумевается и так: *«Баснь эту можно бы и боле пояснить – Да чтоб гусей не раздражить»* [3, с. 89].

В басне «Лев и Комар» автор в промифии сообщает: *«Вот что о том я слышал стороною...»* [3, с. 78]. Однако события даны таким образом, что читателю ясно представляется присутствие самого рассказчика при описываемом событии. Так,

например, изначально всё событие подаётся в настоящем времени, сообщается, что Комар *«Сам ратник, сам трубач, пищит во всю гортань»*. Вслед за этим читатель, узнав, что герой – «наш», получает такие подробности: *«... наш Комар не шутит: То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!»* [3, с. 78]. Дальше – больше: маленький персонаж берёт на себя функции хищной птицы, точнее – принимает образ царя птиц: *«Орлом на Льва спустился И Льву в крестец всем жалом впился»* [3, с. 79]. Сам Лев «вздурился», его действия передаются словами *«скрежещет»*, *«дерёт»*, и в прошедшем (продолжающемся) времени – *«рвался»*, *«метался»* [3, с. 79]. С Комаром опять происходит трансформация. Он уже назван Ахиллесом, преобразующимся в Омира (Гомера. – С.А.), готового теперь не пищать, а *«трубить свою победу по лесам»* [3, с. 79]. Кроме того, мы узнаём, что от страха все звери бегут из леса. При этом автор ясно видит не лапы животных, а ноги (что более свойственно поэтическому антропоморфизму XX века): *«Отколь у всех взялися ноги»* [3, с. 79].

Такое басенное повествование, где автор «слукавил» о том, что слышал «стороной», но сам как бы растворился в событиях басни, конечно же, не претендует на реалистическую проекцию. Но её художественная «достоверность» для читателя несомненна.

Также в басне автор, персонифицируясь, может вступить в диалог с читателем. В «Пустыннике и Медведе», оспаривая мнение сентименталистов о гармонии с природой, Крылов пишет:

*Про жизнь пустынную, как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть, и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?» —
«Прекрасны, что и говорить!
А всё прискучится, как не с кем молвить слова».*

[3, с. 109]

В отдельных баснях («Плотичка», «Скупой и Курица», «Пастух и Море») автор реализуется как художественно биографический. Крылов мифологизированный, Крылов из анекдотов и стихотворений, известный как непревзойдённый ленивец и говорун, с чувством собственного достоинства, изображается и самим Иваном Андреевичем.

В басне «Скупой и Курица» автор сразу знакомит читателя с нравственной истиной: *«Скупой теряет всё, желая всё достать»*. Но тут же поясняет, что ему известно много примеров, подтверждающих эту истину. Однако предлагает не какую-то оригинальную историю, а *«басню старую»* – и только потому, что в прочих историях ему *«рыться лень»* [3, с. 158]. Дело, конечно, не в том, что баснописец ленив: неважно, каков он, важно, о каком Скупом он повествует.

Важно и то, что *«басня старая»*, то есть с традицией. До Крылова этот сюжет был и у Эзопа («Вдова и Курица»), и у Лафонтена («Курица с золотыми яйцами»), и у В. Тредиаковского («Курица с золотыми яйцами»), и у А. Сумарокова («Золотые яйца», а также «Отчаянная вдова»), и у И. Хемницера («Невежество и скупость»). Только у Эзопа женщина решила вдвое больше кормить курицу – и та перестала вообще нести яйца. В. Тредиаковский описывает не скупого, а женщину, также из жадности убивающую свою курицу, несущую золотые яйца. А. Сумароков описывает вдову, которая ждёт, когда курица наберёт в весе и станет набитой золотом до предела, и только после она её убивает. У И. Хемницера в одном лице соединяются скупой, невежа и слепой, нашедший статую и разбивший её, надеясь внутри найти богатство.

Ближе всех из предшественников Крылов отображает то событие, которое повествует в своей басне Лафонтен. Он не видит нужды в качестве персонажа искать невежу, женщину, вдову, которых в чём-то можно и оправдать и, следовательно, исправить. От французского баснописца автор «Скупого и Курицы» берёт за основу морали не нравоучение, а мысль, близкую народной пословице, о том, что Скупой только потеряет, если захочет большего (*«Многого захочешь, последнее потеряешь»*). Таким образом, биографический автор выражает народную позицию на событие, исходит из народного опыта.

Крылов, как баснописец, в целом, суммирует опыт предшественников и, на первый взгляд, остаётся в рамках жанра. Он соблюдает постоянное ритмическое оформление разностопным ямбом. Деление басни почти всегда поэтически осуществляется баснописцем на две части: на мораль и на повествование (притчу). Иногда мораль высказывает один из персонажей внутри повествовательной части. Однако, при внешней неизменности, автор 205 басен достигает в этом жанре не только непревзойдённой высоты мастерства, но и такого новаторства, дальше которого басня не выходит до сих пор.

Сложность жизненных ситуаций объясняется сложностью человеческих характеров в условиях развивающихся законов социума, а сложность социальной жизни страны – историческими судьбами личностей, определяемых народным мнением. В неоднолинейном конфликте персонажей выражается многосмысловая природа человеческой сути, за наблюдениями над которой, не претендуя на главную сентенцию, стоит фигура великого баснописца – И.А. Крылова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненкова Е.И. Жанровое новаторство басен И.А. Крылова / Е.И. Анненкова // Русская литература. XIX век. От Крылова до Чехова. Учебное пособие. Сост. Н.Г. Михновец. – СПб.: «Паритет», 2001. – С. 7–17.
2. Затворник Феофан. Начертание христианского нравоучения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nachertanie-hristianskogo-nravoucheniya (Дата обращения: 10.10.2020 г.)
3. Крылов И.А. Басни / И.А. Крылов. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 636 с.
4. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М.: Ассоциация духовного единения «Золотой век», 1995. – С. 39–42.
5. Фёдоров В.В. Анализ басни // Фёдоров В.В. О природе поэтической реальности. – М.: Советский писатель, 1984. – С. 20–37.

Поступила в редакцию 25.10.2020 г.

TRANSFORMATION OF CHARACTERS' ALLEGORICAL IMAGES IN FABLES BY I.A. KRYLOV

A.A. Sorokin

In the classic fable characters' allegorical images are associated with certain human qualities. With the help of allegory I.A. Krylov creates ambiguously interpreted characters, which are based on real personalities.

Key words: allegorical images, character, fable.

Сорокин Александр Анатольевич

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: aa40in@inbox.ru

Sorokin Aleksandr Anatolyevich

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

E-mail: aa40in@inbox.ru

УДК 811.111.81'37

ИДЕОЛОГИЧНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XXI СТОЛЕТИЯ

© 2020. *И.В. Фатьянова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена анализу идеологической направленности американского политического дискурса XXI ст. Идеологичность рассматривается как одно из основных свойств американского политического дискурса, т.к. представляет собой специфический параметр политического дискурса, поскольку все его тексты имеют идеологическую окраску и именно этот параметр политического дискурса обуславливает такие важнейшие свойства изучаемого национального вида дискурса как манипулятивность, оценочность и экспрессивность.

Ключевые слова: политический дискурс, политический язык, политическая коммуникация, идеология.

Современный политический дискурс (далее – ПД) имеет специфические черты, отражая общественно-политические процессы, культуру, менталитет и ценности народа. Специфика политики заключается в ее преимущественно дискурсивном характере, и интерес лингвистов к политической коммуникации (далее – ПК) выявляется прежде всего, в системе когнитивно-дискурсивных приоритетов. ПД, являясь формой социально-ориентированного и задающего общение в рамках социальных статусно-ролевых отношений институционального дискурса, выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований, мощным властным ресурсом, средством саморепрезентации, легитимации и позиционирования в социокультурном и политическом пространстве.

В ПК язык имеет большое значение, т.к. является самым мощным оружием в политической борьбе, так что можно сказать, что в определенном смысле политическая конкуренция – это борьба политических языков и языковых личностей разных государственных деятелей.

Нет никаких сомнений в том, что основным объектом изучения ПК является политический язык (далее – ПЯ). Это язык с определенным набором жанровых форм, используемых политическими участниками для достижения определённых политических целей. По отношению к миру политики, понимание важной роли языка оформилось в философские и лингвистические проблемы соотношения языка и власти, агитации, пропаганды и политической рекламы, информативности и убеждения в ПК, изучение языка как инструмента социальной власти, языкового оформления социальных процессов в демократическом и тоталитарном государствах, использование языка с целью влияния на сознание широких масс, роли языка в создании имиджа политика, индивидуального стиля политика как языковой личности.

В настоящее время ПД не только изучается в русле антропологии, историографии, литературоведения, культурологии, логики, педагогики, политологии, семиотики, социальной психологии, социологии, теории искусственного интеллекта, теории коммуникации, теории и практики перевода, философии, этнологии, этнографии, юриспруденции, но и является объектом актуальных и активно развивающихся направлений лингвистической науки, сформировавшихся на междисциплинарной

основе: гендерной лингвистики, дискурсологии, когнитивной лингвистики, коммуникативной лингвистики, компьютерной лингвистики, лингвистической теории аргументации, лингвокультурологии, нарратологии, психолингвистики, прагмалингвистики, поэтики, риторики, стилистики, этнолингвистики, и т.п., что дает основание говорить про дискурсивный поворот в гуманитарных науках (discursive turn) [24, с. 146; 22, с. 94].

Анализ современных исследований показывает, что политическая лингвистика (далее – ПЛ) на данный момент является одной из самых перспективных и бурно развивающихся дисциплин, которая носит междисциплинарный характер, объединяя знания лингвистики, политологии, риторики, социоллингвистики, коммуникативистики, лингвокультурологии и т.д.

А. П. Чудинов обращает внимание на то, что борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности является главной функцией ПЛ. Так, ПК призвана оказать прямое или косвенное воздействие на распределение власти (путем выборов, назначений, создание общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.) [15, с. 8].

По мнению ученого [18, с. 53–59] дискурсивные характеристики политических текстов (далее – ПТ) значительно отличаются от подобных характеристик других текстов, т.к. создатель ПТ – человек, на которого ложится вся ответственность за его содержание, даже если его писала целая группа специалистов.

ПЯ отличается от обычного тем, что в нем политическая лексика носит терминологический характер, дискурс имеет не только специфичную структуру, но и специфичную реализацию, а именно его звуковое или письменное оформление [7, с. 74–77].

В связи с постоянным изменением общественно-политической ситуации ПЯ постоянно меняется, т.к. язык и политика тесно связаны и обусловлены друг другом. Но, что касается соотношения политической и языковой деятельности существуют различные позиции. Считаем необходимым дать определение ПЯ: это «особая языковая система, предназначенная именно для ПК: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений» [1, с. 6].

По мнению ученых, ПД может рассматриваться с разных точек зрения: филологической – как и любой текст; однако это происходит на фоне политических и идеологических концепций, превалирующих в сознании того, кто его интерпретирует, социо-психолингвистической, когда определяется эффективность достижений, скрытых или явных политических целей говорящего, индивидуально-герменевтической, когда выявляются личностные смыслы автора и интерпретатора дискурса в данных обстоятельствах. Именно поэтому ПД является предметом изучения на пересечении разных дисциплин и его исследование связано с изучением формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных политических ситуациях [18, с. 53–59].

По оценке В.З. Демьянкова, ПД следует трактовать как «сложный объект исследования, поскольку он лежит на пересечении разных дисциплин: политологии, социальной психологии, лингвистики и связан с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях» [4, с. 116–133].

Характеристика особенностей ПД (его институциональности, информативности, фантомности, фидеистичности, мифологичности, эзотеричности и т.д.), установление языковых показателей дистанции власти и авторитарности ПД, моделирование базовых концептов ПД и описание языковых средств их репрезентации, анализ импликации в

ПД и когнитивное моделирование декларативных и процедурных знаний, применяемых в ПК – являются одними из главных задач ПЛ. Главным постулатом современной ПЛ считается дискурсивный подход к исследованию ПТ. Дискурс-анализ в ПЛ позволяет установить мосты между социологическими, культурными, межличностными и когнитивными аспектами власти. Основным заданием лингвистического анализа ПД (Political Linguistic Discourse Analysis) является раскрытие механизма сложных взаимоотношений между властью, познанием, языком и поведением [19, с. 7; 23, с. 51].

По мнению В.З. Демьянкова, ПЯ определяется следующими характеристиками: 1) терминологической политической лексикой, включающей обычные слова, которые употребляются как не чисто «политические» языковые единицы; 2) специфической структурой дискурса, которая обладает специфическими речевыми приемами; 3) специфической реализацией дискурса, его особым звуковым или письменным оформлением [4, с. 117–118].

ПД стал объектом пристального внимания современных исследователей языка и культуры, т.к. эта область знания дает представление об основных принципах, на которых базируется ПК в том или ином социуме, в той или иной культуре. Дискурс с точки зрения социолингвистики представляет собой общение людей, которое рассматривается с позиций их принадлежности к определенной социальной группе либо применительно к определенной типичной речевой поведенческой ситуации, к примеру, ПД.

Анализ ПТ, а также исследование его элементов предполагает изучение уровня воздействия на ПТ, его восприятие адресатом разных языковых, социальных, культурологических, экономических, политических, национальных и иных факторов, оказывающих воздействие на понимание дискурса.

Р. Водак пишет, что сложные отношения между обществом и дискурсом не могут быть адекватно описаны без сочетания социологических и лингвистических подходов [27, с. 181]. Из структуры ПД следует тот факт, что изучение связано с анализом содержания, задач и формы дискурса, который употребляется в определенных ситуациях и лежит оно на пересечении разнообразных дисциплин [21, с. 46]. Считаясь частной дискурсивной разновидностью, ПД как базовое понятие не получил в лингвистике однозначного определения.

В большинстве работ по теории дискурса ПД рассматривается как разновидность институционального дискурса [4; 5; 6; 8; 9; 10; 13; 18].

Модель институционального дискурса представлена несколькими признаками [6, с. 155–162]: 1) нейтральные признаки; 2) признаки типа институционального дискурса; 3) признаки институциональности; 4) конститутивные признаки дискурса.

Признаки типа институционального дискурса отражают тип социального института, считающийся феноменом культуры, в его материальном и духовном выражении, который имеет размытую периферию и жесткое ядро. Как считает В.И. Карасик, общественный институт можно представить в виде сложного фрейма, содержащего людей, которые заняты соответствующей деятельностью, их характеристики, типичные для этого института сооружения, поведенческие стереотипы, общественные ритуалы, мифологемы данного института и тексты, хранимые и проводимые в данном социальном образовании [9, с. 193]. К признакам институциональности относится уточнение конститутивных дискурсивных признаков по условиям и целям коммуникации, по линиям участников общения. Институциональное общение, будучи, по сути, представительским, реализует цель поддержания социальных институтов, обеспечения стабильности общественной структуры. Условия институционального общения выделяют контекст в качестве

действий ритуального и символического характера, типичных хронотопов, клише и трафаретных жанров [9, с. 192]. Институциональный дискурс – это общение в контексте определенного общественного института, задающего рамки статусно-ролевых отношений [8, с. 14].

Считаясь разновидностью институционального дискурса, ПД тоже имеет несколько признаков, исследованию и определению которых посвящены работы зарубежных и российских ученых. Анализ дискурса в политической сфере находится на пересечении разных дисциплин и требует анализа содержания, задач и формы дискурса, который реализуется в определенных ситуациях политической сферы. Предназначение ПД – внушение прогнозируемых оценок и/или действий адресату, его понимание невозможно без излюбленных логических переходов и скрытых мотивов, сюжетных схем, фона аудиторий и автора, знаний ожидания, которые существуют в конкретную эпоху [5, с. 43]. К ключевым характеристикам дискурса ПК относятся оценочность и агрессивность, отстаивания своей позиции в дискурсе.

Самым релевантным подходом к анализу структуры ПД считается полевой подход, который позволяет определять сферы его соприкосновения с иными разновидностями неинституционального (бытового и художественного) и институционального дискурса (научного, религиозного, педагогического, военного, юридического, спортивного, рекламного и пр.) [19, с. 33]. В сущности, это тематический содержательный принцип, который основан на характере текстовой референции. Выделяя особенную роль средств СМИ в реализации ПД, с помощью которых он становится адресованным к обширной аудитории, ученые говорят о тенденции к сращиванию дискурса масс-медиа и ПД [10, с. 39].

В двух планах можно рассматривать функциональные особенности ПД. А именно [14, с. 53]: с позиции системообразующей интенции ПД и с позиции выполнения общих языковых функций.

К наиболее актуальным общезыковым функциям ПК относятся: регулятивная / побудительная функция, в частности, такие ее проявления, как запрет и воодушевление. Отмеченная креативность ПД свидетельствует о факте смыкания здесь референтной и магической языковой функций [19, с. 33–34].

Функциональная специфика дискурса ПК по отношению к другим видам дискурса представлена в его главной функции – применения в виде инструмента политической власти, реализующейся в овладении властью, борьбе за нее, сохранении власти, осуществлении, стабилизации и перераспределении власти. Это предоставляет возможность выделить ключевые функции ПД, которые считаются аспектами проявления анализируемой функции: интеграция групповых политических агентов и дифференциация, агональность и гармонизация, интерпретация и ориентация, акциональность и информативность, функция контроль и побуждение к определенным действиям [14, с. 53].

Кроме институциональности, которая рассмотрена выше, к системообразующим признакам ПД можно отнести смысловую неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, динамичность, фактор масс-медиа, дистанцированность, авторитарность и театральность. Эти все признаки имеют определенную специфику, обусловленную интенциональной составляющей дискурса в сфере ПК.

В ПЛ выделяются три основных подхода к изучению ПД: 1) дескриптивный, связанный с изучением речевого поведения политиков и характеристикой содержательной стороны политических текстов; 2) критический, возникший в пределах критического дискурс-анализа – теории и методики эмпирического исследования отношений между дискурсом и социальным и культурным состоянием общества, а

также взаимной детерминированности их развития, направленный на критическое изучение содержательной стороны языковых способов представления социального неравенства, использование языка как инструмента власти и социального контроля, орудие борьбы идеологий.

Одним из главных тематических направлений критического дискурс-анализа, наиболее актуальным в современной лингвистике является анализ ПД, который стал основанием для формирования особого ответвления в языкознании – ПЛ. К. Гакер считает главным заданием политического дискурс-анализа раскрытие механизма взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением [23, с. 28–55].

Третий подход, когнитивный, является относительно новым в ПЛ и характеризуется моделированием сознания участников ПК, анализом ключевых концептов ПД, политических метафор и их донорских концептуальных сфер, стереотипов речевого поведения, которые являются основой политических убеждений, предубеждений и мифологем; установления ментальных моделей, обусловленных идеологией власти; изучение влияния борьбы дискурсов на язык и т.д. [1; 5; 9; 18; 19].

В рамках когнитивного направления исследуется также взаимосвязь языка и идеологии [13; 25]. Политическое общение всегда идеологизировано, поскольку коммуниканты действуют в нем не как личности, которые представляют сами себя, а как представители институтов и политических групп. Под идеологией понимается система принципов, которая лежит в основе группового знания и мнения, которые основаны на групповых ценностях. Обусловленные идеологией ментальные схемы субъектов политического общения определяют их вербальное поведение, в частности стратегии и риторические приемы, импликации и пресуппозиции, речевые способы и тематическую структуру дискурса.

В лингвистическом плане ПД составляет сочетание социально и идеологически маркированных высказываний. Как социальное образование он представляется вербальным, коммуникативным событием, которое происходит между тем, кто говорит (или пишет), и тем, кто слушает (или читает). Таким образом, дискурс является сложным социально-лингвистическим феноменом, который включает одновременно два компонента; динамический процесс языковой деятельности, вписанный в социальный контекст, и его результат (т.е. текст) [5, с. 32–43].

Под ПД понимают употребление языка в социально-политической сфере, ограниченное институциональными формами общения. При анализе ПД необходимо учитывать, как экстралингвистические факторы (обстоятельства определенных событий, описываемых в тексте, фон, объясняет эти события), так и собственно языковые показатели (фонетическую структуру текста, его грамматические и лексические особенности и т.д.). ПД присуще соблюдение официального стиля и общности тематики, выделяющее этот дискурс как особый вид и способствующее его жанровому своеобразию, которое соответствует формам общения в политике.

В рамках ПД создается новая система ценностей – социальных, социально-психологических идей и взглядов. Ценностный подход к изучению дискурса позволяет расширить границы исследования текста, привлекая данные смежных дисциплин: культурологии, социологии, политологии и тому подобное.

Т. ван Дейк утверждает, что «когнитивный анализ структур политического дискурса не является попыткой приложения теорий когнитивной психологии к изучению политики. Напротив, когнитивный анализ является необходимым инструментом для детального описания и объяснения того, как реализует себя политический дискурс и какую роль он играет в политическом процессе» [13].

Посредством социокогнитивного анализа соотнесенности контекста и ПД, опосредованных когнитивными моделями интеракционного или коммуникативного контекста, можно продемонстрировать, каким именно образом и почему политические ситуации конструируют речь и текст и наоборот: как и почему политические тексты и речь порождают политические ситуации.

Принимая во внимание тот факт, что ПД может редко носить субъективный характер, хотя, не являясь исключительно социальным или политическим феноменом, реализуясь в индивидуальных текстах и речи, приобретая некоторые субъективные черты, Т. ван Дейк настаивает на том, что «только когнитивная теория способна расшифровать отношение между индивидуальным и социальным с помощью анализа диалектики эпизодических ментальных моделей и их репрезентаций с одной стороны, и социально разделяемых групповых репрезентаций с другой стороны» [13].

Таким образом, ПД может быть адекватно описан и объяснен лишь при условии теоретической экспликации социокогнитивных феноменов, связанных с общепринятыми политическими репрезентациями, контролирующими политические действия, процессы и системы. Язык представляет собой поле для социальных и политических инициатив, где происходит борьба за символический интеллектуальный и экономический капитал, битва харизматических лидеров современности [16]. По словам Дж. Томпсона, изучение идеологии часто приравнивается к исследованию языка, его функционирования в обществе [26, с. 2].

Идеологизация рассматривалась многими лингвистами и политологами. Например, М.М. Бахтин понимал язык как «идеологическую материю», а за словом он видел «идеологический знак», «любое слово по своей сути – идеологическое, а каждое использование языка – неизбежно связано с идеологическими изменениями» [2, с. 357–358].

Проблема идеологии и дискурса изучалась Р. Ходжем и Г. Крессом [25]. В своих исследованиях авторы утверждают, что связь между языком и идеологией существует на разных языковых уровнях – лексическом, синтаксическом и тому подобное. Отношение между языком и идеологией зависит от категории дискурса. Значение любой изолированной грамматической формы как таковой является недетерминированным и не имеет идеологической коннотации. Это объясняется тем, что грамматические формы всегда появляются в тексте в систематическом виде, как знак системы значений, характеризующий определенный тип дискурса, которому присуще идеологическое значение.

Идеология как сфера общественного сознания соотносится со стилем политики, причем эта связь имеет двусторонний характер: с одной стороны, идеология влияет на формирование ПД, на развитие его языковых средств, с другой – ПД является эффективным инструментом воздействия на общественные процессы и на формирование определенной идеологии. В ПД реализуется идеологическая функция. Она не просто направлена на общественное сознание, а нацелена на ее ядро – мировоззрение, состоящее из системы принципов, идеалов, убеждений, которые определяют отношение к природе, обществу и человеку. Цель этой функции – укрепить в сознании общества определенные взгляды и представления. Поскольку система базовых понятий человека и общества, нравственных ценностей и идеалов не меняется внезапно, а эволюционирует под влиянием длительного целенаправленного действия, ПД выступает идеальным орудием манипулирования убеждениями, взглядами или действиями других людей с помощью символов – языковых знаков [11]. Идеология любого государства насаживается, прежде всего, с помощью ПД. Общественное назначение ПД состоит в том, чтобы вызвать у адресатов – граждан общества –

необходимость «политически корректных» действий или оценок. Иначе говоря, цель ПД – не описать (то есть не референция), а убедить, пробуждая у адресата намерения предоставить почву для убеждения и побудить к действию [20, с. 104], проявляющаяся в особом подборе языковых единиц.

Итак, адресанты ПД представляют действительность с помощью сознательного институционального отбора языковых единиц, что приводит к оценочности ПД. Главная причина отбора именно таких языковых единиц – идеологическая.

Несомненно, что роль основного средства выражения идеологии в ПД принадлежит идеологеме как языковой репрезентации идеологического концепта, как лексико-фразеологической единице, «в значение которой входит идеологический компонент» [17, с. 92].

Анализ структуры публичных выступлений 45-го Президента США Д. Трампа, направленный на выявление и описание языковых феноменов, содержащих в своей семиотике идеологическую оценочность [12, с. 29–39], раскрывает специфику индивидуально-авторского отношения к тем или иным политическим событиям и явлениям, а также имеет целью выявить и описать идеологемы, с которыми идентифицирует себя политик, и выяснить, как эти феномены эксплицитно формируются или остаются имплицитно выраженными в американском ПД XXI ст. [3, с. 88–108].

Анализ американского ПД на основе риторики Д. Трампа, позволил выделить ряд идей и суждений, формирующих идеологические предпосылки дискурса, а именно, идеологию американской исключительности и необходимость борьбы за демократические ценности как в своей стране, так и во всем мире:

Президент активно употребляют идеологемы *America (Америка)*, *American (американский)*, *world (общество, мир)*, *glory (слава, триумф, прославление, красота)*, *people (народ)*, *democracy (демократия)*, *freedom (свобода)*, *justice (справедливость)*, *country (страна)*, *nation (нация)*, *policy (политика, линия поведения, курс)*, *loyalty (верность, лояльность, преданность)*. В зависимости от употребления идеологем в контексте, варьируется их содержание, но при этом положительная оценочность остается неизменной.

В сложившейся культуре страны понятие «демократия» является одним из центральных, поэтому для всей нации играет роль одного из наиболее значимых феноменов социокультурного характера. Декларируя свои убеждения в необходимости распространения идей демократии во всем мире, акцентируется их значимость для американского общества, что достигается благодаря противопоставлению идеологем *демократия* и *справедливость* таким антиценностям как *терроризм, война, насилие, беззаконие, расизм и сексизм*: *They were just 20 minutes away from reaching their **sinister objective**. The only thing that stood between the **enemy** and a **deadly strike** at the heart of **American democracy** was the **courage and resolve** of 40 men and women. The amazing passengers and crew of Flight 93* [D. Trump, 2020a].

Идеология американской исключительности выражается в отведении особой роли США в решении проблем мирового сообщества. При этом акценты в речи Президента расставлены таким образом, что идея лидерства США предстает перед адресатом как залог мира и стабильности, успешного сотрудничества и процветания союзников: *What **united generations** past was an **unshakable confidence in America's destiny** and an **unbreakable faith in the American people**. They knew that **our country is blessed by God** and has a **special purpose in this world**. It is that conviction that inspired the formation of **our union, our westward expansion**, the abolition of slavery, the passage of civil rights, the space program and the overthrow of fascism, tyranny, and communism* [D. Trump, 2020b].

Контекстологический анализ американского ПД XXI ст. свидетельствует о том, что ведущими являются идеологемы: *America* (21 %), *nation* (14 %), *country* (12 %), *world* (11 %), *American* (9 %), *people* (9 %), *democracy* (7 %), *freedom* (5 %), *justice* (4 %), *policy* (3 %), *glory* (3 %), *loyalty* (1 %).

Выявленная лексемная частотность единиц, представляющих идеологемы, отражает те идеологические ценности и политические аспекты, на которые общественные деятели акцентируют наибольшее внимание в своих выступлениях, таких как: необходимость переосмысления внешней и внутренней политики США, продвижение демократических ценностей, торжества демократии во всем свободном мире, идея американского лидерства, международное сотрудничество как основа безопасности и мира, идея светлого будущего. Ключевыми идеологическими установками, выделяемыми и акцентируемыми являются такие идеологические ориентиры: признание демократических ценностей и американского лидерства как залога успешного международного взаимопонимания и сотрудничества.

К основным средствам убеждения в речи Президента относятся традиционные компоненты англо-американской риторики – упоминание, ссылка или цитирование исторических деятелей, ритуальное обращение к Библии, пафосные высказывания в адрес известных политиков сегодняшнего дня, как местных, так и зарубежных, а также приемы контраста и повтора:

(1) *This has been the home of larger-than-life figures like **Teddy Roosevelt** and **Andrew Jackson**, who rallied Americans to bold visions of a bigger and brighter future. Within these walls lived tenacious generals like **President Grant** and **Eisenhower**, who led our soldiers in the cause of freedom. From these grounds, **Thomas Jefferson** sent **Lewis** and **Clark** to chart our continent. In the depths of a bloody Civil War, **President Abraham Lincoln** looked out these very windows upon a half-completed Washington Monument and asked **God and his Providence to save our nation**. Two weeks after Pearl Harbor, **Franklin Delano Roosevelt** welcomed **Winston Churchill**, and just inside, they set our people on course to victory in the Second World War* [D. Trump, 2020в].

(2) *Our **sacred task**, our **righteous duty**, and our **solemn pledge** is to carry forward the noble legacy of the brave souls who gave their lives for us 19 years ago. In their memory, we resolve to stand **united one American nation** to defend our **freedoms**, to uphold our **values**, to love our **neighbors**, to **cherish our country**, to care for our communities, to honor our heroes, and to never ever forget. Thank you. **God bless you**. God bless the heroes of Flight 93. God bless all of the families. 9/11, we'll never forget. **God bless you all**. **God bless America*** [D. Trump, 2020a].

(3) *Let us also take a moment to show our profound appreciation for a man who has always fought by our side and stood up for our values, **a man of deep faith and steadfast conviction** — our vice president, **Mike Pence*** [D. Trump, 2020в].

(4) *Because we understand that **America is not a land cloaked in darkness**. **America is the torch that enlightens the entire world**. Gathered here at our beautiful and majestic White House, known all over the world as the people's house, we cannot help but marvel at the miracle that is our great American story* [D. Trump, 2020в].

(5) *It was a unity based on **love** for our families, **care** for our neighbors, **loyalty** to our fellow citizens, **pride** in our great flag, **gratitude** for our police and first responders, **faith** in God, and a refusal to bend our will to the **depraved forces of violence, intimidation, oppression, and evil*** [D. Trump, 2020a].

(6) *And by the way, not only at Walter Reed, all over the **country**, we have the **greatest doctors in the world**, we have the **greatest nurses**, the **greatest first responders**, law*

enforcement, by the way, incredible, firefighters, everybody. They're just great. We have great people. This is a great country [D. Trump, 2020b].

В ряде фрагментов обозначенные риторические приемы добавляют речи политика экспрессии и подчеркивают содержание фактуальной информации, а в других случаях реализуют функцию структурно-композиционного элемента, организующего весь текстовый фрагмент и позволяющего политику расставить нужные акценты, также следует констатировать высокий воздействующий потенциал речи Президента, о чем свидетельствует как высокая плотность применения риторических приемов, так и частотность ключевых лексем, представляющих идеологические установки политика.

Таким образом, американский ПД XXI ст. является отражением сложившейся политической ситуации как в США, так и во всем мире, обусловленной внешней и внутренней политикой, проводимой лидерами государств, характеризуется агональностью, установкой на борьбу за признание американского лидерства как залога успешного международного взаимодействия, а также признания демократических ценностей, продвигаемых Соединенными Штатами Америки во всем мире. Современные политические выступления действующего президента США обусловлены открытой и завуалированной идеологией, представленной одним или несколькими авторами, поданные политиком с целью манипулирования аудиторией, навязывания своей точки зрения, нередко в агрессивной форме. Следует заметить, что богатый материал для исследования представляет большинство высказываний американского Президента в условиях обострения борьбы за власть (например, в предвыборный период).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов Н.А. Парламентские дебаты: традиции и новации / Н.А. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 63 [1] с.
2. Бахтин М.М. Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 357–358.
3. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического текста / М.В. Гаврилова // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – № 3. – С. 88–108.
4. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 116–133.
5. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. – № 3. – С. 32–43.
6. Жбанков М.М. Жанровая система как институциональный признак дискурса клинических исследований (на материале английского языка) / М.М. Жбанков // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы IV Междунар. науч. практ. конф., Минск, 22 апреля 2013 г. – Минск: БГУ, 2013. – С. 155–162.
7. Иванов С.В. Политический дискурс как разновидность институционального дискурса / С.В. Иванов // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – №8 (15). – Ч.1. – С. 74–77.
8. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
9. Карасик В.И. Дискурс / В.И. Карасик // Социальная психоллингвистика: Хрестоматия. – Москва: Лабиринт, 2007. – С. 162–196.
10. Перельгут Н.М. О структуре понятия «политический дискурс» / Н.М. Перельгут, Е.Б. Сухоцкая // Вестник Нижневолжского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 35–41.
11. Почепцов Г.Г. Психологические войны / Г.Г. Почепцов. – К.: Ваклер, 2000. – 528 с.
12. Сковородников А.П. Ложка дегтя в бочке меда (Об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр») / А.П. Сковородников // Политическая лингвистика. – 2018. – № 2. – С. 29–39.
13. Тен А. ван Дейк Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. / Тен А. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

14. Халатян А.Б. Предвыборный дискурс: жанровое своеобразие и специфика языкового воплощения (на материале текстов предвыборных кампаний 2008 г. в России и США) / А.Б. Халатян. – Дисс. ... канд. филол. наук. 2011. – 267 с.
15. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинова. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
16. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
17. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 254 с.
18. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ. – 2012. – Вып.2 (40). – С. 53–59.
19. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М., 2004. – 326 с.
20. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches / P. Bayley // G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller eds // Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. – P. 77–174.
21. Bell V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist / V. Bell // A. Firth (Ed.). The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace. Oxford etc.: Pergamon, 1995. – P. 41–58.
22. Flick U. Social representations / U. Flick // Rethinking psychology. – L., N.Y.: Longman, 1995. – P. 70–96.
23. Hacker K.L. Political Linguistic Discourse Analysis / K.L. Hacker // The Theory and Practice of Political Communication Research. – N.Y., 1996. – P. 51–62.
24. Harre R. Discursive psychology / R. Harre // Rethinking Psychology. L.; N.Y.: Longman, 1995. – P. 143–159.
25. Hodge R. Social Semiotics / R. Hodge. – Cambridge: Polity Press, 1988. – 285 p.
26. Thompson J. B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication / J.B. Thompson. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990. – 203 p.
27. Wodak R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA / R. Wodak // Discourse and society. – 2006. – P. 179–190.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Donald Trump 2020 9/11 Memorial Speech Transcript 11 September 2020a. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-2020-9-11-memorial-speech-transcript> (Дата обращения: 08.09.2020 г.).
2. Donald Trump 2020 Remarks Transcript, Calls Contracting COVID-19. “Blessing from God” 7 October 2020b. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-remarks-transcript-calls-contracting-covid-19-blessing-from-god-october-7> (Дата обращения: 14.11.2020 г.).
3. Donald Trump 2020 President Trump’s Republican National Convention Speech. 28 August 2020b. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/08/28/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html> (Дата обращения: 18.10.2020 г.).

Поступила в редакцию 24.09.2020 г.

IDEOLOGY OF THE AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE XXI CENTURY

I. V. Fatyanova

The article deals with the analysis of ideological orientation of the XXI-st century American political discourse. Ideology is viewed as one of the main features of the American political discourse. It is a specific parameter of the political discourse, as all its texts are ideologically marked. The conclusion is made that it is this parameter that determines such important properties of the American political discourse as manipulateness, evaluativeness, and expressiveness.

Key words: political discourse, political language, political communication, ideologeme.

Фатьянова Ирина Валерьевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры английской филологии.
E-mail: irafatyanova@mail.ru

Fatyanova Irina Valeriyvna.

Candidate of Philology, Associate Professor
Donetsk National University.
Associate Professor of the English Philology Department.
E-mail: irafatyanova@mail.ru

УДК 81'373

**ПАНДЕМИЯ COVID-19 В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА:
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НЕОНОМИНАЦИЙ**© 2020. *Н. А. Ярошенко**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

В статье рассматриваются и анализируются лексико-семантические подгруппы неологизмов, функционирующих в русском языке новейшего периода для обозначения понятий, связанных с ситуацией угрозы распространения в мире новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Устанавливаются и описываются основные структурно-семантические и функциональные особенности зафиксированных номинаций. Особое внимание уделяется неологизмам, обозначающим лицо или группу лиц.

Ключевые слова: номинация, неологизм, неологизм, категория лица, неологизмы лица, пандемия, COVID-19, коронавирус.

Язык представляет собой сложную динамическую гетерогенную систему, уровни которой, образуемые однородными элементами, характеризуются различным темпом развития и разной степенью открытости. Так, И. А. Бодуэн де Куртенэ, который отдавал предпочтение динамике перед статикой и в статике видел лишь частный случай динамики, говорит о том, что в языке нет неподвижности: «В языке, как и вообще в природе, всё живёт, всё движется, всё изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [4, с. 349]. Как справедливо отмечает Л. А. Кудрявцева, именно динамическая модель позволяет показать систему языка как «целостное единство устойчивого и подвижного, стабильного и изменяющегося, статики и динамики» [24, с. 10].

При этом, как известно, наиболее открытым и динамичным является лексический уровень языка, поскольку изменения, которые происходят во всех сферах жизни и деятельности человека, мгновенно отражаются в языке, в его лексико-семантической подсистеме: «Словарный состав языка является наиболее подвижным, наиболее чувствительным к изменениям конструктивным элементом языка. Почти непрерывные изменения словарного состава, в которых отражается прямая и непосредственная связь языка с производством и всеми другими сферами общественной деятельности, состоят в утрате некоторого количества устаревших слов, в пополнении гораздо большим количеством новых слов, в развитии новых значений у сохраняющихся и активных слов, в образовании новых выражений» [8, с. 47]. Лексический уровень оказывается наиболее подверженным изменениям, по сравнению с другими уровнями языка. Словарный состав языка отражает всё, что происходит в объективной действительности, т. е. в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах жизни общества. Другими словами, изменения языка неразрывно связаны со всеми аспектами жизни его носителей.

Яркой иллюстрацией вышесказанного может служить реакция языка и языковой картины мира на ситуацию, вызванную пандемией новой коронавирусной инфекции.

Как известно, в январе 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку эпидемии опасного инфекционного заболевания (COVID-19), вызываемого вирусом SARS-CoV-2, а 11 марта 2020 г. ВОЗ охарактеризовала принявшее мировой масштаб распространение болезни как пандемию.

Лингвисты говорят о стремительном формировании так называемого коронавирусного новояза (лексикона коронавирусной эры, лексикона времён пандемии, системы «коронаслов», ковид-словаря, коронаречи, коронасленга, «ковидной» лексики, вирусных / заразительных неологизмов и под.) как проявления динамики языковой картины мира: «Глобальная эпидемия коронавируса 2020 года унесла жизни сотен тысяч людей и нанесла мощный удар по экономике многих стран. Эта же эпидемия послужила поводом для создания целого ряда оригинальных неологизмов» [45].

Языковая картина мира (наивная или научная) — это определённая интерпретация знаний о мире в сознании человека, результат переработки информации. Языковая картина мира связана с процессом фиксации в языке и прежде всего в лексико-семантической подсистеме знаний об окружающей действительности и о самом человеке в виде номинативных единиц (слов и словосочетаний). В то время как «результатом отражения новых слов в лексической системе языка является неологическая картина мира, отражающая и культивирующая новый образ языка современности» [13, с. 48], а «неологические единицы объективируют неологическую картину мира, представляя образ мира в его изменении» [13, с. 48].

Систематизация и даже предварительный анализ **фактического материала**, извлечённого нами из различных интернет-источников (форумы и комментарии в социальных сетях «Facebook», «ВКонтакте», статьи, посвящённые проблемам пандемии коронавируса, и проч.), свидетельствуют о том, что в русском языке явления, которые связаны с осмыслением новых реалий действительности, порождённых пандемией COVID-19, прежде всего проявляются в появлении неозаимствований, неологизмов, окказионализмов, в изменении значений и/или коннотаций уже существующих в языке слов, в актуализации ряда слов и в первую очередь медицинских терминов, в расширении в некоторых случаях лексико-семантической сочетаемости лексем, в переходе слов из узкоспециального жаргона в общий жаргон, в использовании различных форм языковой игры.

Цель статьи заключается в том, чтобы установить и описать лексико-семантические подгруппы неонимаций, функционирующих в русском языке новейшего периода для обозначения понятий, связанных с ситуацией угрозы распространения в мире новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Прежде всего на основании критического обзора специальной научной литературы сформулируем рабочие определения базовых для нашего исследования терминов (см. [2; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 12; 13; 15; 19; 20; 21; 22; 27; 29; 30; 35; 36; 37 и др.]).

Следует отметить, что в современной лингвистике при описании новых лексических единиц используются относительно близкие по содержанию термины: *неологизм, новое слово, инновация, неолексема, лексическая инновация, новообразование, окказиональное слово (окказионализм), индивидуально-авторское слово, потенциальное слово (потенциализм), неозаимствование, неосемантизм*.

С. И. Алаторцева отмечает, что в «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского (1804 г.) встречается самое раннее упоминание о неологии в отечественной научной литературе, где неология понимается как «наука составлять новые слова». В то время как термин *неологизм* впервые обозначил Ф. Толь в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» (1864 г.). В пособии исследователь уподобляет понятия «неологизм» и «неология» [2, с. 11]. С. И. Алаторцева обращает внимание на тот факт, что Ф. Толль выделяет уже два вида языковых новаций (новые слова и употребление старых, но в новом смысле), однако при этом у термина *неологизм* ещё не отмечено значение ‘новое слово’ [2, с. 11].

Как указывает Е. В. Сенько, термин *неологизм*, который первоначально не имел значения ‘новое слово’, понимался как «процесс, сохраняющий изначально негативную эмоциональную окраску», и употреблялся для номинации «нововведений, не соответствующих духу языка» (цит. по: [13, с. 48]).

Так, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой термин *неологизм* зафиксирован с двумя значениями, второе из которых имеет отрицательную коннотацию: 1) ‘слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия’; 2) ‘новое слово или выражение, не получившее прав гражданства в общенародном языке и потому воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи’ [3, с. 261]. В. В. Лопатин термин *неологизм* (< греч. *neos* ‘новый’ и *logos* ‘слово’) определяет как «новое слово, закрепляющееся в языке» [27, с. 20].

Термин *неологизм*, являясь одним из базовых понятий лексикологии, не имеет до сих пор однозначной трактовки. Т. В. Попова, опираясь на идею Н. З. Котеловой о существовании нескольких лингвистических теорий, пытающихся раскрыть языковую сущность такого явления, как неологизм, предлагает условно для наглядности объединить эти теории следующим образом 1) стилистическая теория; 2) психолингвистическая теория; 3) лексикографическая теория; 4) денотативная теория; 5) структурная теория; 6) конкретно-историческая теория Н. З. Котеловой (см. подробнее в [35, с. 4–13; 36, с. 8–20]).

Существенным является тот факт, что в лингвистике выделяются узкий и широкий подходы к определению термина *неологизм*. В частности в «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило отмечается, что *неологизм* — это «новое слово или новое значение и форма уже существующего слова. В широком смысле слова неологизм может быть лексическим, словообразовательным, фонетическим, морфологическим и синтаксическим. В узком смысле слова неологизмом называют лексическое или семантическое новообразование» [14, с. 216].

Так, согласно концепции Н. З. Котеловой, «под новыми словами понимаются как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными» [21, с. 171].

При широком подходе термин *неологизм* сближается с терминами *инновация* и *новообразование*, которые используются как родовые для обозначения всех разновидностей новых явлений на разных уровнях языковой системы. При этом термин *новообразование*, безусловно, чаще применяется по отношению к словообразовательным инновациям. В то время как при узком подходе в качестве абсолютных синонимов к термину *неологизм* используются термины *лексическая инновация*, *новое слово* и *неолексема*, поскольку все они указывают на новые единицы лексического уровня языка.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» неологизмы определяются как «слова, значение слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [26, с. 331]. Вместе с тем отдельной дискуссионной проблемой является, как известно, отграничение неологизмов от таких смежных явлений, как потенциальные слова и окказиональные слова (окказионализмы). Так, Э. В. Кузнецова говорит о том, что необходимо разграничивать *собственно языковые (канонические, узуальные) неологизмы*, называемые в таком случае каноническими

или узуальными словами, и так называемые *окказиональные слова*, имеющие чисто речевое существование. **Узуальные неологизмы** — это слова, возникшие в ответ на общественную потребность, получившие более или менее широкое распространение, ставшие в связи с этим словами воспроизводимыми, т. е. системными. Основная цель их создания — получение новой, необходимой номинативной единицы. Средства и способы создания таких слов — это продуктивные модели (образцы словопроизводства), что и способствует лёгкому их усвоению, быстрому включению в ряды аналогичных образований [25, с. 164]. Таким образом, среди словообразовательных инноваций выделяются 1) узуальные неологизмы как языковое явление и 2) окказиональные и потенциальные слова как явления речевые. В том случае, когда неологизм соответствует языковой норме, т. е. создан в соответствии с узусом и образован по высокопродуктивному словообразовательному типу, то это **потенциальное слово** (актуализированный или неактуализированный потенциализм). **Окказиональное слово (окказионализм)**, напротив, создаётся с нарушением законов действия словообразовательного типа и языковой нормы в целом.

Термин **неосемантизм**, как видно из его внутренней формы, предполагает процесс развития нового значения у уже известного языку слова. Как отмечает А. А. Брагина, «неологизмы — это не только слова, ранее не существовавшие, родившиеся вместе с новым явлением. Чаше мы наблюдаем новые осмысления старых слов, обогащение их новыми значениями» [6, с. 21].

Неозаимствование — это слово иноязычного происхождения, которое адаптировано к системе языка-реципиента путём транскрибирования (отображения звуковой формы его прототипа в языке-источнике) или транслитерации (отражения графической формы прототипа) (см. [46, с. 173]).

Таким образом, основными источниками обогащения лексического состава того или иного языка являются *новообразования* (новые производные слова) и *неозаимствования* (новые заимствования) как разновидности *лексических инноваций (неолексем)*, а также *неосемантизмы* («старые» слова в новых для них значениях). Как отмечают исследователи, «в русском языке нашего времени, несмотря на увеличившееся число внешних и внутренних заимствований, всё-таки преобладает обновление лексики за счёт словообразовательных инноваций» [15, с. 66].

Предложенная статья продолжает серию публикаций автора, посвящённых анализу неологизмов, фиксирующих понятия, соотносимые с ситуацией пандемии COVID-19 [47; 48].

Следует отметить, что явления, происходящие в русском, английском, немецком и др. языках новейшего периода в свете лингвального осмысления событий пандемии новой коронавирусной инфекции, не только становятся объектом изучения в специальных лингвистических работах (см., например, [1; 16; 17; 18; 28; 31; 33; 34; 38; 39; 40; 43; 44; 45; 47; 48 и др.]), но и активно обсуждаются в социальных сетях, в СМИ и СМК.

Исходя из сформулированных теоретических предпосылок, рассмотрим, какие лексико-семантические подгруппы неологизмов в широком понимании этого термина представлены в русском языке новейшего периода для обозначения понятий, связанных с пандемией COVID-19, и определим основные структурно-семантические и функциональные особенности зафиксированных номинаций.

(1) Обозначения вируса и вызываемого им инфекционного заболевания.

В первую очередь, как понятно, обращают на себя внимание слова *коронавирус* и *COVID-19*.

Что касается лексемы **коронавирус**, то это слово не является новым для русского языка. Начиная с декабря 2019 г. можно говорить об актуализации этой лексемы в речи не только специалистов в области медицины, но и носителей русского языка в целом. В таком лексикографическом источнике, как «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г. Н. Складневской слово **коронавирус** и его орфографический вариант **корона-вирус** (с написанием через дефис) зафиксированы с функционально-стилистическими пометами *биол.* и *мед.* в значении «вирус, по форме напоминающий корону, вызывающий заболевания верхних дыхательных путей, а также кардиологические и желудочные заболевания у людей и животных» [41, с. 503]. Иллюстративный материал (цитаты из научно-популярных статей), который приводится в словаре, датируется 2003 годом. Ср. примеры из «Национального корпуса русского языка»: «Потом выделили возбудителя, естественно, названного «легионелла пневмофила», поскольку легионелла «любила легкие», необратимо поражая их ткань (как **коронавирус**, вызывающий SARS — ТОРС, то есть тяжёлый острый респираторный синдром)» [Игорь Лалаянц. MP3 джем (jam) // «Знание — сила», 2005]; «В первом случае причиной стал изменённый **коронавирус**, носителями которого были летучие мыши» [В. Зверев. Вакцины: от Дженнера и Пастера до наших дней // «Наука и жизнь», 2006]; «В последнее время парвовирусный энтерит регистрируется крайне редко, чаще всего выделяют **коронавирус**, а он гораздо менее вирулентен, только не надо применять при лечении гипериммунные сыворотки и другие иммуностимуляторы» [Елена Дубровина. Вакцинация собак // «Homes & Gardens», 2002.08.10] и др.

В словарной статье в указанном лексикографическом источнике также отмечается, что семейство коронавирусов открыто в 1965 г. [41, с. 503]. Коронавирусы — это семейство вирусов, включающее на январь 2020 года 40 видов РНК-содержащих вирусов, объединённых в два подсемейства и поражающих человека и животных. Науке известно семь коронавирусов, которые поражают человека. Вирус SARS-CoV-2 — бета-коронавирус В, который вызвал вспышку эпидемии опасного инфекционного заболевания (COVID-19). Наименование вируса **SARS-CoV-2** (коронавирус тяжёлого острого респираторного синдрома-2) было выбрано из-за генетического сходства с возбудителем вспышки TORS в 2003 году.

Как известно, болезнь изначально называли **2019-nCoV** (< англ. *Novel Corona-virus Pneumonia* «пневмония, вызванная новым типом коронавируса»). Очевидно, что номинация **2019-nCoV** не удобна в произношении. В феврале 2020 г. заболеванию было присвоено название **COVID-19**. Аббревиатура **COVID-19** расшифровывается следующим образом: CO — «корона» (*corona*), VI — «вирус» (*virus*), D — «болезнь» (*disease*), а 19 — это 2019 год, так как вспышка была впервые выявлена 31 декабря 2019 года (**COVID-19** < **coronavirus disease 2019**). См.: «Now to coronavirus. First of all, we now have a name for the disease: COVID-19. I'll spell it: C-O-V-I-D hyphen one nine — COVID-19» [49].

В настоящее время лингвисты говорят о том, что слово **коронавирус**, наряду с лексемой **ковид**, представляющей собой русифицированный вариант аббревиатуры COVID-19, — главные претенденты на номинацию «Слово года».

О том, что слово **коронавирус** до начала пандемии новой коронавирусной инфекции и формирования так называемой новой реальности в русском языке использовалось только как узкоспециальный медицинский термин, свидетельствует несколько фактов. Во-первых, какое-то время слово **коронавирус**, проходя этап графической адаптации в русском языке, писалось через дефис (**корона-вирус**). Во-вторых, на то, что лексема **коронавирус** — это медицинский термин, изначально не

известный широкому кругу носителей русского языка, указывают дискуссии, которые велись в социальных сетях в самом начале периода пандемии по поводу того, почему слово пишется как *коронаВирус*, а не *коронОвирус*. Ошибочный вариант *коронОвирус* появился в письменной речи носителей языка под влиянием действия закона аналогии: носители языка подводили это слово под структуру слов типа *пароход*, *землекоп*, считая, что в его составе представлен соединительный гласный (интерфикс) *-о-*. Однако медицинский термин *коронавирус* был заимствован русским языком из латинского (возможно, через английский язык) и является калькой латинского слова *coronavirus* (ср. *ротавирус*, *бокавирус*, *дельтаплан*, *гексаген*, *вибрафон* и др.). Другими словами, перед нами калька, которая хотя и содержит общеизвестные слова *корона* и *вирус*, всё-таки не адаптировалась в русском языке. Таким образом, русское слово *коронавирус* представляет собой результат транслитерации латинского слова *coronavirus*, в результате чего каждая латинская буква в нём просто была записана кириллицей. Написание *коронАвирус* продиктовано тем, что буква *А* здесь — это конечная буква первой части этого слова, унаследованная от языка-источника. Примечательно, что все контексты использования слова *коронавирус*, представленные в «Национальном корпусе русского языка», предполагают единственный вариант написания *коронАвирус* / *коронАвирусы*.

То, что слово *коронавирус* представляет собой результат актуализации медицинского термина, который до недавнего времени не был широко употребительным, подтверждает частотность в речи плеонастических конструкций типа *коронавирус COVID-19*. Слово *коронавирус* может обозначать и вирус, и болезнь (ср. *грипп*: *Заболеть гриппом* — *Заболеть коронавирусом*; *У него грипп* — *У него коронавирус*). Однако значение 'болезнь' для слова *коронавирус* является разговорным. Сочетание *коронавирус COVID-19* с точки зрения литературного языка является ошибочным и представляет собой плеоназм. В то время как номинация *коронавирусная инфекция COVID-19* допустима, поскольку *инфекция* как заражение представляет собой болезнь.

Слово *коронавирус*, в свою очередь, породило много слов, начинающихся на *корона*: *корона* 'коронавирус', *коронарка* 'коронавирус', *коронка* 'коронавирус', *коронапроявления*, *коронасмерть*, *коронапаника*, *коронабесие*, *коронной*, *коронафобия* (ср. *ковидофобия*), *коронапсихоз*, *коронаапокалипсис*, *коронагеддон* 'Армагеддон в эпоху коронавируса', *коронацид*, *коронакризис*, *коронаидиот* (ср. *ковидиот*), *коронадиссидент*, *коронаскептик* / *короноскептик*, *коронаплюй*, *коронаэнтузиаст*, *коронапсих* / *коронопсих*, *коронафоб* (ср. *ковидофоб*), *коронабесы*, *коронабесики*, *короноик*, *коронапанк*, *корониалы*, *коронаворьё*, *коронафейки*, *коронавраньё*, *коронехіт*, *коронатерроризм*, *коронавыпуск* / *коронавыпуск-2020*, *коронапарад*, *докоронареал* / *докоронореал*, *коронареал* / *коронореал*, *посткоронареал* / *посткоронореал*, *коронауязвимый*, *коронавирусить*, *коронавирусно*, *антикоронавирус*, *корона-пицца* / *коронапицца*, *покоронить* / *поКОРОНить* и др. На сайте zakon.ru рубрика, в которой собраны анекдоты о коронавирусе, называется «*Коронаюморус*». В русскоязычном либеральном дискурсе противников политики В. В. Путина и в частности противников поправок к Конституции на базе номинации *корона* 'коронавирус' и имени собственного *Путин* был образован окказионализм *Коронапутин* (см., например, название ролика «*Коронапутин. Запертые с царём*»). Сочетание лексемы *корона* 'коронавирус' и названия конкурса «*Евровидение*» легло в основу окказионализма «*Коронавидение*» / «*Коронавидение-2020*» (ср. «*Карантинovidение-2020*»).

См. также номинацию **зараза коронавирусная** в выступлении В. В. Путина: *«Победим и эту заразу коронавирусную. Вместе мы её преодолеем»*. Как известно, в своём выступлении на селекторном совещании 08 апреля 2020 г. президент сравнил борьбу с коронавирусом с борьбой с печенегам и половцами. Эта цитата сразу же набрала популярность в соцсетях и породила массу мемов. Ср. противопоставление книжных заимствованных лексем **инфекция**, **эпидемия**, **вирус**, с одной стороны, и общеупотребительного в одном из значений и разговорного в другом значении слова **зараза**, с другой стороны: **зараза** ‘болезнетворное начало, распространяемое микроорганизмами’. *Распространять заразу. Бороться с заразой. Источники заразы*, разг. ‘об инфекционных болезнях’. *Подцепить заразу. Сидит в нём какая-то зараза* [http://gramota.ru/slovari/dic/?word=зараза&all=x]. Выбор именно лексемы **зараза (зараза коронавирусная)** также усиливает «приземлённый» характер обозначаемого явления за счёт того факта, что в русском языке слово **зараза** в одном из своих значений, как известно, фиксируется словарями с пометой *бранное*: **зараза** ‘о ком-, чем-л., вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев’ [http://gramota.ru/slovari/dic/?word=зараза&all=x]. Также обращает на себя внимание, очевидно, намеренный обратный порядок слов (инверсия) в словосочетании **зараза коронавирусная**. В общем контексте сравнения борьбы с коронавирусом с борьбой с печенегам и половцами такая синтаксическая структура явно воспринимается как аллюзия к фольклорному синтаксису, для которого в числе прочего характерна инверсия членов предложения, в частности имя прилагательное в постпозиции по отношению к определяемому существительному. Использование названных лексических и синтаксических средств наряду с глаголами **победить**, **преодолеть**, по всей видимости, направлено на то, чтобы снять напряжение в обществе и показать, что коронавирус при всей его опасности можно преодолеть. В то время как наречие **вместе** ‘сообща, совместно’ (*«Вместе мы её преодолеем»*) призвано подчеркнуть необходимость консолидации усилий всей нации в сложившейся непростой ситуации.

Использование слова **корона** в значении ‘коронавирус’ обусловлено как структурой слова **коронавирус (корона ‘коронавирус’ — сокращение от коронавируса)**, так и тем фактом, что под микроскопом коронавирус выглядит как покрытый шиповидными отростками шарик. Эти шиповидные отростки делают похожим вирус на солнечную корону (*corona*) во время затмения. На базе неосемантизма **корона** ‘коронавирус’ возникли следующие семантические неологизмы: **коронованный** ‘тот, кто заболел коронавирусом’, **раскоронованный** ‘тот, кто переболел коронавирусом’, **коронованная особа** ‘тот, кто заболел коронавирусом’, **подцепить корону**, **подхватить корону** ‘заболеть, заразиться коронавирусом’. Ср. заголовки в СМИ и СМК: «Художник **“раскороновал” коронавирус на граффити в Тбилиси**» (<https://regnum.ru/news/2886662.html>); «Чем опасен коронавирус и как его **“раскороновать”**» (<https://miasskiy.ru/20200330-chem-opasen-koronavirus-i-kak-ego-raskoronovat>) и под., а также один из анекдотов / мемов на тему коронавируса в вариативными компонентами в его составе: — *Говорят, авторитетные / серьёзные люди собрались (на сходку / на сходняк) в Магадане / Ростове / Воронеже / Ялте / Одессе / Сухуми и раскороновали коронавирус*.

Можно предположить, что слова **коронарка** и **коронка** в значении ‘коронавирус’ были образованы уже не от лексемы **коронавирус**, а возникли непосредственно на базе неосемантизма **корона** ‘коронавирус’. Как понятно, и лексема **корона** ‘коронавирус’, и слово **коронка** ‘коронавирус’ представляют собой неосемантизмы. Ср. словарные (скажем так, узуальные) значения этих лексем: **корона** ‘золотой венец с драгоценными

украшениями как символ власти монарха' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=корона&all=x>] и **коронка** 'наружная часть зуба' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=коронка&all=x>]. Неологизм **коронарка** 'коронавирус' также может быть с точки зрения процесса деривации охарактеризован как результат универбализации: *коронавирусная инфекция* → *коронарка* (ср. *удалённая работа* → *удалёнка*, *маршрутное такси* → *маршрутка*, *зачётная книжка* → *зачётка* и под.).

На базе топонима **Ухань** был образован окказиональный глагол **уханьдокать** в значении 'заразить смертельной болезнью'. Ср. разговорно-сниженное значение глагола **ухайдокать** 'довести до изнеможения, полного бессилия' и жаргонное значение 'убить' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=ухайдокать&all=x>]. Как известно, в китайском городе Ухань в декабре 2019 г. была впервые зафиксирована вспышка новой коронавирусной инфекции. Ср. словосочетания, которые расцениваются как неполиткорректные, поскольку они связаны с процессом стигматизации: **китайская инфекция**, **уханьский вирус**, **уханьская пневмония**.

Аббревиатура **COVID-19** как название опасного инфекционного заболевания, вызываемого вирусом SARS-CoV-2, стремительно пережила этап русификации. Речь идёт не только о написании кириллицей самого аббревиатурного обозначения заболевания: **ковид-19**, но и о появлении номинации **ковид** 'потенциально тяжёлая острая респираторная инфекция, вызываемая коронавирусом SARS-CoV-2'. Лексема **ковид** проходит ещё стадию фонетической адаптации, о чём свидетельствует вариативность ударения: *ковИд* и *кОвид*. Другими словами, ударение в слове **ковид** в русском языке ещё не кодифицировано. В то время как процесс морфологической адаптации в речи носителей языка (в разговорной речи, в так называемой письменной разговорной речи, в языке СМИ), по-видимому, уже завершился (ср. *переболеть ковидом*, *заразиться ковидом* и под.). Тот факт, что заимствованная аббревиатура **COVID (COVID-19)**, как уже отмечалось, стремительно пережила этап русификации (**ковид-19**, **ковид**), позволяет утверждать, что, по всей видимости, закрепится в русском языке именно вариант написания кириллицей (**ковид**).

Номинация **COVID-19 (ковид-19, ковид)**, как и слово **коронавирус**, стала базой для образования целого ряда однокоренных неологизмов: **ковидиот**, **ковид-диссидент** / **ковидодиссидент**, **ковидофоб**, **ковидагностик**, **ковид-лоялист**, **ковидник**₁ 'больной ковидом', **ковидница**, **ковидец**, **ковидцы**, **ковидоносец**, **ковид-больной**, **ковид-пациент**, **ковидопереносчик**, **ковидоносите́ль**, **ковид-заболевший**, **ковид-заражённый**, **ковид-позитивный**, **ковидный**, **нековидный**, **ковиниал**, **ковидузник**, **анти-COVID** / **антиCOVID** / **антиковид**, **COVIDка** 'коронавирус', **ковидла** 'коронавирус', **ковидло**₁ 'коронавирус', **ковидофобия**, **ковидиотизм**, **COVID-арность** / **ковидарность** (< **COVID** / **ковид** + **содидарность**), **ковидиворс**, **ковид-буммер** / **ковидбуммер**, **ковидео**, **постковидье**, **постковидный**, **послековидный**, **антиCOVIDный** / **антиковидный**, **ковидеть**, **COVID-экономика** / **ковид-экономика**, **COVID-кризис** / **ковид-кризис**, **ковидло**₂ (< **ковид** 'коронавирус' и **быдло**), **ковидло**₃ (< **ковид** 'коронавирус' и **повидло**), **ковидор** (< **ковид** 'коронавирус' и **коридор**), **ковидник**₂ 'источник инфекции; больница или отделение больницы, где лечат больных ковидом' и др.

Как видим, среди вирусных неологизмов, образованных на базе лексемы **ковид**, фиксируются следующие группы омонимов: 1) **ковидло**₁ 'коронавирус' (ср. **ковидла** 'коронавирус'), **ковидло**₂ (< **ковид** 'коронавирус' и **быдло**) и **ковидло**₃ (< **ковид** 'коронавирус' и **повидло**). Ср. анекдот: — *Как называется варенье без вкуса и без запаха?* — *Ковидло*; 2) **ковидник**₁ 'больной ковидом' и **ковидник**₂ 'источник инфекции; больница или отделение больницы, где лечат больных ковидом'.

В Севастополе открыли заведение общепита под названием «**[COVID]BURGER**», фирменное блюдо в котором естественно также называется «**[COVID]BURGER**». При этом в обоих случаях в названиях слово **COVID** выделено квадратными скобками и подсвечено красным неоновым светом, а на рекламном табло, на котором представлен счётчик, фиксирующий количество оставшихся бургеров, также отражается стилизация коронавируса в виде красного шарика с шиповидными отростками.

Таким образом, в русском языке новейшего периода для обозначения опасного инфекционного заболевания, вызываемого вирусом SARS-CoV-2, используются такие номинации, как *коронавирус* (в разговорном значении ‘болезнь’), **COVID**, **COVID-19**, *ковид-19*, *ковид*, *коронавирусная инфекция*, *новая коронавирусная инфекция*, *корона* ‘коронавирус’, *коронарка* ‘коронавирус’, *коронка* ‘коронавирус’, **COVIDка** ‘коронавирус’, *ковидло*₁ ‘коронавирус’, *ковидла* ‘коронавирус’, *зараза коронавирусная*. Неполиткорректными, как уже отмечалось, являются номинации *китайская инфекция*, *уханьский вирус*, *уханьская пневмония*.

К числу актуализированных медицинских терминов, ставших лидерами по критерию частотности в повседневной жизни носителей языка, также относятся следующие: *пандемия*, *карантин*, *обсервация*, *самоизоляция*, *сатурация*, *санитайзер*, *антисептик*, *красная* («грязная») *зона*, *СИЗы* (*средства индивидуальной защиты*), *ИБЛ*, *тепловизор*, *пульсоксиметр*, *фомит*, *плато*, *пик*, *первая волна*, *вторая волна*, *штамм*, *патогенность*, *вакцина*, *вакцинация*, *тест на COVID-19*, *тест на COVID*, *тест на ковид*, *тест на коронавирус*, *тест*, *ПЦР-анализ*, *ПЦР* (*полимерная цепная реакция*), *антитела*, *масочный режим*, *суперспредер*, *контактные (лица)*, *нулевой пациент* и др.

(2) Обозначение масштабов распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Согласно данным «Толкового словаря иноязычных слов» Л. П. Крысина и «Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецова, представленного в авторской редакции на сайте «Грамота.ру», слово *пандемия* восходит к греческому *pandemia* ‘всеобщий, всенародный’, букв. ‘весь народ, всё население’ и является медицинским термином, обозначающим ‘распространение какой-н. инфекционной болезни на целые страны и материки, более широкое, чем при эпидемии’ [23, с. 560], т. е. это ‘эпидемия, охватывающая население целой области, значительной части страны или ряда стран’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=пандемия&all=x>]. Ср. *эпидемия* ‘широкое распространение какой-л. инфекционной болезни’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=эпидемия&all=x>].

Сервис «Графики» на сайте «Национального корпуса русского языка» предоставляет статистику употребления слова в разные периоды времени, при этом на названном графике сервис показывает данные о первом зафиксированном им упоминании слова.

Так, как свидетельствуют данные «Национального корпуса русского языка» (см. рис. 1), первый пример фиксации слова *пандемия* датируется в промежуток с 1949 по 1956 год: *Он настоял на отмене карантина, и если бы не энергичные меры, предпринятые органами Наркомата внутренних дел, холерная пандемия распространилась бы по Северному Кавказу* [В. А. Каверин. Открытая книга (1949–1956)], а пики частотности приходятся на такие годы, как 1979 г., 1993 г., 2005 г., 2012 г., 2016 г. Можно с полной уверенностью утверждать, что очередной пик частотности слова *пандемия* будет зафиксирован в 2020 г.

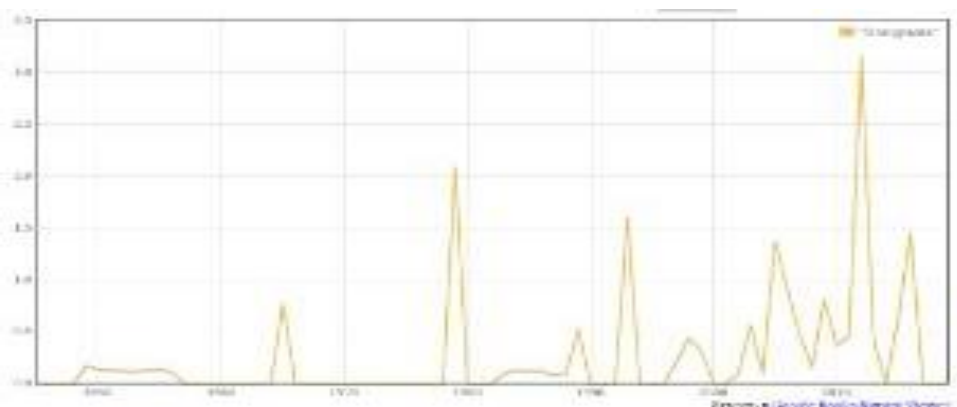

Рис. 1. Распределение частотности слова *пандемия* с 1945 г. по 2019 г. на основе данных основного подкорпуса «Национального корпуса русского языка».

Примеры, представленные в нашей картотеке, свидетельствуют также о расширении лексико-семантической сочетаемости прилагательного **пандемический**: «*Что станет с ними после поднятия налоговой ставки (а все альтернативы, насколько я понимаю, сложнее и затратнее), учитывая **пандемические реалии**, непонятно*» (<https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/407609-mechtat-v-takih-usloviyah-ochen-slozhno-kak-novosti-o-belorussii>); «*В стране готовятся к проведению единого государственного экзамена — несмотря на **пандемические настроения** его решили сдавать очно*» (<https://sakhalin.info/weekly/190256>); «*Даже здоровых людей не обходят панические настроения. Все помнят, как весной люди создавали дома «**пандемические кладовые**», скупая оптом продукты, дезинфицирующие средства, медицинские маски*» (<https://spbvedomosti.ru/news/health/lekarstvo-protiv-strakha-kak-spravitsya-s-panicheskimi-atakami/>); «*Эксперты попытались разобраться во время онлайн-встречи «**Пандемические разговоры: климат**». Она была организована пространством «Крылы Халона» в июне*» (<http://climate.ecopartnerstvo.by/ru/news/541>); «*в Хабаровске разберутся с “**пандемическими**” вечеринками*» (<https://todaykhv.ru/news/economics-and-business/27453/>); «*Пандемический шабаш Басты, или о чем ноет российская попса, покупая маски за 350 тысяч*» (<https://svpressa.ru/society/article/283465/>); «*Пандемический цирк: конспирология и клоунская эквилибристика на вирусных антирекордах*» (<https://www.obozrevatel.com/society/pandemicheskij-tsirk-konspirologiya-i-klounskaya-ekvilibrystika-na-virusnyih-antirekordah.htm>); «*Пандемические облигации, выпущенные Всемирным банком, попали в центр внимания, поскольку вспышка коронавируса продолжает распространяться по всему миру*» (<https://www.finversia.ru/publication/obladateli-pandemicheskikh-obligatsii-riskuyut-poteryat-vse-dengi-71938>); «*Майкл Бэй спродюсирует пандемический триллер*» (<https://www.kino-teatr.ru/kino/news/y2020/5-24/21314/>); «*Выставка «Безнадёжные живописцы. **Пандемический реализм**»*» (<https://artmuza.spb.ru/events/2006-beznadezhnye-zhivopiscy-pandemicheskij-realizm.html>); «*Речь идет о **пандемических учениях** «Событие 201», которые буквально за полтора месяца до обнаружения первого случая заражения COVID-19 в китайском Ухане провели в США*» (<https://eadaily.com/ru/news/2020/03/20/universitet-hopkinsa-my-pridumali-chto-koronavirus-ubet-65-mln-chelovek>); «*Пандемический мусор заполонил улицы итальянских городов*» (https://miailalia.info/view_news_italy.php?id=2862); «*Несколько недель назад я решила, что предложенный работой **пандемический отпуск** надо продолжать использовать, и договорилась с начальником, что буду брать выходной каждую среду, поскольку это короткий день в школе*» (<https://annie-celeblas.livejournal.com/category/%D0%B5%D0%B4%D0%B0>);

«**Пандемический** дрон» из Австралии будет следить за людьми на улице» (https://russiandrone.ru/news/pandemicheskij_dron_iz_avstralii_budet_sledit_za_lyudmi_na_ulitse/); «Вопросы финансирования процессов устойчивого развития в **пандемический и постпандемический периоды** стали главной темой обсуждения международного форума ООН» (<http://www.president.kg/ru/sobytiya/16785>); «Пандемический баланс во власти, или как COVID-19 влияет на политическую обстановку» (https://yandex.ua/news/story/Pandemicheskij_balans_vo_vlasti_ili_kak_COVID-19_menyaet_politicheskuyu_obstanovku), «Как **пандемический** рабочий день уничтожает баланс между работой и личной жизнью» (<https://hr-portal.ru/story/na-tri-chasa-dolshe-kak-pandemicheskij-rabochiy-den-unichtozhaet-balans-mezhdu-rabotoy-i-lichnoy-zhiznyu>); «**Пандемический** и нефтяной шоки привели к тому, что инвестиции в основной капитал в России после длительного периода подъема, начавшегося в середине 2016 г., пошли на снижение, которое грозит превратиться в крутое пике» (<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/09/15/840059-rossii-predskazali>); «Упругая экономика: свежие **экономико-пандемические** прогнозы» (<https://polit.ru/article/2020/05/28/uprugayaekonomika/>) и др. (ср. традиционные для русского языка словосочетания с прилагательным **пандемический**: **пандемический** итамм, **пандемический** вирус, **пандемические** вирусы, **пандемический** характер заболевания, **пандемический** грипп, **пандемические** возбудители гриппа, **пандемические** катастрофы).

При этом словосочетание **пандемические настроения** в определённых контекстах соотносится с выражением **панические настроения**, т. е. 'настроения, проникнутые паникой'.

Среди так называемых вирусных неологизмов особое место занимают номинации с приставкой **анти-** (**анти-COVID** / **антиCOVID** / **антиковид**, **антикоронавирус**, **антивирус**, **антикарантинный**, **антипандемический**, **антиCOVIDный** / **антиковидный**). Ср.: «В период самоизоляции и повышенной готовности актуальным становится здоровьесберегающий подход в обучении, который предполагает создание условий для нормального протекания учебной деятельности и сохранения здоровья обучающихся, на себе испытывающих действие **антипандемических мер**» (<https://школасегодня.рф/medicina-shkole>); «Кафе на особом **антипандемическом контроле** в Приморье» (<https://vostok.today/36192-kafe-na-osobom-antipandemicheskome-kontrole-v-primore.html>); «Напомним, **антипандемический режим** повышенной готовности действует во всем регионе до тех пор, пока не будет подписано соответствующее отменяющее постановление губернатора» (<https://vostok.today/36192-kafe-na-osobom-antipandemicheskome-kontrole-v-primore.html>); «Вице-премьер Рихард Сулик и министр образования Бранислав Грелинг в понедельник, 23 ноября, представили собственный **антипандемический план**» (<https://barikada.sk/?p=5634>); «Будут обсуждаться вопросы «22-й кнопки», запуск канала Sochi Live HD, перспективы регионального телевидения, **антипандемический проект** на канале «Сочи24» и др.» (<https://mediaprofi.org/media-info/press-releases/item/20110-nat-live-8-oktyabrya-mihail-mikshis-i-svetlana-yaremchuk>); «Новый **антипандемический сервис** от Телетрейн: продажа грузовых авиaperевозок, как альтернативный источник дохода для туристических агентств» (https://expoclub.ru/news/konferentsiya_titw_online_uzhe_zavtra/); «Казахстан — **антипандемический пример** для Центральной Азии» (https://www.dknews.kz/inner-news.php?id_cat=10%20&&%20id=94667); «Недавно стало известно, что Казахстан, Китай, Россия, Монголия и Кыргызстан договорились совместно построить **антипандемическую крепость**. Политолог поделился своими мыслями о том, как углубление **антипандемического сотрудничества** отразится на казахстанской политике» (<https://www.caravan.kz/news/nam-vazhno-ne-vtyanutsya-v-geopoliticheskie-igry-cto-takoe-antipandemicheskaya-krepost-kotoruyu-budut-stroit-kazakhstan-rossiya-i-kitaj-674751/>); «Алла Пугачева исполнила с сыном **«антипандемическую» песню**» (<https://letidor.ru/novosti/alla->

pugacheva-ispolnila-s-synom-antipandemicheskuyu-pesnyu-27-03-2020.htm); «*Антипандемический тандем* «ГАРРИАЛЛА». Ударим децибелами по бациллам! Инфлюесеры против инфлюэнций! Прямое пероральное действие!» (<https://kp.ua/culture/663550-maksym-halkyn-pokazal-antypandemicheskyy-tandem-ally-puhachevoi-y-syna-harry>); «С 30 марта по 7 апреля прошел внутришкольный песенный *антипандемический конкурс* “Ударим народной песней по КОРОНАВИРУСУ!”» (<https://dshis.rnd.muzkult.ru/news>); «Хабаровский Краевой Музыкальный Театр даёт *антипандемический ТВ концерт*» (<https://www.youtube.com/watch?v=tYFhDJWTHo>); «За *антипандемический оптимизм!*» (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44156361>) и др.

Также в речи возникло прилагательное *пандемийный*, которое не зафиксировано в словарях: «Чем отличается пандемийный кризис от экономического упадка?» (<https://www.facebook.com/spb.sobaka.ru/posts/4540954105978807/>); «*Пандемийный мир глазами философов*» (<https://covid19.fom.ru/post/pandemijnyj-mir-glazami-filosofov>); «В пандемийный месяц умирало на четверть больше омичей, чем обычно» (https://newsomsk.ru/news/107018-vo_pandemijny_mesyats_umiralo_na_chetvert_bolshe_o/); «*Пандемийный сезон*. Как коронавирус повлиял на планы клубов КХЛ» (<https://tass.ru/sport/9276105>); «*Пандемийный* маскарад или качественное образование?» (<https://nikvesti.com/news/politics/197647>); «*Пандемийный* дневник или 96 дней “изоляции”» (<https://www.litres.ru/anna-bezuglaya/pandemijnyy-dnevnik-ili-96-dney-izolyacii/chitat-onlayn/>); «*Пандемийный* автодром: сколько денег есть на покупку автомобиля в карманах новосибирцев» (<https://kurer-sreda.ru/2020/09/03/596878-pandemijnyj-avtodrom-skolko-deneg-est-na-pokupku-avtomobilya-v-karmanax-novosibirecev>); «*Пандемийный* дайджест марта: новостройки дорожают, болеют, уходят на каникулы и на карантин» (<https://www.novostroy.ru/articles/market/pandemijnyy-daydzhest-marta-novostroyki-dorozhayut-boleyut-ukhodyat-na-kanikuly-i-na-karantin/>); «*Пандемийный проект* на базе ИИ по автоматизированной печати фотографий Google Photos провалился» (http://thg.ru/technews/20200621_113659.html); «*Пандемийный* беспредел. Роспотребнадзор добывает якутский бизнес» (<http://taigapost.ru/news/pandemijnyy-bespredel-rospotrebнадzor-dobivaet-yakutskiy-biznes>); «В Великобритании выяснили, что, несмотря на *пандемийный спад* в продажах печатных изданий, есть один сегмент, который вырос» (<http://mediamedia.me/news/2020/08/26/23974/>); «*Пандемийный* вызов Ураза-байраму. Как аукнется врачам большой мусульманский праздник» (<https://news.ru/politics/pandemijnyj-vyzov-urazy-bajramu/>); «*Пандемийный* плей-офф НХЛ проходит, напомним, в особом режиме» (<https://spbvedomosti.ru/news/sport/rozygrysh-kubka-stenli-okazalsya-provalnym-dlya-eks-igrokov-ska/>); «На конференции участники изучили права субъектов инвестиционной и предпринимательской деятельности в *пандемийный* и *пост-пандемийный период*, проанализировали существующие проблемы защиты бизнеса и узнали о вариантах решения этих проблем» (<http://job.rea.ru/blog/entrepreneurhour>); «И ещё буквально два слова о *пандемийном высшем образовании*, его врагах и друзьях» (<https://www.facebook.com/profile/1196293572/search/?q=опандемийномвысшемобразовании>) и др. Как видно из примеров, прилагательное *пандемийный*, как и его литературный вариант *пандемический*, также характеризуется достаточно свободной и широкой лексико-семантической сочетаемостью.

На базе существительного *пандемия* образованы такие неолексемы, как *пандемийный*, *пост-пандемийный* / *постпандемийный*, *постпандемический*, *антипандемический*, *экономико-пандемический*, *психопандемия* и др.

В результате контаминации лексем *информация* / *информационный* и *пандемия* / *эпидемия* создан окказионализм *инфодемия*, который обозначает так называемые вирусные новости на тему коронавируса. Как известно, вирусный маркетинг предполагает такие методы распространения информации, которые направлены на то,

чтобы этот процесс подчинялся биологическим законам распространения вирусов (скорость и охват распространения такой информации, её стремительная передача от одного пользователя социальных сетей к другому по цепочке). С помощью номинации **инфодемия** как раз и обозначается информационный шум на тему коронавируса, т. е. прежде всего речь идёт о негативных, зачастую фейковых новостях о новой коронавирусной инфекции. Такие новости, как правило, распространяются с целью создания паники в социуме. Ср. менее частотный окказионализм **вирусодемия** (< **вирус** / **вирусный** и **пандемия** / **эпидемия**): «- Вот почему бы в Тюменской области не сделать такой же отчёт по районам? Мы хотим точно знать а каком городе и поселке были выявлены больные, чтобы обезопасить себя. - Вас это не спасёт, если **вирусодемия** засела в вашей голове» (<https://ura.news/news/1052462640>), а также окказионализм **психопандемия** (< **психический** и **пандемия** / **эпидемия**): «Искусственно созданная **психопандемия** (которая задумывалась давно, но удалась только в этом году) в угоду «цифровой революции» (это мое мнение и здесь не стоит тратить свои силы, чтобы меня переубедить) привела к тому, что так называемая доступная медицинская помощь оказалась либо сложно доступной, либо недоступной вовсе» (https://pikabu.ru/story/pomogi_sebe_sam_ili_kak_ne_umeret_ot_bespomoshchnosti_strakha_7809408); «**Психопандемия** при пандемии: как остановить панику?» (<https://www.youtube.com/watch?v=hiULtbVkOaE>); «Коронавирусная психопандемия, если и кончится, то уже не остановит маховик разрушения экономики РФ, а следом – ее силовых структур и госаппарата» (<https://krizis-kopilka.ru/archives/75285>). Номинации **вирусодемия**, **психопандемия** обозначают массовую панику, вызванную ситуацией угрозы распространения новой коронавирусной инфекции. При этом следует отметить, что обозначения **вирусодемия**, **психопандемия** по преимуществу используются в речи тех, кто скептически относится к угрозе заражения коронавирусом и даже отрицает само его существование, т. е. в речи так называемых корона- / ковидодиссидентов (коронаскептиков).

(3) Обозначения ограничений, вызванных стремлением противостоять распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Следует отметить, что номинации этой лексико-семантической подгруппы часто обозначают понятия не только медицинской, но и юридической сферы, поскольку зачастую определение как характера ограничительных мер, так и меры наказания за их нарушение имеет отношение уже не к области медицины, а к юриспруденции.

К числу частотных слов, обозначающих ограничения, порождённые пандемией COVID-19, относятся такие лексемы, как **карантин**, **обсервация** и **самоизоляция**.

Согласно данным «Толкового словаря иноязычных слов» Л. П. Крысина и «Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецова, представленного в авторской редакции на сайте «Грамота.ру», слово **карантин**, которое этимологически восходит к франц. *quarantaine*, используется в следующих двух значениях: 1) ‘временная изоляция больных и лиц, соприкасавшихся с заразными больными, для предупреждения дальнейшего распространения эпидемических заболеваний’. *Наложить карантин. Выдержать карантин. Срок карантина*; 2) ‘санитарный пункт для осмотра лиц, судов, товаров, прибывающих из местности, охваченной эпидемией’ [23, с. 336; <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=карантин&all=x>].

Как свидетельствуют данные «Национального корпуса русского языка» (см. рис. 2), первые примеры фиксации слова **карантин** датируется в промежуток с 1788 по 1822 год.

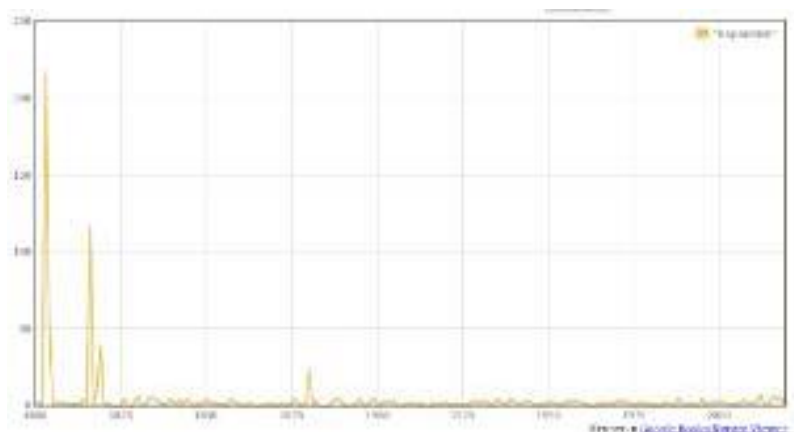

Рис. 2. Распределение частотности слова *карантин* с 1800 г. по 2019 г. на основе данных основного подкорпуса «Национального корпуса русского языка».

См.: «Тяжело мне было, но пред торжеством, которое мне готовилось, надобно было что-нибудь и вытерпеть. **Карантин** продолжался с неделю; Великая княгиня, строгая женщина насчет пристойностей, требовала, чтоб я к ней иначе не ходил, как при генеральше Ливен, которая имела надзор за великими княжнами и у которой девица Смирная обязана была проводить все свободное время, что уподобляло состояние жениха для меня на тот **карантин**, который я выдержал в Гатчине у другой немки, г-жи Бенкендорф; Тотчас прискакал Политковский, и начался опять её **карантин**; Прокурором наехал я человека также немолодого, раболепного бесстыдного льстеца, который, вечно быв пролазом у знатных господ, сводником их, шутом и всем, чем угодно, наконец за подложное письмо был кинут по указу Павла в крепость и вытерпел тут изрядный **карантин**» [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Части 1–2 (1788–1822)].

Как видно из графика, представленного на рис. 2, пики частотности приходятся на такие годы, как 1803 г., 1816 г., 1819 г. и 1880 г., в остальные годы частотность этого слова, как свидетельствуют данные основного подкорпуса «Национального корпуса русского языка», не велика.

График, построенный с помощью сервиса Google Trends (см. рис. 3), отображает динамику популярности поисковых запросов по ключевому слову *карантин* на территории России в период с 01 января 2004 г. по сентябрь 2020 г.

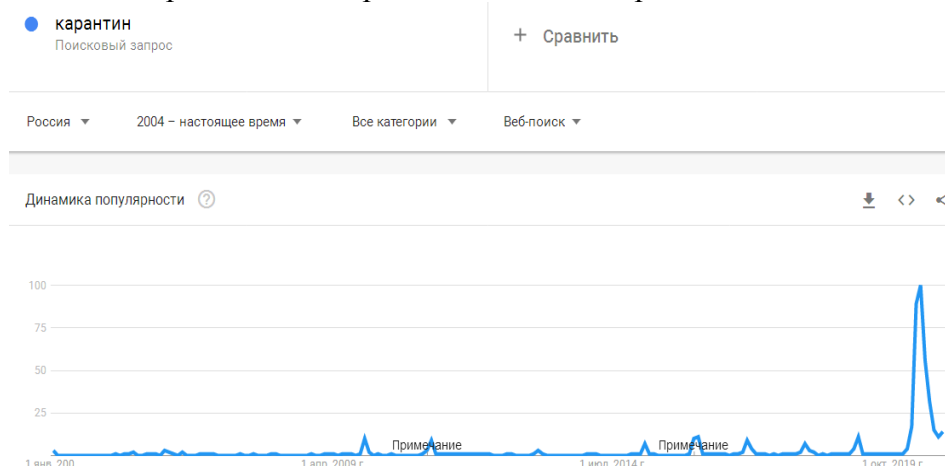

Рис. 3. Динамика популярности поисковых запросов по ключевому слову *карантин* на территории России в период с 01 января 2004 г. по сентябрь 2020 г. (по данным Google Trends).

Данные, представленные на этом графике (рис. 3), показывают, что пик популярности поисковых запросов приходится на март 2020 г. и в целом для этого периода (март 2020 г.) характерен резкий скачок среди интернет-запросов по ключевому слову *карантин*.

Сопоставление данных графиков, представленных на рис. 2 и рис. 3, позволяет утверждать, что слово *карантин* относится к числу актуализированных номинаций для русского языка новейшего периода.

Следует также иметь в виду тот факт, что слово *карантин*, помимо лексических значений, токование которых представлено, как понятно, в соответствующих аспектных лингвистических словарях, также является юридическим термином, дефиниция которого как совокупности ограничительных мероприятий прописана в Федеральном законе «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения (с изменениями на 13 июля 2020 года)»: «Ограничительные мероприятия (карантин) — административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных» [42].

Примечательно, что в русском языке новейшего периода сосуществуют морфологические формы *отправить в карантин*, *выйти из карантина* (старая норма) и *отправить на карантин*, *выйти с карантина* (новая норма). В «Национальном корпусе русского языка» (по поиску в основном подкорпусе) поисковый запрос *в карантин* выдаёт 94 вхождения, *на карантин* — 21 вхождение, *из карантина* — 22 вхождения, *с карантина* — 7 вхождений.

Как свидетельствует систематизация фактического материала, слово *карантин*, как и номинации *COVID-19 (ковид)*, *коронавирус (корона)*, выступило в качестве производящей базы для ряда неолексем: *карантье*, *карантикулы*, *карантини*, *карантиндер*, *карантинки*, *карантинить*, *карантиниться* («Как вам карантинится?»), *скарантинить* (время), *карантинолюбие*, *карантимемуары*, *карантусовка*, *карантусоваться*, *карантированные*, *карантинщик*, *карантиносиделец*, *карантинейджеры*, *карантинимейтс* и др.

Слово *карантин* в своём первом значении как ‘временная изоляция больных и лиц, соприкасавшихся с заразными больными, для предупреждения дальнейшего распространения эпидемических заболеваний’ частично синонимично слову *изоляция* в значении ‘отделение кого-н. от других людей’. *Изоляция больного. Социальная изоляция. Жить в изоляции от общества* [23, с. 291; <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=изоляция&all=x>]. Другими словами, *изоляция* как отглагольное существительное от *изолировать* ‘обособить — обособлять, отделить — отделять от окружающей среды, обстановки’. *Изолировать больного от здоровых. Изолировать преступника. Изолировать растение. Моя комната изолирована от кухни* [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=изолировать&all=x>] или от *изолироваться* ‘обособиться — обособляться, отделиться — отделяться от окружающей среды’. *Изолироваться от коллектива, от компании. Изолироваться в своей квартире. Не изолируйся от нас (разг.)* [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=изолироваться&all=x>].

Как свидетельствуют данные «Национального корпуса русского языка», первый пример использования слова *самоизоляция* датируется 1940 г. и связан с его функционированием в сфере психологии в значении ‘отстранение, обособление от внешнего мира’: «Глубина и богатство личности предполагают глубину и богатство её связей с миром, с другими людьми; разрыв этих связей, *самоизоляция* опустошают

её» [С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. Части 4–5, 1940]. См. также использование слова **самоизоляция** в значении ‘отстранение, обособление от внешнего мира’ в следующих контекстах: *«Как-то раз, в августе, когда я «сидел» уже много месяцев совсем один, был болен, не ходил на прогулки и почти весь день лежал (по предписанию врача) — пришло мне от скуки в голову испробовать, как проведу я ровно неделю добровольной самоизоляции»* [Р. В. Иванов-Разумник. Тюремь и ссылки (1934–1944)]; *«Среди множества людей, знакомых Павлу Алексеевичу, большинство вообще не выносили никакой самоизоляции, более всего боялись остаться наедине с самим собой и готовы с кем угодно чай пить, беседовать, делать разнообразную работу, лишь бы не оставаться в одиночестве»* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]. Слово **самоизоляция** в одном из своих значений также синонимично лексеме **изоляциялизм** и используется в политическом и публицистическом дискурсах для обозначения политики искусственной изоляции государства, страны, экономики, этноса и под.: *«А автор другого письма высказывал предположение, что единственным способом решить вопрос является максимально возможная самоизоляция этносов»* [Ирина Доронина. «Когда голова полна химер» // «Дружба народов», 1999.06.15]; *«Такие подходы приводят к самоизоляции России, к такой самоизоляции, что порой и Азия, и Восток, и Запад одновременно считают Россию своим врагом, антиподом»* [Рамазан Абдулатипов. В поисках «Звёздного часа» России // «Звезда», 2001]. Все эти значения лексемы **самоизоляция**, как видно из приведённых контекстов, имеют ярко выраженную отрицательную коннотацию, т. е. предполагают оценку самоизоляции как негативного явления.

Вместе с тем в русском языке новейшего периода лексема **самоизоляция** начинает использоваться с положительной коннотацией и в определённых контекстах воспринимается как антоним слов **карантин**, **обсервация**, противопоставляясь им по наличию в своей семантической структуре сем ‘добровольный’, ‘добровольно’. Другими словами, слово **самоизоляция** в условиях ситуации угрозы распространения новой коронавирусной инфекции приобрело значение ‘осознанная и добровольная изоляция, т. е. нахождение дома, с целью исключения контактов с людьми для того, чтобы избежать заражения вирусом или передачи инфекционного заболевания’. При этом в контексте часто наблюдается синонимическое использование лексем **самоизоляция** и **изоляция** и антонимическое — лексем **самоизоляция** и **карантин**, **обсервация**. Ср. также словосочетание **режим самоизоляции**, т. е. режим, который в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции правительство призывает соблюдать народ: *«Самоизоляция в связи с коронавирусом: кто обязан соблюдать режим и чем грозит его нарушение?»* (<http://www.garant.ru/article/1333919/>); *«В целях недопущения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации граждан, приезжающих из неблагополучных по COVID-19 стран, должна осуществляться изоляция (самоизоляция) в домашних условиях»* (<http://agkb-7.ru/koronavirus/rezhim-samoizolyatsii>); *«Под самоизоляцией подразумевается изоляция лиц, прибывших из неблагополучных по COVID-19 стран, в изолированной квартире с исключением контакта с членами своей семьи или другими лицами. При этом изолируемый должен находиться в помещении, где проживает как собственник, наниматель или на других законных основаниях. Изолируемый не ограничен в своих правах на территории своего жилья (контакт с людьми возможен посредством видео/аудио, интернет связи), однако покидать его не имеет права»* (<http://agkb-7.ru/koronavirus/rezhim-samoizolyatsii>); *«Завершается самоизоляция на дому по*

истечении установленного 14-дневного срока при отсутствии признаков заболевания, что подтверждается отрицательным результатом анализа, взятого на 10 день **изоляции**. В случае же появления в течение этого срока каких-либо симптомов коронавируса **изолированное лицо** должно сообщить об этом в осуществляющее наблюдение за ним медучреждение, которое должно будет перевезти его в инфекционный госпиталь» (<http://www.garant.ru/article/1333919/>); «**Самоизоляция и карантин** – понятия разные. **Карантин** человек обязан соблюдать в том случае, если это ему прописал врач. В условиях пандемии коронавируса прежде всего это касается тех, кто вернулся из стран с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой или контактировал с заболевшими COVID-19. Для этой группы людей действуют жёсткие штрафные меры в случае нарушения. Что касается **самоизоляции**, её ввели в России 30 марта для всех категорий граждан. Это лишь мера предосторожности, чтобы исключить распространение инфекции. Нарушителей **всеобщего режима самоизоляции** могут привлечь к административной ответственности» (<https://ria.ru/20200409/1569804242.html>) и др. Ср. также контексты **быть на (в) самоизоляции**, **уйти на (в) самоизоляцию**, **находиться на (в) самоизоляции**, **самоизолироваться дома**, **самоизолироваться на даче** и под.

Очевидно, лексемы **самоизоляция** и **самоизолироваться** в значениях, связанных с добровольным соблюдением изоляции с целью предотвращения передачи новой коронавирусной инфекции, представляют собой кальки английских слов *self-isolation* ‘самоизоляция’ и *self-isolate* ‘самоизолироваться’. Таким образом, речь идёт о повторном заимствовании этих лексем в русский язык путём калькирования, но уже в другом значении.

Примечательно, что мэр Москвы Сергей Собянин в своём обращении от 28 мая 2020 г. вместо словосочетания **режим самоизоляции** использовал номинацию **режим самосохранения**, подчеркивая важность соблюдения противэпидемиологических мер и личную ответственность каждого: «Каждый из нас по-прежнему должен соблюдать **режим самосохранения** и бережного отношения к окружающим» (<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ede29139a79470909844074>).

На базе лексемы **самоизоляция** в значении ‘карантин по собственному выбору’ возникли такие дериваты, как **самоизолироваться** ‘соблюдать режим самоизоляции’, **самоизолят**, **самоизолированный** ‘тот, кто соблюдает режим самоизоляции’: «Выдача бумажных листков нетрудоспособности лицам, обязанным **самоизолироваться**, тоже возможна, но посещать для этого поликлинику категорически не рекомендуется, поэтому следует вызвать врача на дом» (<http://www.garant.ru/article/1333919/>); «Трам **самоизолировался** после обнаружения COVID-19 у его советницы. Помощница президента США Хоуп Хикс заразилась коронавирусом. В ожидании результатов теста на COVID-19 Трамп и его супруга Мелания будут находиться **на самоизоляции**» (<https://www.rbc.ru/society/02/10/2020/5f76997a9a7947d415c3b761>); «В Москве впервые **самоизолят** дистанционно купил 5-комнатную квартиру. В Москве зарегистрирован первый случай дистанционной покупки квартиры клиентом, соблюдающим **режим самоизоляции**» (<https://ianed.ru/2020/03/29>); «**Самоизолят** со Сretenки попытался задушить кровельщика за шум во время работ» (<https://moskvichmag.ru/gorod/samoizolyant-so-sretenki-popytalsya-zadushit-krovelshhika-za-shum-vo-vremya-rabot/>); «Острая на язык фракция КПРФ в Мосгордуме получает «домашний арест» и наказание рублем всякий раз, как только выступает с требованием дать **самоизолянтам** денег на хлеб, а не вытягивать из них последнее» (<https://newizv.ru/news/city/28-05-2020/moskovskie-samoizolyanty-povezut-svoi-shtrafy-v-strasburg>) и др.

Помимо лексем **карантин** и **самоизоляция**, к числу частотных номинаций, использующихся для обозначения разновидностей ограничительных мир во время

пандемии новой коронавирусной инфекции, также принадлежит слово **обсервация** (< лат. *observation*). Как медицинский термин номинация **обсервация** актуализировалась в речи носителей языка в значении 'наблюдение за временно изолированными людьми, прибывающими из мест эпидемий чумы, холеры, оспы и т. п., для выявления случаев заболевания и необходимой профилактики'. *Период обсервации. Подвергнуться обсервации. Находиться в условиях обсервации. Пройти обсервацию* [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=обсервация&all=x>].

Следует отметить, что в русском языке новейшего периода противопоставление лексем **самоизоляция** и **обсервация** носит ярко выраженный политический подтекст: выбор режима самоизоляции или обсервации, а значит, и выбор соответствующей номинации для типа ограничительной меры напрямую определяется тем, из какой страны прибыл гражданин, который теоретически может быть носителем новой коронавирусной инфекции: «**Обязательная двухнедельная обсервация** вводится в Севастополе для граждан иностранных государств, приезжающих на работу» (<https://regnum.ru/news/3113338.html>); «Донецкая центральная городская клиническая больница № 20 приняла **на обсервацию** 35 пациентов, прибывших в ДНР с подконтрольной Киеву территории» (<https://dan-news.info/obschestvo/trexrazovoe-pitanie-osobyj-podxod-kak-proxodit-observaciya-pribyvshix-s-ukrainskoj-storony-v-dnr.html>); «С 15 июля вступает в силу постановление главного государственного санитарного врача РФ Анны Поповой об отмене обязательной изоляции граждан, прибывающих в Россию из-за рубежа. Документ опубликован на официальном сайте правовой информации. Согласно тексту документа, **обязательная двухнедельная изоляция (обсервация)** заменяется на предоставление медицинского документа с отрицательными результатами исследования на коронавирусную инфекцию» (<https://stv92.ru/novosti/obshchestvo/v-rossii-otmenili-dvukhnedelnuyu-observatsiyu-dlya-priezzhayushchikh-iz-za-granitsy/>) и др.

К группе номинаций, использующихся в русском языке новейшего периода для обозначения ограничений в ситуации пандемии COVID-19, относится и неологизм-англицизм **локдаун** (< англ. *lockdown* < англ. *lock* 'замок' и *down* 'снижение, уменьшение'). Как известно, в своём, условно говоря, узком значении слово **локдаун** функционирует как спортивный термин для обозначения простоя у хоккеистов. В ситуации пандемии новой коронавирусной инфекции лексема **локдаун** начала использоваться для обозначения режима полного или частичного ограничения социальных контактов в связи с пандемией COVID-19, а также массового принудительного закрытия образовательных, государственных и торгово-развлекательных учреждений. При этом чаще всего слово **локдаун** в указанном значении используется в словосочетаниях **полный локдаун, тотальный локдаун, жёсткий локдаун, общенациональный локдаун, новый локдаун** и под.: «Власти России не планируют вводить в стране **новый локдаун**, заявил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков» (<https://www.dw.com/ru/koronavirus-na-juge-germanii-vvoditsja-nochnoj-komendantskij-chas/a-55900894>); «Австрия решила на **полный локдаун** со следующего вторника» (<https://www.1tv.ru/news/2020-11-15/396790-evropeyskie-strany-vvodyat-raznoy-stepeni-zhestkosti-mery-ogranicheniya-vplot-do-polnogo-lokdauna>); «Министр внутренних дел Германии Хорст Зеехофер (Horst Seehofer) выступает за скорейшее введение **жёсткого локдауна** в стране» (<https://www.dw.com/ru/koronavirus-na-juge-germanii-vvoditsja-nochnoj-komendantskij-chas/a-55900894>); «Практически все крупные британские СМИ пишут, что в правительстве обсуждают **новый общенациональный локдаун**, который будет менее жестким, чем этой весной» (<https://www.kommersant.uk/articles/britaniya-gotovitsya-k-volne-koronavirusa-bolnitsy-osvobozhdayut-mesta-dlya-bolnyh-obsuzhdaetsya-novyy-lokdaun>) и под.

Возрастающая частотность номинации *локдаун* в русскоязычном пространстве, возможно, объясняется эвфемистической функцией неозаимствования по сравнению с номинациями *карантин* и *режим повышенной готовности*.

Помимо словосочетания *режим самоизоляции*, к числу частотных номинаций такого типа с ограничительной семантикой также относятся такие, как *режим повышенной готовности*, *масочный режим*, *перчаточно-масочный режим*, *противовирусный режим*: «Введение в Москве режима повышенной готовности в связи с угрозой распространения новой вирусной инфекции (2019-nCoV) вызвало у работодателей массу вопросов о том, как организовать и документально оформить работу сотрудников в это время, а также адресовать и минимизировать трудовые риски в условиях новой реальности» (<https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/tax/articles/COVID-19-rezhim-povyshennoj-gotovnosti.html>); «Строгий масочный режим действует на территории всей Беларуси с ноября, штрафы за его нарушение пока не предусмотрены» (<https://sputnik.by/health/20201211/1046368244/Snimaem-maski-kogda-zakonchitsya-obyazatelnyy-masochnyy-rezhim.html>); «Всеобщий масочный режим вводится во всех регионах страны из-за распространения коронавируса» (<https://lenta.ru/brief/2020/10/27/ropotreb/>); «В Москве усилят контроль за соблюдением масочно-перчаточного режима» (<https://www.interfax.ru/moscow/728544>) и др.

Ср. также неологизм *режим ХЗ*, который функционирует в речи пользователей социальных сетей для обозначения режима неизвестности и связан с ситуацией, когда власти то вводят очередные запреты, связанные с пандемией, то, напротив, снимают эти запреты без особенных объяснений и поводов.

В русском языке новейшего периода в свете ситуации угрозы распространения новой коронавирусной инфекции расширилось значение словосочетания *социальная дистанция*, которое стало обозначать не только дистанцию по социальному статусу, но и соблюдение физической дистанции в 1,5-2 метра между людьми в общественных местах. Отметим, что в различных обсуждениях при попытке разграничить эти два значения (сугубо социологическое и медицинское) для значения ‘соблюдение дистанции в общественных местах’ предлагались словосочетания *социальное дистанцирование*, *санитарная дистанция*, *безопасная дистанция*, *физическая дистанция* и лексема *дистанция* без определяющего прилагательного (ср. *Соблюдайте социальную дистанцию* = *Соблюдайте дистанцию*).

Особое место в группе номинаций, использующихся в русском языке новейшего периода для обозначения ограничений в ситуации пандемии COVID-19, занимают номинации разного типа, которые в целом связаны с особенностями ограничительных мер в городе Москве, в частности с введением системы электронных пропусков и графика прогулок, устанавливаемого адресно для жителей Москвы в соответствии с нумерацией домов. Это вызвало как актуализацию ряда номинаций, так и появление неониминаций: 1) *пропуск*, *справка*, *электронный пропуск*, *цифровой пропуск*, *цифровой концлагерь*, *отмена пропусков*, *чип*, *чипизация*, *QR-код*, *QR-менеджер*, *QR-вирус*, сюда же можно отнести номинации *бесконтактная доставка* и *бесконтактная оплата*; 2) *график прогулок*, *прогулки по графику*.

Именно ситуация прогулок, осуществляемых строго по графику, обусловила появление неологизма *карантье* (< *карантин* + *рантье*) для обозначения человека, сдающего в аренду свою собаку для прогулок в то время, когда были разрешены только прогулки с собаками. Отметим, что эта ситуация со сдачей собак в аренду с указанной целью породила в социальных сетях множество мемов о выгуле собак. В целом же ситуация пандемии также стала источником многочисленных вариантов необычайно популярного в 2020 году мема о Наташе и котах.

Родовой номинаций для разного рода ограничений можно считать, как понятно, актуализированное словосочетание *ограничительные меры* с его уточняющим значением в свете сложившейся ситуации: *ограничительные меры* ‘ограничения, вводимые правительством, государственными органами с целью предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции’.

Введение разного рода ограничительных мер привело к появлению довольно частотных номинаций *лица шестьдесят пять плюс* (*лица 65 +*), *шестьдесят пять плюс* (*65 +*), *лица шестьдесят плюс* (*лица 60 +*), *шестьдесят плюс* (*60 +*) для обозначения лиц соответствующего возраста, находящихся в группе риска. Следует отметить, что в тот день, когда мэр Москвы Сергей Собянин обратился к жителям столицы старше 65 лет с просьбой оставаться дома, на входе станций московского метро «Домодедовская» и «Бабушкинская» метрополитен разместил надписи-стикеры *ДомаДедовская* и *ДомаБабушкинская*, чтобы напомнить пожилым москвичам о необходимости самоизоляции.

Режим самоизоляции / карантина также в числе прочего породил такие неологизмы, как *расхламинго*, который начинает использоваться в качестве синонима к *генеральная уборка*, и глагол *расхламляться*, т. е. проводить генеральную уборку.

Режиму самоизоляции / карантина русский язык обязан в числе прочих такими неозаимствованиями, как *корониалы* (< англ. *coronials*) ‘поколение детей, которые были зачаты во время пандемии’ (ср. *миллениалы*), и *ковидиворс* (< англ. *covidivorce*) ‘разрыв отношений из-за невозможности быть вместе в замкнутом пространстве’.

Вынужденное соблюдение режима самоизоляции и масочного режима также обусловило появление таких неологизмов, как *карантинить*, *карантиниться* ‘проводить время на карантине’, *скарантинить* (*время*), *карантинки* (ср. *валентинки*) ‘любовные или дружеские послания по сети, которые шлют разлученные влюбленные или друзья’, *карантимуары* (ср. *мемуары*) ‘записи, посты в соцсетях, которые останутся после снятия карантина’, *ковидео* ‘видео о жизни в самоизоляции’, *COVID-арность* / *ковидарность* (< *COVID* / *ковид* + *содидарность*) ‘солидарность во время карантина’, *румтур* ‘прогулка по квартире’, *маски-шоу* ‘прогулка по городу’, *ковидиета* ‘хронический жор’, *корнаоке* (ср. *караоке*) ‘пение на балконе всем кварталом’, неосемантизм *коронарная недостаточность* ‘закончились продукты’, *офтопик* ‘самоизоляция’, *карантин-шейминг* ‘порицание людей, нарушающих режим самоизоляции, агрессия в их сторону’, *карантусовка*, *карантусоваться* и др.

(4) Обозначения разного рода средств индивидуальной защиты, диагностики, симптомов, характера проявления новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Как уже отмечалось, к числу частотных актуализированных медицинских терминов, которые до этого по преимуществу использовались в речи медиков, в числе прочих принадлежат номинации типа *СИЗы*, *сатурация*, *пульсоксиметр*, *фомит*, *плато*, *суперспредер*, *ПЦР-анализ* и под.

Так, в речи носителей русского языка в ситуации пандемии COVID-19 частотными наряду с другими являются обозначения средств индивидуальной защиты: *маска*, *респиратор*, *маска-респиратор*, *одноразовая маска*, *многократная маска*, *женская маска*, *мужская маска*, *детская маска*, *дизайнерская маска*, *многослойная маска*, *трёхмерная многократная маска*, *перчатки*, *одноразовые перчатки*, *защитный экран для лица*, *экран*, *защитный щиток*, *щиток*, *защитные очки-маска*, *СИЗы* (*средства индивидуальной защиты*), *санитайзер*, *антисептик* и под.

Следует отметить, что негативная реакция части общества на необходимость соблюдать масочный режим в общественных местах обусловила появление нового разговорного значения с ярко выраженным пейоративным эмоционально-стилистическим значением у слова *намордник*: ‘накладка специального назначения на лицо или часть лица,

предохраняющая её носителя от вредного воздействия чего-л. (газа, микробов, светового потока и т. п.)» [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=маска&all=x>]: «*“Сами носите свои намордники”*: россияне все чаще ссорятся из-за масок» (<https://www.mk.ru/social/2020/10/08/sami-nosite-svoi-namordniki-rossiyane-vse-chashhe-ssoryatsya-izza-masok.html>); «*По-вашему, одинокий бегун или парочка на прогулке в лесу должны носить намордник?*» (<https://habr.com/ru/post/507222/>); «*Ну вот я знаю что не больной и не кашляю, и самостоятельно принимаю решение не носить намордник, в котором мне сложно дышать и я ничего не вижу из-за запотевших очков*» (<https://habr.com/ru/post/507222/>); «*Носоглотка — не единственная слизистая. К тому же, она хорошо защищена толстой выстилкой и бактериальной плёнкой, в отличие от слизистой глаз. Поэтому статью надо озаглавить «почему все должны носить строительные или плавательные очки», а не вот это всё про намордники из марли по 50 р.*» (<https://habr.com/ru/post/507222/>); «*Вы просто не представляете, как меня достал этот масочный режим! Ради чего на нас надевают эти намордники, ведь ни от какого коронавируса они не спасают, только хуже делают. Дышать в них невозможно, лицо потеет, чешется, а очки запотевают. Хватит мучать людей этими намордниками! Перестаньте обманывать и себя, и окружающих!* » (<https://www.kaluga-poisk.ru/people-news/obschestvo/kak-zhe-menya-dostal-vash-masochnyy-rezhim>) и др. Ср. словарные значения лексемы **намордник**: 1) ‘ременная или проволочная сетка, надеваемая на морду собак и некоторых других животных’. Собака в наморднике. Снять, надеть намордник; 2) ‘поперечный ремень в конской узде’; 3) жарг. ‘щиток на окне тюремной камеры, мешающий видеть улицу’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=намордник&all=x>].

Помимо лексем **маска**, **намордник** ‘медицинская маска’ к числу частотных номинаций, обозначающих разновидности защитных средств, надеваемых на лицо, чтобы не заразиться коронавирусной инфекцией, также относятся такие, как **респиратор**, **маска-респиратор**, **защитный экран для лица**, **экран**, **защитный щиток**, **щиток**, **защитные очки-маска**, **очки защитные открытые**, **очки защитные закрытые** и под. Следует отметить, что на сайтах товары этого типа часто размещены в рубриках типа «**Защитные аксессуары от вируса**», «**Средства для защиты от коронавируса COVID-19**» и под. Также некоторые сайты предлагают купить защитные наборы из разряда «**Стоп Коронавирус**». Так, например, в каталоге интернет-магазина <https://www.magazin01.ru> в рубрике «Товары первой необходимости» покупателям предлагают приобрести «**Набор Стоп Коронавирус № 1**», «**Набор Стоп Коронавирус № 2**», «**Набор Стоп Коронавирус № 3**», «**Набор Стоп Коронавирус № 4**», «**Универсальный противовирусный защитный набор ШАНС**», «**Противовирусный защитный комплекс ШАНС**». Примечательно, что описание всех этих наборов на указанном сайте сопровождается уточняющим комментарием «**Защищает от COVID-19**» (<https://www.magazin01.ru/catalog/bezopasnost-doma-semyi/Nabory-zaschitnye-Stop-Koronavirus/>).

К числу актуализированных номинаций данной лексико-семантической подгруппы также относится гипероним **СИЗы**, т. е. **средства индивидуальной защиты**, к которым, как известно, относятся средства защиты органов дыхания, средства защиты кожных покровов и средства защиты органов зрения, предназначенные для защиты от воздействия отравляющих веществ, вредных примесей, инфекции и т. п.

На базе лексемы **маска** были образованы неологизмы для номинации тех, кто соблюдает масочный режим: **масочник**, **масконосец**, **масконос**, **масконоситель**. Ср. номинацию **антимасочник**, т. е., напротив, противник соблюдения масочного режима. Также лексема **маска** лежит в основе таких неологизмов, как **маскобесие** (ср. **мракобесие**) и **маскопаника**, которые наряду с такими неониминациями, как **коронапаника**, **коронапсихоз**, **коронабесие**, **коронья**, **коронаапокалипсис**,

коронагеддон, психопандемия, коронавирусная психопандемия, вирусодемия обозначают массовую поведенческую реакцию людей (панику), вызванную ситуацией угрозы распространения новой коронавирусной инфекции.

Следует отметить, что в социальных сетях появляются разные классификации тех, кто соблюдает масочный режим, в зависимости от способа ношения защитной маски: *масконос обыкновенный, хендмейдер, модник, бородавочник, карманник, беспредельщик* и т. п. Как понятно, это неологизмы-однодневки, большая часть из которых по звучанию и написанию совпадает со словами, которые уже давно закрепились в языке с другими значениями (*модник, карманник, беспредельщик, хендмейдер*).

На базе лексемы *маска* по аналогии со словом *банкомат* также был образован неологизм *маскомат* 'автоматическое устройство по продаже одноразовых масок'.

К частотным номинациям в речи носителей русского языка также относятся обозначения разных дезинфицирующих средств, лидерами среди которых, безусловно, являются номинации *антисептик* и *санитайзер*. В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова на сайте «Граммота.ру» лексема *антисептик* зафиксирована со значением 'вещество, обладающее противомикробным действием (применяется в медицине, пищевой промышленности, а также для защиты древесины, текстильных материалов и т. п. от разрушения)' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=антисептик&all=x>]. При этом актуальными оказались именно номинации *антисептик для рук, кожный антисептик*.

Что касается лексемы *санитайзер* 'кожный антисептик', то до начала пандемии COVID-19 эта лексема использовалась по преимуществу только в речи медиков, о чём свидетельствует в частности анализ поисковых запросов по ключевому слову. Примечательно, что в «Национальном корпусе русского языка» лексема *санитайзер*, в отличие от лексемы *антисептик*, не представлена. Так, на рис. 4 показана динамика популярности поисковых запросов по ключевому слову *санитайзер* на территории России в период с 01 января 2004 г. по сентябрь 2020 г. Как видно из данных, представленных на этом графике, с февраля по март 2020 г. произошёл стремительный скачок среди интернет-запросов по ключевому слову *санитайзер*, а пик популярности приходится на март 2020 г.

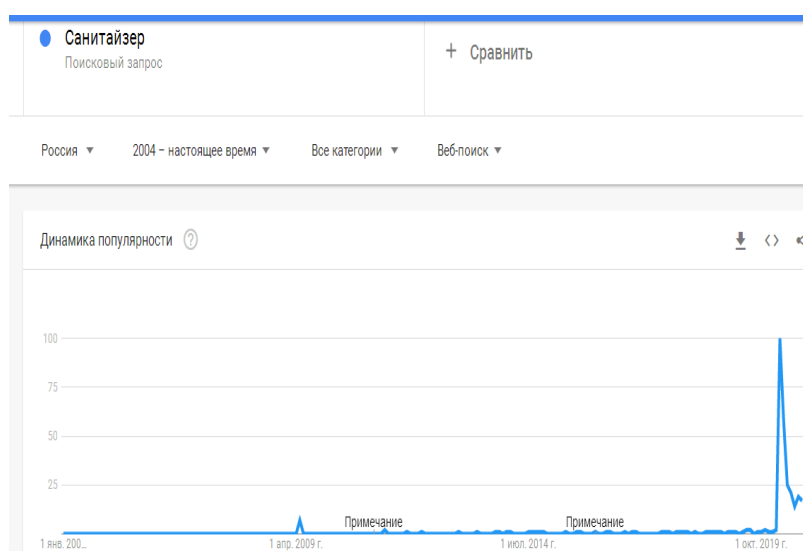

Рис. 4. Динамика популярности поисковых запросов по ключевому слову *санитайзер* на территории России в период с 01 января 2004 г. по сентябрь 2020 г. (по данным Google Trends).

К числу актуализированных медицинских терминов и к неониминациям медицинской сферы также относятся следующие: 1) номинации медицинских средств,

приборов: *ИВЛ* (аппарат искусственной вентиляции лёгких), *кислородная подушка*, *кислородная точка*, *тепловизор* ‘устройство для измерения температуры’, *пирометр* ‘прибор для бесконтактного измерения температуры тела’, *бесконтактный термометр*, *инфракрасный термометр*, *бактерицидная лампа*, *пульсоксиметр* ‘устройство для измерения пульса и уровня насыщенности крови кислородом’; 2) номинация источника заражения: *фомит* ‘любой предмет, на поверхности которого могут жить вирусы’; 3) номинации отделений инфекционных больных и их части, где непосредственно размещены пациенты с коронавирусом: *красная зона*, «*грязная*» *зона* (антоним: «*чистая*» *зона*), *ОРИТ* (отделение реанимации и интенсивной терапии); 4) номинации свойств любого вируса, в том числе и коронавируса: *штамм*, *патогенность*, *антитела*, *контагиозность* (ср. также *коронапроявления*, *коронасмерть*); 5) номинации симптомов и характера проявления заболевания: *сатурация*, *вирусная пневмония*, *односторонняя пневмония*, *двухсторонняя пневмония*, *внебольничная пневмония*, *плато* ‘такое состояние статистики по COVID-19, при котором долгое время уровень новых случаев остается примерно одинаковым каждый день, т. е. не растёт’, *пик* ‘максимальное число заболевших за сутки, после которого рост прекращается’, *первая волна*, *вторая волна*, *третья волна*, *новая волна*; 6) средства диагностики и борьбы с вирусом медицинскими способами: *тест на COVID-19* / *тест на COVID* / *тест на ковид* / *тест на коронавирус* / *тест*, *ПЦР* (полимерная цепная реакция), *ПЦР-анализ*, *ПЦР-тест* ‘мазок из носа и ротоглотки, который берут для того, чтобы выявить присутствие вируса в организме’, *вакцина*, *вакцинация*, *НИВЛ* (неинвазивная вентиляция лёгких), *ЭКМО* / *ЭМО* (экстракорпоральная мембранная оксигенация), *НФО* (высокочастотная вентиляция лёгких); 7) номинации заболевших, больных: *суперспредер* ‘человек, который с большей вероятностью заражает других по сравнению с типичным инфицированным человеком’, *контактные (лица)* ‘тот, кто контактировал с больными’, *нулевой пациент* ‘первый заразившийся пациент в популяции эпидемиологического исследования’, *ИВЛщик* ‘больной, подключённый к системе искусственной вентиляции лёгких’, *группа риска*, *ковидник₁* ‘больной ковидом’, *ковидница*, *ковидец*, *ковидцы*, *ковидоносец*, *ковид-больной*, *ковид-пациент*, *ковидопереносчик*, *ковидоноситель*, *ковид-заболевший*, *ковид-заражённый*, *ковид-позитивный*, *ковидный*, *нековидный*, *бессимптомники* и др.

В качестве синонима к слову *панецея* в его прямом этимологическом значении (< лат. *panacea* ‘лекарство от всех болезней’ < греч. *Πανάκεια* ‘всеисцеляющая’) в разговорной речи и в так называемой письменной разговорной речи начинает использоваться название противовирусного препарата «*Арбидол*», который входит в один из протоколов лечения вирусной пневмонии и коронавируса. Другими словами, название «*Арбидол*» становится номинацией всех медицинских и народных средств, которые, согласно рекомендациям, способны помочь вылечиться от новой коронавирусной инфекции.

(5) Общие номинации ситуации, вызванной пандемией COVID-19, а также номинации временных промежутков, связанных с началом и окончанием пандемии.

В эту группу входят такие номинации, как *новая реальность*, *новая нормальность*, *паранормальность*, *новая паранормальность*, *докоронореал* ‘докоронавирусная реальность’, *коронореал* ‘коронавирусная реальность’, *посткоронореал* ‘послекоронавирусная реальность’, *довирусная эра*, *поствирусная эра*, *постковидье*, *постковидный*, *послековидный*, *пандемический период*, *постпандемический период*, *пандемийный период*, *пост-пандемийный период* и др. Ср. также *коронакризис*.

К числу так называемых вирусных неонимаций, связанных с обозначениями разного рода временных промежутков, относятся также следующие: **карантикулы** (< **карантин** + **каникулы**) ‘период нерабочих дней во время карантина, объявленный президентом РФ В. В. Путиным’ (ср. менее частотный неологизм **путикулы** ‘путинские каникулы’) и **обломайские (праздники)** (< **майские праздники** + **облом жарг.** ‘неудача, невезение’) ‘майские праздники, во время которых из-за карантина не удалось реализовать свои планы’.

Условно в эту группу можно отнести также такие неологизмы, как **коронавыпуск** / **коронавыпуск-2020** (< **корона** ‘коронавирус’ + **выпуск** / **выпускной**) и **коронапарад** (< **корона** ‘коронавирус’ + **парад**). В обоих случаях речь идёт о событиях (школьный выпускной и Парад Победы), в празднование которых внёс коррективы режим повышенной готовности в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции.

(6) Номинации разного рода пространств, помещений, связанных с режимом самоизоляции, а также лечебных учреждений закрытого типа.

К числу ярких неонимаций данной лексико-семантической группы, безусловно, относится окказионализм **наружжа**, который появился благодаря снятому на злобу дня 142 эпизоду мультфильма Олега Куваева о Масяне. В этой серии мультфильма Масяня заколачивает гвоздями входную дверь и говорит Хрюнделю и детям, что наружу они больше не выйдут, поскольку ничего в этой «наруже» нет интересного. Таким образом, в мультфильме слово **наружжа** обозначает пространство за пределами квартиры, которое воспринимается как неприятное, враждебное.

Со временем слово **наружжа**, которое из указанного эпизода о Масяне, образно говоря, проникло в народ, стало обозначать пространство за пределами квартиры, дома как таковое без каких бы то ни было оценочных суждений. Ср. **пойти в наружжу**.

На базе лексемы **ковид** ‘потенциально тяжёлая острая респираторная инфекция, вызываемая коронавирусом SARS-CoV-2’ и слова **рассадник** в его переносном значении ‘место, являющееся источником инфекции’ была образована неонимация **ковидник₂**. Ср. **ковидник₁** ‘больной ковидом’. Судя по контекстам, неонимация **ковидник₂** используется в двух значениях: 1) ‘источник инфекции’: «Я уже несколько дней дома. У свекрови тоже тестировали короновирус и муж, чтобы **не плодить ковидник** в двух квартирах, ливнул туда» (<https://dansoll.diary.ru/>); «В ДНР у нас на сегодня 1396 выявленных случаев короны, в Ростовской области 10922, то есть почти в 10 раз. РФ на 4 месте по числу зараженных в мире. Большие только в Индии, Бразилии и США. И я, чтобы въехать в ваш ковидник, должен заплатить за тест 2000 рублей» (<https://www.facebook.com/fedokindon/posts/2700230350208594>); «Кто ж теперь в твой янычарский ковидник поедет отдыхать? Ну, разве бессмертные» (<https://www.facebook.com/fedokindon/posts/2832461000318861>) и 2) ‘инфекционная больница или отделение больницы, где на лечении находятся пациенты с ковидом’: «ЦКРБ — самый лучший **ковидник** в области» (<http://kcrkb.ru/index.php/novosti-i-publikatsii/otzyvy/item/229-tsrb-samyj-luchshij-kovidnik-v-oblasti>); «С одной стороны, я искренне рад за ЦРКБ. Не надо искать в этих словах малейшего подвоха. Они на ковидной вахте с самых первых дней, и продолжают тянуть в то время, когда некоторые другие **ковидники** уже успели закрыться» (<http://kcrkb.ru/index.php/novosti-i-publikatsii/otzyvy/item/229-tsrb-samyj-luchshij-kovidnik-v-oblasti>); «Детей из отделения урологии, которое отдали под **ковидник**, начнут принимать в детской областной больнице» (<https://31tv.ru/novosti/191403/>) и др.

По аналогии со словом **лепрозорий** была образована номинация **ковидарий**. Ср. **лепрозорий** (< лат. *leprosus* ‘прокажённый’) ‘лечебное учреждение для больных

проказой; место проживания и лечения таких больных'. Поместить в лепрозорий [http://gramota.ru/slovari/dic/?word=лепрозорий&all=x]. Как свидетельствует анализ контекстов, неологизм **ковидарий**, как и номинация **ковидник**₂, используется в значении 'инфекционная больница или отделение больницы, где на лечении находятся пациенты с ковидом': *«Ковидарий «Ленэкспо» в Петербурге начал прием пациентов. ... Это стало возможно после того, как Госпиталь для ветеранов войн, чьи сотрудники работают в «Ленэкспо», получил лицензию на медицинскую деятельность по месту расположения временного ковидария»* (<https://regnum.ru/news/3099543.html>); *«В Курске построят быстровозводимый ковидарий на 504 койки»* (<https://riakursk.ru/v-kurske-postroyat-bystrovovzvodimyy-kovidnyy-gospital-na-504-koyki/>); *«В Кузбассе открывается новый ковидарий для туристов и горнолыжников ... В Кузбассе появится новый обсерватор для заражённых коронавирусной инфекцией»* (<https://sibdepo.ru/news/v-kuzbasse-otkryvaetsya-novyj-kovidarij-dlya-turistov-i-gornolyzhnikov.html>) и др.

Среди номинаций лечебных учреждений, в которых на лечении находятся пациенты с вирусной пневмонией и ковидом, особое место занимает название **Коммунарка**. Это одно из крупнейших и лучших заведений этого типа, которое в рекордные сроки было открыто в посёлке Коммунарка Новой Москвы (городская клиническая больница № 40 в Коммунарке, главврач Денис Проценко). Именно после визита в Коммунарку в марте 2020 г. В. В. Путина появилась неониминация **коронавт** (см. [47, с. 80–81; 48, с. 148–149]). Следует отметить, что в ряде случаев оним **Коммунарка** становится именем нарицательным и начинает обозначать 'закрытое учреждение': *«Как будто у нас не факультет, а Коммунарка»* (запись устной речи, июнь 2020 г.).

(7) Номинации товаров, которые во время пандемии COVID-19 становятся ходовыми и дефицитными.

Эта группа номинаций связана с тем фактом, что во время пандемии COVID-19 резко возрос спрос на такие товары и продукты, как туалетная бумага, гречка, лимоны и имбирь. Тот факт, что эти товары и продукты во время пандемии или неоправданно подорожали (лимоны, имбирь), или же в прямом смысле сметались покупателями с полок магазинов (гречка, туалетная бумага), обусловил появление таких неониминаций, как **курс лимона**, **курс имбиря**, **курс гречки**, **калькулятор туалетной бумаги**, **токен туалетной бумаги**, **калькулятор гречки**. Эта ситуация в свою очередь также породила множество мемов. Ажиотаж вокруг продажи лекарств, например, обусловил появление номинации **гречка современности** по отношению к противовирусному средству «Арбидол», которое массово скупали в аптеках, в результате чего возник его дефицит.

(8) Номинации массовой поведенческой реакции людей (паники) во время пандемии COVID-19: коронапаника, коронапсихоз, коронабесие, короноя, психопандемия, вирусодемия, коронавирусная психопандемия, коронаапокалипсис, коронагеддон, маскобесие, маскопаника, гречкохайп. К этой группе примыкают номинации панической боязни заразиться коронавирусом: **коронафобия**, **ковидофобия**, **вирусофобия**, а также номинации фейков о коронавирусе: **коронафейки**, **коронавраньё**, **коронатерроризм**, **инфодемия**.

(9) Номинации тех, кто скептически относится к пандемии COVID-19: ковид-диссидент / ковидодиссидент, ковидагностик, ковид-нигилист, коронаскептик / короноскептик, коронадиссидент, коронаплюй, коронапофигист, антимасочник, ковид-отрицатель и др. (подробнее см. в [47; 48]).

(10) Номинации тех, кто соблюдает карантин и режим самоизоляции, а также призывает к этому других: самоизолянт, самоизоленцы, сидидомцы,

коронаэнтузиаст, масочник, масконосец, масконос, коронавт, карантинщик, карантиносиделец, коронабесы, коронабесики и др. (подробнее см. в [47; 48]).

(11) Номинации тех, кто нарушает карантин и масочный режим: *погуляницы, шашлычники, ковид-нарушители, гололицы, голомордые, антимасочник* и др. (подробнее см. в [47; 48]).

(12) Номинации *ковидиот* и *коронаидиот*, которые совмещают полярные значения и в целом обозначают человека, который неадекватно реагирует на пандемию коронавируса (подробнее см. в [48]).

(13) Номинации тех, кто испытывает состояние страха перед возможностью заразиться COVID-19, а также тех, кто создаёт панику: *ковидофоб, коронафоб, коронапсих / коронопсих, covid-паникёр / ковид-паникёр / ковидопаникёр, ковид-перестраховщик, ковид-фаталист, ковид-алармист, гречник* и др. (подробнее см. в [47; 48]).

(14) Номинации тех, кто является специалистом по изучению новой коронавирусной инфекции либо считает себя таковым: *ковидолог, карантиновед*.

(15) Номинации того, что связано с процессом работы, учёбы, заказа товаров и под. посредством сети интернет.

Прежде всего следует отметить актуализацию давно известных языку лексем *удалёнка* и *дистанционка*, обозначающих удалённую, дистанционную работу с использованием интернет-технологий. В связи с массовым переходом на дистанционное обучение и с увеличением доли работников, занятых в производственных процессах дистанционно, как понятно, возросла частотность использования этих лексем, а также эта ситуация обусловила появление в социальных сетях многочисленных мемов на тему дистанционного обучения и удалённой работы. При этом можно констатировать, что изменилось и само восприятие этих явлений. По всей видимости, в семантике лексем *удалёнка* и *дистанционка* сема 'добровольный выбор', т. е. осуществляемый по выбору фрилансера, заменяется семой 'вынужденный выбор', 'навязанный выбор'. Также уже на базе мемов на тему удалёнки (в результате обыгрывания названия и сюжета картины В. Васнецова «Алёнушка») появился неологизм *удалёнушка* (ср. карантинная народная сказка «Удалёнушка и братец Иванушка», *сестрица Удалёнушка, Удалёнушка, удалёнушка*). Также пользователями соцсетей активно обыгрывалось название известного шоколада «Алёнка» фабрики «Красный Октябрь» (на изображениях с обёрткой шоколадки в графических редакторах нарочито другим шрифтом и цветом добавляли «приставку» *уд*, а к самому изображению девочки в платочке на обёртке шоколадки иногда добавляли медицинскую маску). Ср. также неологизм *дистант* 'дистанционное обучение школьников' (*уйти на дистант, школа на дистанте*).

Как понятно, возрастает частотность и самой лексемы *онлайн*, что, как понятно, обусловлено известными экстралингвальными факторами. Ср., например, такие неонинации, как *онлайн-жизнь, онлайнизаторы, онлайн-митинг, онлайн-вечеринки* и др. Так, популярность онлайн-вечеринок породила актуализацию (для английского языка) и появление в русском языке неологизма *карантини* (< англ. *quarantini* < *карантин* + *мартини*). Согласно данным сайта Urban Dictionary, коктейль карантини (*quarantini*) придумали сценаристы сериала «Клиника», но широкую известность этот коктейль получил только в 2020 году. Неологизм *карантини* со временем расширяет своё значение и начинает обозначать также следующее: 1) 'любой коктейль, сделанный дома во время карантина из имеющихся в наличии ингредиентов',

2) ‘любой алкогольный напиток, который люди пьют при встрече, соблюдая при этом социальную дистанцию’. На базе неологизма **карантини** в свою очередь был образован глагол **накарантиниться** ‘принять изрядную дозу алкоголя’. Ср. также неологизмы, возникшие уже в самом русском языке: **винишник** (очевидно, по аналогии с *девичник*, *мальчишник*) ‘онлайн-вечеринка с бокалом вина (винишка)’, **чаишник** ‘онлайн-посиделки с чаем’, **домашник** ‘домашний концерт артиста, который сопровождается трансляцией в социальную сеть, на YouTube-канал’.

В речи пользователей социальных сетей частотно неозаимствование **думскроллинг** (< англ. *doomscrolling* < *погибель* + *листать*), с помощью которого обозначается долговременное чтение негативных новостей в социальных сетях, как правило, на тему коронавируса. В основе данной лексемы, как понятно, лежит ситуация постоянного пролистывания новостной ленты пользователями соцсетей.

Как уже отмечалось, особенности ограничительных мер, принятых в городе Москве, в числе прочего обусловили как актуализацию ряда номинаций, связанных с онлайн-сферой, так и появление неониминаций: **бесконтактная доставка**, **бесконтактная оплата**, **электронный пропуск**, **цифровой пропуск**, **цифровой концлагерь**, **тотальный цифровой контроль**, **чип**, **чипизация**, **отчипенец**, **отчипись**, **причипнутый**, **QR-код**, **QR-менеджер**, **QRнавигатор**.

Вынужденная активизация жизни в виртуальной реальности, а также увеличение времени, проводимого возле телевизоров, людьми, находящимися на карантине, обусловили появление таких неологизмов, как **теледоктор**, **телемедицина**, **телездравоохранение**, **телевыздоровление** и др.

Во время пандемии возрастает популярность ряда приложений, которые используются для онлайн-общения с разными целями, что в свою очередь породило ряд неологизмов. Так, на базе названия приложения **«Тиндер»** возник неологизм **карантиндер** ‘«Тиндер» для тех, кто в самоизоляции’, на базе названия бесплатного мессенджера с поддержкой видеоконференций **«Discord»** (**«Дискорд»**) — неологизмы **зидискордиться**, **дискордресс** (ср. **дресс-код**), которые описывают ситуацию, когда во время видеоурока в кадре школьники были в одежде, которая не совсем соответствовала уроку, либо же в кадре во время урока появлялись домочадцы школьника, внешний вид которых не соответствовал ситуации урока.

Лидером по числу неологизмов, возникших на его базе, безусловно, во время пандемии стало название сервиса (платформы) для проведения видеоконференций **«Zoom»** (**«Зум»**), поскольку именно онлайн-платформа **«Zoom»** (**«Зум»**) стала особенно популярной в условиях дистанционного обучения и дистанционной работы. Прежде всего речь идёт о неозаимствовании **зумбомбинг** (< англ. *zoombombing*), которое используется в следующих значениях: 1) ‘вид пранка на платформе «Zoom»: срыв онлайн-уроков пранкерами, которые специально подключаются к трансляциям и демонстрируют неприемлемый контент’; 2) ‘внезапное появление в кадре родственников или домашних животных во время видеовстречи, проводимой с использованием онлайн-платформы «Zoom»’ (ср. **фотобомбинг** ‘внезапное появление кого-либо или чего-либо в кадре в момент осуществления фотосъёмки’).

Итак, на базе названия онлайн-платформы **«Zoom»** (**«Зум»**) были образованы такие неониминации, как **зумиться** (ср. **чатиться**) ‘общаться с помощью онлайн-платформы «Zoom»’, **зумить** (ср. **гуглить**) ‘использовать для общения онлайн-платформу «Zoom»’, **зумерничать** (ср. **сумерничать**) ‘общаться с помощью онлайн-платформы «Zoom» в сумерках’, **зумер** ‘участник видеоконференции на онлайн-платформе «Zoom»’, **обеZOOMеть** / **обеЗУМеть** (ср. **обезуметь**) ‘устать от

удалённого обучения, удалённой работы с использованием онлайн-платформы «Zoom», *беZOOMие* / *беЗУМие* (ср. *обезуметь*) 'чрезмерная усталость от удалённого обучения, удалённой работы с использованием онлайн-платформы «Zoom», *беZOOMец₁* / *беЗУМец₁* (ср. *безумец*) 'тот, кто очень устал от удалённого обучения, удалённой работы с использованием онлайн-платформы «Zoom», *беZOOMец₂* / *беЗУМец₂* (ср. *безумец*) 'тот, кто ещё не установил у себя приложение «Zoom», *зумби* (ср. *зомби*) 'тот, кто злоупотребляет использованием онлайн-платформы «Zoom», *зумбированный* (ср. *зомбированный*) 'тот, кто злоупотребляет использованием онлайн-платформы «Zoom», *homo ZOOMus* 'человек, установивший приложение «ZOOM», *ZOOMировать* / *ЗУМировать* (ср. *суммировать*) 'подвести итоги видеоконференции, проведённой с использованием онлайн-платформы «Zoom», *зум-вечеринка* 'вечеринка, проводимая с помощью онлайн-платформы «Zoom», *зум-свадьба* 'свадьба, проводимая с помощью онлайн-платформы «Zoom», *ZOOMанитарные дисциплины* (ср. *гуманитарные дисциплины*) 'дисциплины, изучаемые / преподаваемые с использованием онлайн-платформы «Zoom», *ZOOMанитарная помощь* (ср. *гуманитарная помощь*) 'помощь в установке приложения «Zoom», *экZOOMены* (< *ZOOM* + *экзамены*) 'экзамены, которые принимают / сдают с использованием онлайн-платформы «Zoom», *зоотчилка* / *зумчилка* (ср. *училка*) 'учитель, обучающий с использованием онлайн-платформы «Zoom», *зумчителя* и *зумченики* 'тот, кто обучает и обучается с использованием онлайн-платформы «Zoom», *массовое ZOOMбирование* (ср. *массовое зомбирование*) 'повсеместное использование онлайн-платформы «Zoom», *пандеZOOMия* (< *ZOOM* + *пандемия*) 'повсеместное использование онлайн-платформы «Zoom» во время пандемии новой коронавирусной инфекции', *просто безZOOMный день* (ср. *безумный день*), *безZOOMный день* 'воскресенье', *обязZOOMовка* (ср. *обязаловка*) 'обязательный и безальтернативный переход на онлайн-платформу ZOOM' и др.

Таким образом, анализ структурно-семантических и функциональных особенностей неологизмов, функционирующих в русском языке новейшего периода для обозначения понятий, связанных с ситуацией угрозы распространения в мире новой коронавирусной инфекции, прежде всего позволяет утверждать, что пандемия COVID-19 породила в русском языке очередной этап так называемого неогенного бума: за относительно небольшой промежуток времени в русском языке появилось множество неологизмов, неологизмов и неосемантизмов, обозначающих различные предметы, явления, действия, качества и др., соотносимые с названной сферой. Выделенные нами пятнадцать лексико-семантических подгрупп (при необходимости эту классификацию можно детализировать) иллюстрируют тот факт, что как языковая, так и неологическая русская картины мира необычайно оперативно отражают период социальных потрясений в эпоху пандемии COVID-19. При этом, как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, самой многочисленной и неоднородной является группа неологизмов лица, «которые функционируют в русском языке новейшего периода для обозначения человека как участника и заложника той ситуации, которая сложилась в мировом сообществе в целом и в отдельных странах в частности в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [48, с. 145]. Некоторые слова расширяют свою лексико-семантическую сочетаемость, изменяют значения и/или коннотации. Происходит актуализация ряда медицинских терминов, которые начинают активно использоваться в речи не только специалистов в области медицины, но и носителей

русского языка в целом. Важной составляющей лингвального осмысления ситуации пандемии COVID-19 стало проявление различных форм языковой игры, что в числе прочего явилось своего рода защитной реакцией носителей языка на происходящее во внеязыковой реальности. Как понятно, после окончания пандемии подавляющее большинство неозаимствований, неогерманизмов и неосемантизмов не закрепятся в языке в силу их ситуативного характера, оставшись только фактами речи. Вместе с тем задачей лингвистов является как можно более полная фиксация и последующий комплексный анализ языковых изменений разных типов, иллюстрирующих как системные и несистемные механизмы развития языка, так и динамику языковой картины мира в её вариантах и вариациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксёнова Н. В. Особенности английских неологизмов понятийно-тематической области COVID-19 / Н. В. Аксёнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — Вып. 9. — С. 172–176.
2. Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неогермания : Автореф. дис. д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. И. Алаторцева. — СПб., 1999. — 42 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Изд. 5-е. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 576 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. — Т. 1. — М. : Изд. АН СССР, 1963. — 384 с.
5. Бойко С. А. Когнитивный анализ англицизмов с точки зрения ориентирующей функции языка (на материале текстов современной российской рекламы) : Дис. канд. филол. наук : 10.02.10 / Светлана Анатольевна Бойко. — Иркутск, 2016. — 205 с.
6. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке / А. А. Брагина. — М. : Просвещение, 1973. — 224 с.
7. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : уч. пособ. для студ. вузов / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2003. — 304 с.
8. Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка / В. В. Виноградов // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М. : Наука, 1977. — С. 47–68.
9. Габдреева Н. В. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода / Н. В. Габдреева, А. В. Агеева, А. Р. Тимиргалеева. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2014. — 328 с.
10. Горностаев С. В. Языковая адаптация заимствований сферы индустрии интерактивных развлечений : Дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / Семён Владимирович Горностаев. — Волгоград, 2018. — 173 с.
11. Дьяков А. И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Анатолий Иванович Дьяков. — Новосибирск, 2001. — 291 с.
12. Дьяков А. И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование : Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Анатолий Иванович Дьяков. — Омск, 2015. — 445 с.
13. Е Линь. Новая заимствованная лексика в русском языке как фактор динамики языковой картины мира : Дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / Е Линь. — Тамбов, 2018. — 180 с.
14. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.
15. Жданова Е. А. Словообразовательные неологизмы-существительные в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: структурно-семантический и социокультурный аспекты : Дисс. канд. филол. наук / Елена Александровна Жданова. — Нижний Новгород, 2019. — 265 с.
16. Замальдинов В. Е. «Вирусные» новообразования в современной медиакommunikации / В. Е. Замальдинов // Русская речь. — 2020. — № 4. — С. 19–27.
17. Замальдинов В. Е. «Вирусные» инновации в медийном пространстве / В. Е. Замальдинов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы III Международной научно-методической конференции (22 мая 2020 г.). — Донецк : ДонНТУ, 2020. — С. 100–106.

18. Коробкова Н. В. Словарь «новой» реальности: неологизмы, вызванные пандемией 2020 / Н. В. Коробкова, Л. Г. Мирзоян // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований. Сб. II Международной научной конференции (Курск, 28–29 апреля 2020 г.). — Курск, 2020. — С. 138–144.
19. Косырева М. С. Глобализмы в современном русском языке : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Марина Сергеевна Косырева. — Москва, 2018. — 283 с.
20. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н. З. Котелова // Н. З. Котелова. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. — СПб. : Нестор-История, 2015. — С. 181–199.
21. Котелова Н. З. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Предисловие // Н. З. Котелова. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. — СПб. : Нестор-История, 2015. — С. 169–180.
22. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
23. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М. : Изд-во Эксмо, 2007. — 944 с.
24. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. — 2-е изд., испр. — К. : ИПЦ «Киевский университет», 2004. — 208 с.
25. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка : учеб. пособ. для филол. фак. ун-тов / Э. В. Кузнецова. — М. : Высш. шк., 1989. — 216 с.
26. Лингвистический энциклопедический словарь ; глав. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Наука, 1990. — 762 с.
27. Лопатин В. В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. — М. : Наука, 1973. — 152 с.
28. Майер В. С. Пандемия коронавируса как языковой маркер современности (на материале немецкого языка) / В. С. Майер // Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — № 4. — С. 124–137.
29. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка : учеб. пособ. / Е. В. Маринова. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. — 288 с.
30. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах : словарь-справочник / Е. В. Маринова. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. — 240 с.
31. Мишуткина И. И. Новая лексика немецкого языка как отражение новой действительности (по материалам немецких СМИ о COVID-19) / И. И. Мишуткина // Оригинальные исследования. — 2020. — № 8. — С. 103–107.
32. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://search.ruscorpora.ru> (Дата обращения : 10.07.2020 г.).
33. Новикова О. Н. COVID-19 в контексте современного состояния исследования дискурса о пандемии / О. Н. Новикова, Ю. В. Калугина // Вестник Башкирского университета. Сер. Филология и искусствоведение. — 2020. — Т. 25. — № 2. — С. 376–381.
34. Пахомов Л. Словарь коронавируса. Леонид Пахомов — о лингвистической стороне пандемии / Л. Пахомов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://zvzda.ru/columns/cdfce97f79f1> (Дата обращения : 15.07.2020 г.).
35. Попова Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. — Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. — 96 с.
36. Попова Т. В. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособ. / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава. — 3-е изд., стер. — М. : Флинта: Наука, 2017. — 168 с.
37. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст : Коллективная монография. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. — 325 с.
38. Селезнёва О. Н. Влияние COVID-19 на словарный состав современного английского языка / О. Н. Селезнёва // Филология, лингвистика, журналистика: актуальные вопросы и современные аспекты : Сб. статей II Международной научно-практической конференции (Пенза, 05 октября 2020 г.) — Пенза : «Наука и просвещение», 2020. — С. 24–26.
39. Соснина Л. В. Лингвистический аспект изучения ковид-терминов / Л. В. Соснина // Наука и мир в языковом пространстве : Сб. науч. трудов V Международной научной конференции (10 ноября 2020 г.). — Макеевка : ДонНАСА, 2020. — С. 46–52.
40. Темиргазина З. К. Вспышка, всплеск или волна: как и что мы говорим о коронавирусе / З. К. Темиргазина // Неофилология. — 2020. — Т. 6. — № 24. — С. 645–652.

41. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика; под ред. Г. Н. Складневской. — М.: Эксмо, 2006. — 1136 с.
42. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения (с изменениями на 13 июля 2020 года)» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901729631> (дата обращения: 23.09.2020 г.).
43. Хасанова О. О. COVID-19 и современный русский язык (на материале лексикона жителей республики Башкиростан) / О. О. Хасанова // Славянские чтения-2020: Сб. материалов Международной научно-практической конференции (Стерлитамак, 18–19 мая 2020 г.). — Уфа, 2020. — С. 151–155.
44. Шмелёва Е. Заразительные неологизмы. Русский язык по-своему отвечает на пандемию / Е. Шмелёва [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4323125> (Дата обращения: 15.07.2020 г.).
45. Шукунда С. З. «Ковидолы» против «ковидиотов»: английские неологизмы, порождённые коронавирусом / С. З. Шукунда // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. — 2020. — № 04 (60). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/kovidoly-protiv-kovidiotov-anglijskie-neologizmy-porozhdyonnye-koronavirusom.html> (Дата обращения: 20.04.2020 г.).
46. Ярошенко Н. А. Адаптация неозаимствований-англицизмов и галлицизмов в современном русском языке / Н. А. Ярошенко, Н. В. Козак // Русский язык в поликультурном мире: Сб. науч. ст. В 2 ч. — Ч. I. — Симферополь: ООО «Антиква», 2015. — С. 173–179.
47. Ярошенко Н. А. Пандемия COVID-19 в зеркале языка: ономастологические типы сложных неониминаций лица / Н. А. Ярошенко // Наука и мир в языковом пространстве: Сб. науч. трудов V Международной научной конференции (10 ноября 2020 г.). — Макеевка: ДонНАСА, 2020. — С. 79–82.
48. Ярошенко Н. А. Пандемия COVID-19 в зеркале языка: лексико-семантические группы сложных неониминаций лица / Н. А. Ярошенко // Материалы V Междунаро. научн. конф. «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 17–18 ноября 2020 г.); под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. — Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. — С. 145–149.
49. WHO Director-General's remarks at the media briefing on 2019-nCoV on 11 February 2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-remarks-at-the-media-briefing-on-2019-ncov-on-11-february-2020> (дата обращения: 23.04.2020 г.).

Поступила в редакцию 16.10.2020 г.

COVID-19 PANDEMIC IN THE MIRROR OF LANGUAGE: LEXICAL-SEMANTIC GROUPS OF NEONOMINATIONS

N. A. Yaroshenko

The article deals with lexical and semantic groups of neonominations functioning in the Russian language of the latest period to designate concepts associated with the threat of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the world. The main structural, semantic and functional peculiarities of the fixed nominations are considered. The focus is made on neonominations denoting a person or a group of persons.

Key words: nomination, neologism, neomination, category of person, neonominations of person, pandemic, COVID-19, coronavirus.

Ярошенко Наталья Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Заведующий кафедрой общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

Yaroshenko Natalya Alexandrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Head of General Linguistics and History of Language Department named after E. S. Otin.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

УДК 81'373.211.5

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГОДОНИМОВ ГОРОДА ДОНЕЦКА

© 2020. А.Е. Жуков

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлен анализ термина «годоним», выделены тематические группы годонимов города Донецка, обоснованы классификации годонимов внутри тематических групп, а также определены количественные характеристики годонимов по группам.

Ключевые слова: урбанонимия, годоним, тематические группы, ойкодоним, агороним, хороним.

Введение. Урбанонимия – совокупность внутригородских названий, которые представляют собой отдельную область онимного пространства. Внутри урбанонимного пространства выделяются годонимное, агоронимное, хоронимное, ойкодонимное, экклезионимное и урбаногидронимное поля.

Годоним – «визитная карточка» улицы, набережной, переулка, важный ориентир, крайне необходимый для нормального функционирования современного общества. Как отмечает Д.В. Цыганкин, «имя улицы – это дань уважения истории, конкретному человеку, свидетельство признания тех ценностей, которые характеризовали и характеризуют образ жизни жителей» [7, с. 9]. В ономастической литературе годоним рассматривается как вид урбанонима, обозначающий название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной [4, с. 50–51].

Названия улиц города Донецка изучались в работах Е.С. Отина, Н.А. Ярошенко, Е.А. Дмитривой и других.

Цель работы: произвести распределение годонимов города Донецка по тематическим группам, обосновать их классификацию внутри групп. **Объектом** изучения являются годонимы как языковые единицы в урбанонимном пространстве города Донецка. **Предметом** исследования выступают тематические группы годонимов города Донецка. **Материалом** исследования послужили наименования улиц города Донецка (521 единица).

Основная часть. Самый многочисленный вид урбанонимов – это годонимы, которые представляют собой названия линейных объектов в городе (улиц, переулков, проездов, проспектов, трактов, набережных) [5, с.77].

В современной ономастической науке существует несколько определений годонима:

1) годоним – вид урбанонима; название линейного объекта в городе, в том числе улицы, бульвара, переулка, проспекта, линии, проезда, набережной (А.Ю. Асанов, Е.Н. Бекасова, И.Б. Горланова, Н.Ю. Забелин, Н.В. Подольская, Ю.Г. Пушкарёва и др.) [3];

2) годоним – название линейных и полевых (площадей) объектов в городе. Несмотря на то, что названия городской площади принято обозначать термином «агороним» (с греч. *αγορά* – «площадь, рынок, собрание народа»), данное словоупотребление продиктовано как соображениями удобства, так и тем положением, что названия площадей в лексико-семантическом и словообразовательном аспектах схожи с годонимами и не проявляют особых приёмов номинации [1] (С.В. Ганова, Т.А. Голикова, Л.Н. Рабаданова, Т.В. Шмелёва и др.);

3) годоним (в широком толковании) – название адресного объекта (улицы, переулка, площади, бульвара и т.п.) в городе и в населённом пункте сельского типа (виконим) (В.А. Бакутов, Э.А. Батоцыренов, Н.М. Иванов, С.Г. Каримов, Е.А. Лукьянова, С.Н. Шеуджен и др.) [6, с.42]. В первую очередь эта позиция связана с историей возникновения термина и его этимологией: слово «годоним» (от греч. слов ὁδός «улица, дорога» + ὄνομα «имя, название») не обнаруживает строгой привязки к городу.

С нашей точки зрения, первое определение наиболее точно соответствует понятию «годонима», т.к. улицы и переулки имеют адресность в отличие от агоронимов, например, от площади, и это наиболее соответствует понятию линейного объекта в городе. Основное назначение годонима – фиксировать адресный объект и различать его среди ряда ему подобных [2].

Донецк – миллионный город, занимающий площадь около 400 кв. км и имеющий довольно сложные очертания с весьма различными по плотности застройки районами. Его протяженность с севера на юг составляет примерно 30 км, а с запада на восток – 60 км. В нем порядка 2 500 бульваров, проспектов, улиц и переулков различной значимости общей протяженностью около 3 000 км. Уже приведенные данные свидетельствуют о сложности ориентации в этом мегаполисе. Усугубляет ее большой хаос в наименовании улиц и нумерации почтовых отделений. В них совершенно отсутствует какая-либо системность, увязка с особенностями и административным делением города, его историей и (иногда) просто со здравым смыслом.

Анализ годонимов города Донецка позволил разделить их на тематические группы. Тематической группой годонимов, называют группу, которая включает годонимы объединенные ономастологически тождественным источником номинации (например, в одну тематическую группу мы объединяем годонимы, имеющие в качестве источника названия растений – *улица Абрикосовая, Виноградная и т.д.*)

Группировка годонимов осуществлена нами по следующим параметрам:

- по структурному статусу наименования: слово или словосочетание;
- по частеречной принадлежности: имя существительное или имя прилагательное;
- по этиологии наименования: причины, условия появления.

Рассмотрим подробнее каждую тематическую группу и классификацию годонимов внутри них.

I. Однословные наименования: улица Якорная, Вишневая (96 %).

1. Годонимы, представленные относительными прилагательными: *Ленинградская, Ростовская, Саратовская и т.д.* (65 %):

1) Отонимные годонимы: *улицы Курганская, Амурская* (22,4 %).

А) Годонимы, связанные с ойконимами: *улицы Волгоградская, Краснодонская, Киевская, Ленинградская, Московская, проезд Курганный; переулки Волжский, Батумский и т.д.* (19,5 %).

Можно выделить следующие группы годонимов, связанных с ойконимами, которые можно классифицировать по административно-иерархическому фактору – по значимости объекта в рамках страны:

- годонимы, названные в честь областных и краевых центров бывших республик СССР: *улицы Волгоградская, Архангельская, Барнаульская, Братская, Воронежская, Днепропетровская, Одесская, проезд Курганный, переулки Ярославский, Тверской, Харьковский, Херсонский и т.д.* (11,2 %);

- годонимы, названные в честь районных центров: *улица Авдеевская, Амвросиевская, Ангарская, Верхоянская, Краснодонская, Сормовская, переулки Волжский, Жигулевский, Макеевский и т.д.* (7,3 %);

- годонимы, названные в честь столиц бывших союзных республик (в том числе столицы): *улица и переулок Киевские, переулок Рижский, улица Минская, улица Московская* (1 %);

Таким образом, основную группу годонимов, связанных с ойконимами, представляют годонимы, названные в честь областных и краевых центров бывших республик СССР. Появление таких названий улиц связано с тем, что Донецк всегда был городом, который принимал огромное количество приезжих из разных городов, в особенности из областных и краевых центров России, поэтому решено было называть улицы в честь наиболее известных городов, чтобы подчеркнуть гостеприимство города.

Б) Годонимы, связанные с гидронимами: *улицы Амурская, Балтийская, Волго-Донская, Заречная, Донская, Енисейская, переулки: Волжский, Азовский, Речной, Черноморский* (1,9 %).

Можно выделить следующие группы годонимов, связанных с гидронимами:

- с потамонимами (реки): *улицы Амурская, Волго-Донская, Заречная, Донская, Енисейская, переулки Волжский, Речной* (1,3 %).

- с пелагонимами (моря): *улица Балтийская, переулки Черноморский, Азовский* (0,6 %);

Таким образом, наибольшую группу составляют годонимы, связанные с потамонимами. Появление таких названий улиц связано либо с близостью речных объектов территориально (например, Заречная), либо с тем, что в 1940 году по всему СССР переименовывали существующие и называли новые улицы в честь рек Советского Союза.

В) Годонимы, связанные с названиями иных географических объектов: *улицы Беловежская, Дятлова Балка, Саянская, Украинская, Украинское шоссе* (1%). Названия этих годонимов настолько разноплановые, что их невозможно расклассифицировать по разным группам.

2) Отаппелятивные годонимы: *улицы Садовая, Абрикосовая* (33%)

А) Годонимы, образованные от названий объектов, расположенных рядом: *улицы Водопроводная, Заводская, Горноспасательная, Гаражная, Коммунальная, Колхозная, Мельничная, Рыночная, Совхозная, Садовая, Стадионная, Сельскохозяйственная, Университетская, Шахтная, переулки Академический, Базарная, Горноспасательный, Железнодорожный, Клубный, проезд Новостроевский, Парковый, Речной, Пожарный, Театральный, Станционный, Школьный, Фабричный, Химический, Шахтёрский* (5,6 %).

Появление таких годонимов, как правило, было связано с объектами города, которые находились рядом или прямо на этих улицах и переулках. Так, например, улица Заводская названа в честь находившегося на ней бывшего Винокурного завода купцов Животинских, позднее переименованного в Донецкий ликеро-водочный завод. Через несколько десятилетий к улице Заводской примкнула улица Новозаводская. Похожая улица Центральная-Заводская была названа в честь Донецкого завода распределительных устройств, который также расположился на указанной улице. Аналогично были названы улица Станционная, которая примыкает к станции Мушкетер, улица Базарная, располагавшаяся ранее рядом с базаром, улица Речная, которая спускается к реке Кальмиус и т.д.

Б) Годонимы, образованные от названий растений: *улицы Абрикосовая, Вишневая, переулок Тополиный* (3,5 %);

Происхождение названий годонимов, образованных от наименований растений, обусловлено произрастанием этих растений на номинируемых улицах.

В) Годонимы, образованные от вида материала: улицы *Хрустальная, Изумрудная* (2,8 %);

Появление годонимов, образованных от вида материала, часто обусловлено тем, что жители некоторых улиц просили просто назвать красиво, чтобы было приятно жить на них.

Г) Годонимы, образованные от названий временных промежутков: улицы *Весенняя, Летняя, Утренняя* (2 %);

Д) Годонимы, образованные от названия профессий (занятий): улицы *Артиллерийская, Горноспасательная, шоссе Горняцкое, переулки: Атаманский, Горноспасательный, Шахтёрский* (3,5 %).

Можно выделить следующие группы годонимов, связанных с названием профессий или занятий, которые можно классифицировать по отраслям хозяйства:

- горнодобывающие профессии: улицы *Горноспасательная, шоссе Горняцкое, переулок Шахтёрский и т.д.* (2,5 %);

- военные профессии: улицы *Артиллерийская, Казачья, переулок Атаманский и т.д.* (0,8 %);

- промышленные: улица *Мельничная, Строительная* (0,2 %).

Наибольшую группу составляют годонимы – прилагательные, связанные с горнодобывающими профессиями, что определяется промышленной специализацией города Донецка.

Е) Годонимы-прилагательные, связанные с историческими событиями и реалиями: улицы *Комсомольская, Пионерская, Коммунистическая, Красноармейская, Пролетарская, Революционная, Советская, Социалистическая, переулки Октябрьский, Пионерский* (15,6 %).

Можно выделить следующие группы годонимов, связанных с историческими событиями и реалиями, которые можно классифицировать по направлениям:

- связанные с историческими событиями: улица *Революционная, переулок Октябрьский* (с Октябрьской Революцией 1917 года), *Отечественная* (с Великой Отечественной войной) и т.д. (5,6 %);

- связанные с реалиями общественной жизни (в первую очередь с реалиями и атрибутами СССР): улицы *Комсомольская, Пионерская, Социалистическая и т.д.* (10 %).

2. Годонимы, образованные от качественных прилагательных: улицы *Весёлая, Привольная, Просторная, переулки Крутой, Короткий, Малый, Новый, Ровный, Светлый, Свободный, Студёный, Тупой, Широкий* (9,6 %).

Можно выделить следующие группы годонимов, образованных от качественных прилагательных, которые имеют собственную классификацию:

- по физической характеристике: улица *Ясная, переулки Зеленый, Узкий* (5,5 %);

- по расположению: улицы *Северная, Южная, Западная, Восточная* (1,6 %).

Наибольшую группу составляют годонимы, образованные от качественных прилагательных, связанных с физической характеристикой годонима.

3. Годонимы, представленные существительными: улицы *Строителей, Бабушкина, Артема, Космонавтов и т.д.* (31 %).

1) Отонимные годонимы: улицы *Багратиона, Ватутина, Артема* (28,5 %)

А) Годонимы, связанные с именами и фамилиями известных людей: улицы *Айвазовского, Артёма, Багратиона, Ватутина, Вильямса, проезд Щорса, переулок Щукина и т.д.* (27,5 %).

Можно выделить следующие группы годонимов, связанных с именами и фамилиями известных людей, которые можно классифицировать по сферам деятельности:

- годонимы, названные в честь революционеров, политических и государственных деятелей: *улицы Бабушкина, Розы Люксембург, Клары Цеткин, Карла Либкнехта, Ленина, Ульянова, Крупской, проспекты Ильича, Дзержинского, проезд Перовской и др.* (10,5 %);

- годонимы, названные в честь деятелей литературы, культуры, искусства (писателей, поэтов, музыкантов, художников и т.д.): *улицы Айвазовского, Шекспира, Марины Цветаевой, проспект Маяковского, бульвар Шевченко, переулки Есенина, Шолохова и т.д.* (8 %);

- годонимы, названные в честь ученых: *улицы Сахарова, Вильямса, Луначарского, Циолковского, переулки Мечникова, Менделеева и т.д.* (4 %);

- годонимы, названные в честь героев войны и труда: *улицы Буденного, Щорса, Стаханова, Чкалова, Карбышева, Зорге и т.д.* (3 %);

- годонимы, названные в честь известных исторических деятелей и героев: *переулки Спартака, улица Александра Невского, Бестужева, Ермака и т.д.* (2 %).

Таким образом, основную группу годонимов, связанных с именами и фамилиями известных людей, занимают годонимы, названные в честь политических деятелей, что обусловлено наибольшим развитием Донецка в 1940–1970-е годы. Учитывая то, что в это время было патриотично называть улицы в честь революционеров, политических и государственных деятелей, именно эта группа годонимов получила наибольшее развитие.

Выбор деятеля, в честь которого называлась та или иная улица, часто зависел от того, какое событие происходило в году, когда появлялась улица, или знаменательной датой в судьбе деятелей, которые жили и работали в Юзовке, городе Сталино или Донецке. Так, например, в 1961 году в Ворошиловском районе появился пр. Германа Титова. Выбор названия был связан с тем, что 6-7 августа 1961 года на корабле Восток-2 космонавтом Германом Титовым был совершен самый длительный на тот момент космический полет. Переименование Большого проспекта в 1926 году в проспект Лагутенко в Донецке связано с пятилетием гибели революционера Ивана Лагутенко, который жил и работал в Юзовке. Самая большая и центральная улица Донецка Первая линия была переименована в улицу Артема 19 марта 1928 года ко дню рождения основателя и главы Донецко-Криворожской республики Федора Сергеева, более известного как «товарищ Артем».

Б) Годонимы, связанные с историческими событиями и реалиями: *улицы Мира, Советов, Октября и т.д.* (1 %).

В данную группу годонимов вошли названия улиц, связанные с реалиями СССР, советского строя, событий, значимых во время СССР.

2) Отаппелятивны́е годонимы-существительные представлены только одной группой – годонимы-существительные, связанные с названием профессий (занятий): *улицы Механизаторов, Обогаителей, Текстильщиков, Строителей, Танкистов, Космонавтов* (2,5 %).

Можно выделить следующие группы годонимов, связанных с названием профессий или занятий, которые можно классифицировать по отраслям хозяйства:

- горнодобывающие профессии: *улицы Обогаителей, проспект Шахтостроителей и т.д.* (1,5 %);

- промышленные: *улица Механизаторов, Текстильщиков, Строителей, переулков Машиностроителей и т.д.* (0,7 %);

- военные профессии: *улицы Танкистов, Космонавтов и т.д.* (0,3 %);

Также несколько одиночных годонимов представляют такие отрасли, как медицина, образование, сельское хозяйство и других (Медиков, Зодчих, Водителей, Писателей и другие).

Таким образом, наибольшее развитие получили топонимы, связанные с горнодобывающими профессиями, что объясняется тем, что город Донецк специализируется на горнодобывающей промышленности и в нем преобладают специальности в этой сфере.

II. Топонимы, представленные словосочетаниями: *улицы 50-летия Победы, 50-летия СССР, 20 Партсъезда, 6 Фестиваля, Первого Мая, Павших Коммунар, Советской Армии и т.д. (4 %).*

Выделим следующие группы топонимов, связанных с историческими событиями, реалиями и праздниками, которые можно классифицировать по направлениям:

- связанные с праздниками: *улицы 50-летия Победы, 50-летия СССР и т.д. (2,5 %);*

- связанные с историческими событиями: *улица Павших Коммунаров, 6 Фестиваля и т.д. (1 %);*

- связанные с реалиями (в первую очередь с реалиями и атрибутами СССР): *улицы Советской Армии и т.д. (0,5 %).*

Таким образом, наибольшую группу топонимов–словосочетаний составляют названия, связанные с праздниками, т.к. наименования праздников, как правило, представлены словосочетаниями.

Заключение. Исследование показало, что большая часть топонимов города Донецка представлены прилагательными (65%), причем наибольшую часть составляют топонимы, связанные с ойконимами (19,5%) и с историческими событиями и реалиями (15,6%). Также топонимы представлены существительными (31%), причем основную их часть составили топонимы, связанные с именами и фамилиями известных людей (27,5%). Кроме того, отмечены топонимы, представленные словосочетаниями, которые связаны, как правило, с историческими событиями, реалиями и праздниками (4%).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобылева Е.С. Лингвокультурологический анализ топонимов Сантьяго-де-Чили // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3 (69), ч. 1. – С. 57-59.
2. Клещева Е.А. Названия улиц городов-побратимов Барнаула и Флагстаффа в лингвокультурологическом аспекте // Труды молодых учёных Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 1, № 12. – С. 27-30.
3. Козлова Г.А. Лингвокультурологический обзор урбанонимов города Курска // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. – 2016. – № 2. – С. 31-34.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
5. Суперанская А.В. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1985. – 177 с.
6. Цыганкин Д.В. Лексико-семантическая характеристика отдельных пластов топонимической системы Мордовской АССР / Д.В. Цыганкин // Ономастика Поволжья: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск, 1986. – С. 4–20.
7. Шмелёва Т.В. Современная топонимия: семантика и семиотика / Т.В. Шмелёва // Лингвистическое краеведение: межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1991. – С. 33–37.

Поступила в редакцию 18.10.2020 г.

DONETSK CITY NAMES: THEMATIC GROUPS

A.E. Zhukov

The article deals with the analysis of the term "godonym". The thematic groups of godonyms of the city of Donetsk are singled out. The classifications of godonyms within the framework of the thematic groups are substantiated. The results of the quantitative analysis are provided.

Key words: urbanonymy, godonym, thematic groups, oikodonym, agoronym, horonym.

Жуков Анатолий Евгеньевич.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Аспирант.

E-mail: Myself.myself@mail.ru

Zhukov Anatoly Evgenievich.

Donetsk National University.

Postgraduate Student.

E-mail: Myself.myself@mail.ru

УДК 81'373

**ТОПОМОРФНЫЙ КОД В УРБАНОНИМИКОНЕ
БОЛЬШОГО ДОНБАССА
(на материале годонимов г. Шахтёрска ДНР
и г. Каменска-Шахтинского РФ)**

© 2020. *Е.В. Ладнова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена анализу специфики реализации топоморфного культурного кода в урбанонимиконе Большого Донбасса на материале годонимов г. Шахтёрска (ДНР) и г. Каменска-Шахтинского (РФ). Определены лексико-семантические и структурные особенности данного типа имён собственных.

Ключевые слова: урбаноним, годоним, улица, культурный код, Донбасс.

Комплексное изучение урбанонимов представляет собой одно из актуальных направлений современной ономастики. Н.В. Подольская определяет урбаноним как «собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» [8, с. 139]. В.И. Супрун, дополняя эту дефиницию, уточняет, что урбанонимы выполняют адресную функцию, официально зафиксированы в городских документах и указывают на объект, на территории которого находятся отдельные строения с номерами [11, с. 106]. На основании таких характеристик Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун относят к ядру урбанонимического поля годонимы и агоронимы [6]. В работе под годонимами понимает наименования линейных адресных объектов – улиц, переулков, бульваров, проездов и т. д. (см. обзор в [12; 13]). В рамках лингвокультурологического подхода годонимы рассматриваются в неотрывной связи с культурой. Так, Е.А. Сизова отмечает, что «...в речи топоним выступает в качестве компрессированного текста, представляющего собой разновидность текста культуры, поскольку в нём содержатся сведения об ассоциациях, представлениях, фоновых знаниях об объекте» [10, с. 60].

Важный аспект лингвокультурологического подхода состоит в исследовании того, как имена собственные взаимодействуют с культурными кодами. Под последними мы будем понимать «совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека» [4].

Единицы культурных кодов могут существовать на разных материальных носителях. Как отмечает А.Л. Курегян, словесное выражение кода – это особый случай: «... план выражения обладает не только специфической субстанцией (звуковой либо графической), но и специфической (естественно-языковой) формой» [5, с. 80]. Единицы лингвокультурного кода формируются благодаря взаимодействию культурных кодов с языковым кодом.

А.М. Мезенко выделяет такие культурные коды в урбанонимии славянских народов: антропопоморфный, топоморфный, физико-географический, флористический, фаунический, эмоционально-характерологический, темпоральный [7].

Особенность годонимов как разряда топонимов состоит в том, что они возникли в процессе искусственной номинации. М.В. Голомидова рассматривает искусственную

номинацию как «номинативный акт, который принадлежит сфере *институированной* коммуникации и ставит своей целью создание наименования, рассчитанного на априорную узуализацию» [2, с. 45]. Как отмечает исследовательница, «в настоящее время искусственная топонимическая номинация имеет важное общественное значение, поскольку отвечает насущным задачам практической и духовной деятельности» [2, с. 146]. Наименования адресных объектов зависят от социальных, экономических, идеологических и под. факторов. Часто наименования улиц – это средство увековечить определённых деятелей, события и т. д., повседневно обращаться к ним внимание жителей и гостей города. Годонимы выполняют также образовательную функцию [15].

Объект нашего исследования – годонимы двух городов Большого Донбасса – г. Шахтёрска Донецкой Народной Республики и г. Каменска-Шахтинского Ростовской области Российской Федерации, – эксплицирующие с помощью своих производящих основ топоморфный код культуры. В то время как **предмет исследования** составляют лексико-семантические особенности данного типа наименований.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки годонимов из различных реестров наименований адресных объектов названных населённых пунктов.

Годонимикон города Шахтёрска включает в себя 361 наименование, в то время как годонимикон города Каменска-Шахтинского – 229 наименований.

Следует отметить, что топоморфный культурный код «объективируется при помощи отапельлятивных и отонимных названий, указывающих на другой линейный или природный объекты, относительно которых происходит номинация» [3, с. 65]. Топоморфный культурный код довольно часто реализуется в наименованиях линейных объектов.

Анализ выборки показал, что годонимы, реализующие топоморфный культурный код, включают в себя значительную часть наименований линейных объектов: 87 единиц в г. Шахтёрске (24,1 % от общего числа наименований) и 68 единиц в г. Каменске-Шахтинском (29,7 % от общего числа наименований). Таким образом, топоморфный культурный код по частотности реализации в годонимиконе изучаемых городов уступает только антропоморфному культурному коду.

М.Л. Дорофеев рассматривает топоморфный код в виконимии Белорусского Поозерья в рамках оппозиции «свой/чужой» [3]. При этом исследовательница отмечает, что возможны разные понимания объёма этой антонимической пары. Как правило, компонент «свой» включает наименования, мотивированные другим топонимом в рамках исследуемого населённого пункта. В годонимах городских населённых пунктов компонент «чужой» часто включает наименования, восходящие к именам собственным других населённых пунктов, связи с которыми, как правило, важны для горожан. А.С. Самигуллина также связывает реализацию пространственного кода культуры с оппозицией «свой/чужой», что, как указывает исследовательница, соотносится с архетипами сознания [9].

Лексико-семантический анализ производящих основ годонимов городов Шахтёрска и Каменска-Шахтинского позволил нам выделить несколько групп наименований:

1. Годонимы, которые указывают на расположение адресного объекта в определённом районе города относительно стороны света, пространства всего населённого пункта или его отдельных частей и т. д.: ул. *Верхняя* (г. Шахтёрск), ул. *Верхняя* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Восточная* (г. Шахтёрск), ул. *Восточная* (г. Каменск-Шахтинский), мкрн. *Восточный* (г. Шахтёрск), ул. *Западная* (г. Шахтёрск),

ул. *Западная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Северная* (г. Шахтёрск), пер. *Северный* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Южная* (г. Шахтёрск), ул. *Южная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Центральная* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Центральный* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Пригородная* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Дальний* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Нижне-Профильная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Профильная* (г. Каменск-Шахтинский).

Адресные наименования внутригородских линейных объектов этой группы представляют собой так называемые годонимы-ориентиры, которые по выполняемой ими функции прежде всего как раз и направлены на то, чтобы ориентировать реципиента в пространстве. При этом некоторые годонимы указывают на местоположение относительно других частей города: например, ул. *Профильная* в г. Каменске-Шахтинском получила своё название, потому что расположена вдоль восточной границы («*профиля*») посёлка *Подскельный* (сейчас это микрорайон города).

Как видно из примеров, идентичные наименования представлены в двух исследуемых городах Большого Донбасса, что говорит о распространённости годонимов такого типа.

2. Годонимы, мотивированные названиями внутригородских объектов и организаций:

2.1. Годонимы, указывающие на производственные и хозяйственные объекты, места организованной торговли: ул. *Арсенальная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Базарная* (г. Шахтёрск), пер. *Базарный* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Заводская* (г. Шахтёрск), ул. *Заводская* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Заводской* (г. Шахтёрск), ул. *Карьерная* (г. Шахтёрск), пер. *Карьерный* (г. Шахтёрск), ул. *Каменный Карьер* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Криничный* (г. Шахтёрск), ул. *Колхозная* (г. Шахтёрск), пер. *Колхозный* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Малоколхозная* (г. Шахтёрск), ул. *Мельничная* (г. Шахтёрск), пер. *Мельничный* (г. Шахтёрск), ул. *Нефтепровод* (г. Шахтёрск), ул. *Рудничная* (г. Шахтёрск), ул. *Рудничная* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Рудничный* (г. Шахтёрск), ул. *Складская* (г. Шахтёрск), ул. *Совхозная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Шахтная* (г. Шахтёрск), ул. *Огородная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Ретрансляторная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Ярмарочная* (г. Каменск-Шахтинский).

Годонимы этой группы через свои производящие основы указывают на важные для экономики городов объекты. Отметим, что некоторые из этих годонимов (ул. *Колхозная*, ул. *Малоколхозная*, пер. *Колхозный*) соотносятся с уже несуществующими объектами. Это указывает на временное запаздывание фиксации реалий окружающей действительности в ономастической картине мира. Наиболее ярко это проявляется в годонимах, реализующих социально-идеологический культурный код.

Общими для обоих населённых пунктов в этой группе являются годонимы, основы которых семантически связаны с добычей полезных ископаемых (*карьер* и *рудник*): ул. *Карьерная* (г. Шахтёрск), пер. *Карьерный* (г. Шахтёрск), ул. *Каменный Карьер* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Рудничная* (г. Шахтёрск), ул. *Рудничная* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Рудничный* (г. Шахтёрск). Ср. ул. *Шахтная* (г. Шахтёрск). Также, как видно из примеров, для городского пространства обоих населённых пунктов важным оказалось обозначить в системе годонимов такие ориентиры, как *базар* и *завод*: ул. *Базарная* (г. Шахтёрск), пер. *Базарный* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Заводская* (г. Шахтёрск), ул. *Заводская* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Заводской* (г. Шахтёрск).

2.2. Годонимы, указывающие на транспортную инфраструктуру населённого пункта и учреждения связи: ул. *Выездная* (г. Шахтёрск), пер. *Вокзальный* (г. Шахтёрск), пер. *Деповский* (г. Шахтёрск), ул. *Железнодорожная* (г. Шахтёрск), ул. *Мостовая* (г. Шахтёрск), пер. *Мостовой* (г. Шахтёрск), ул. *Почтовая* (г. Шахтёрск), пер. *Придорожный* (г. Шахтёрск), ул. *Шоссейная* (г. Шахтёрск), ул. *Гаражная* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Железнодорожный* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Нижне-Проездная* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Переездный* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Почтовый* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Придорожный* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Проездная* (г. Каменск-Шахтинский), проезд *1040 км* (г. Каменск-Шахтинский), проезд *1036 км* (г. Каменск-Шахтинский), проезд *1043 км* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Станционный* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Шоссейная* (г. Каменск-Шахтинский).

Эта подгруппа годонимов также отсылает к важным для функционирования населённого пункта объектам, благодаря которым происходит перемещение людей и товаров. Эти наименования ориентирует реципиента в пространстве относительно транспортной сети – как автомобильных путей, так и железной дороги. В г. Каменск-Шахтинском, например, три годонима соотносятся с остановочными пунктами Северо-Кавказской железной дороги (проезд *1036 км*, проезд *1040 км*, проезд *1043 км*).

2.3. Годонимы, указывающие на учреждения сферы образования, культуры и здравоохранения: ул. *Школьная* (г. Шахтёрск), ул. *Школьная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Ясельная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Театральная* (г. Шахтёрск), ул. *Клубная* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Клубный* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Парк Культуры* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Амбулаторная* (г. Шахтёрск), пер. *Амбулаторный* (г. Шахтёрск). Годонимы данной подгруппы семантически соотносятся с заведениями, играющими роль в воспроизводстве населения и выполняющими функции образования, социализации, досуга и поддержки общественного здоровья.

2.4. Годонимы, указывающие на природные объекты и особенности ландшафта внутригородского пространства: ул. *Набережная* (г. Шахтёрск), ул. *Береговая* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Речная* (г. Шахтёрск), ул. *Речная* (г. Каменск-Шахтинский), пер. *Речной* (г. Шахтёрск), пер. *Речной* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Озерная* (г. Шахтёрск), пер. *Озерный* (г. Шахтёрск), ул. *Родниковая* (г. Шахтёрск), ул. *Подгорная* (г. Шахтёрск), ул. *Балочная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Нижне-Балочная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Овражная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Полевая* (г. Шахтёрск), пер. *Полевой* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Степная* (г. Шахтёрск), пер. *Степной* (г. Шахтёрск), пер. *Степной* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Лесная* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Луговая* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Садовая* (г. Шахтёрск), пер. *Садовый* (г. Шахтёрск).

Так, в названиях линейных объектов этой группы зафиксированы важные природные особенности населённого пункта. Например, такие годонимы, как ул. *Набережная*, ул. *Речная*, пер. *Речной* косвенно указывают на водные объекты г. Шахтёрска – речку Ольховая (левый приток Крынки). Исторически г. Каменск-Шахтинский также возник на берегах реки – Малой Каменки, от которой город и получил свое название. Современный город расположен на берегу Северского Донца, правого притока Дона. Такие годонимы, как ул. *Береговая*, ул. *Речная*, пер. *Речной* также отсылают к местоположению водных артерий города.

3. Годонимы, соотносимые с названиями поселков и сёл, вошедших в состав городов или примыкающих к ним: пер. *Сердитянский* (г. Шахтёрск), ул. *Лиховская* (г. Каменск-Шахтинский). Так, наименование пер. *Сердитянский* в г. Шахтёрске

отсылает к названию посёлка городского типа *Сердитое*. Годоним ул. *Лиховская* в г. Каменске-Шахтинском соотносится с названием микрорайона *Лиховской*, который раньше был посёлком городского типа. В свою очередь посёлок *Лиховской* получил своё название по имени казачьего хутора *Лихой*, по которому протекает река *Лихая*.

4. Годонимы, соотносимые с названиями городов региона, России и в целом постсоветского пространства: ул. *Барнаульская* (г. Шахтёрск), ул. *Белгородская* (г. Шахтёрск), ул. *Брестская* (г. Шахтёрск), ул. *Донецкая* (г. Шахтёрск), пер. *Донецкий* (г. Шахтёрск), ул. *Житомирская* (г. Шахтёрск), ул. *Иркутская* (г. Шахтёрск), ул. *Киевская* (г. Шахтёрск), ул. *Красноярская* (г. Шахтёрск), ул. *Ленинградская* (г. Шахтёрск), ул. *Львовская* (г. Шахтёрск), ул. *Минская* (г. Шахтёрск), ул. *Московская* (г. Шахтёрск), пер. *Московский* (г. Шахтёрск), ул. *Норильская* (г. Шахтёрск), ул. *Одесская* (г. Шахтёрск), ул. *Полтавская* (г. Шахтёрск), ул. *Ростовская* (г. Шахтёрск), пер. *Ростовский* (г. Шахтёрск), ул. *Севастопольская* (г. Шахтёрск), ул. *Сумская* (г. Шахтёрск), пер. *Сумской* (г. Шахтёрск), ул. *Ташкентская* (г. Шахтёрск), ул. *Харьковская* (г. Шахтёрск), ул. *Черниговская* (г. Шахтёрск), ул. *Волгоградская* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Киевская* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Краснодонская* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Московская* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Ростовская* (г. Каменск-Шахтинский).

Как видно из примеров этой группы, в Шахтёрске больше годонимов, которые соотносятся с ойконимами, при этом значительная часть из этих наименований городских населённых пунктов относится к городам, территориально расположенных в двух бывших республиках СССР: 1) УССР (ул. *Житомирская*, ул. *Киевская*, ул. *Львовская*, ул. *Одесская*, ул. *Полтавская*, ул. *Сумская*, пер. *Сумской*, ул. *Харьковская*, ул. *Черниговская*) и 2) РСФСР (ул. *Барнаульская*, ул. *Белгородская*, ул. *Иркутская*, ул. *Красноярская*, ул. *Ленинградская*, ул. *Московская*, пер. *Московский*, ул. *Норильская*, ул. *Ростовская*, пер. *Ростовский*, ул. *Севастопольская*). Некоторые из наименований линейных объектов соотносятся с названиями белорусских городов – ул. *Брестская*, ул. *Минская*. Одно наименование соотносится с названием столицы Узбекистана – ул. *Ташкентская*. Таким образом, среди годонимов этой группы в ономастическом пространстве г. Шахтёрска равномерно представлены номинации линейных адресных объектов, соотносимые с названиями городов как УССР, так и РСФСР. В то время как годонимы этой группы г. Каменска-Шахтинского по большей части указывают на названия городов РСФСР, и только один годоним отсылает к названию города УССР (ул. *Киевская*).

5. Годонимы, соотносимые с названиями регионов: пер. *Донбасский* (г. Шахтёрск), ул. *Алтайская* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Кавказская* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Уральская* (г. Каменск-Шахтинский). Сюда же относятся годонимы, соотносимые с названиями бывших республик СССР (ныне – с названиями отдельных стран): ул. *Белорусская* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Украинская* (г. Каменск-Шахтинский). Как видно из примеров, годонимы этой группы в большей мере представлены в годонимиконе г. Каменска-Шахтинского и, как правило, отсылают к разным географическим регионам РСФСР / Российской Федерации.

6. Годонимы, соотносимые с гидронимами: ул. *Азовская* (г. Шахтёрск), ул. *Амурская* (г. Шахтёрск), ул. *Донская* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Печорская* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Рыгинская* (г. Каменск-Шахтинский), ул. *Северо-Донецкая* (г. Каменск-Шахтинский). Однако следует отметить, что годоним ул. *Азовская* семантически может соотноситься как с номинацией *Азовское море*, так и с наименованием населённого пункта (город *Азов*).

В нашем материале это немногочисленная группа наименований, при этом входящие в её состав годонимы связаны как с близкими, так и с дальними водными объектами. Например, годоним ул. *Рыгинская* соотносится с названием небольшой реки *Рыгин*, правого притока Северского Донца. По имени реки назван также хутор *Рыгин*, который входит в черту города Каменска-Шахтинского. Ул. *Рыгинская* географически находится рядом с речкой *Рыгин*. Ул. *Северо-Донецкая* г. Каменска-Шахтинского также расположена недалеко от берега реки *Северский Донец*. Номинации ул. *Амурская* г. Шахтёрска и ул. *Печорская* г. Каменска-Шахтинского в свою очередь соотносятся с гидронимами, которые находятся далеко от данных населённых пунктов.

В структурном плане большая часть рассматриваемых годонимов, реализующих топоморфный культурный код, представляет собой однокомпонентные названия. Годонимы этого структурного типа состоят из одного слова, не считая термина-классификатора (*улица, переулок, проезд*), который употребляется в обязательном порядке. К двухкомпонентным годонимам относятся следующие наименования: проезд *1036 км*, проезд *1040 км*, проезд *1043 км*. Кроме номенклатурного термина, годонимы этой разновидности, как видно из примеров, в нашем материале включают составное числительное и существительное, обозначающее единицу измерения расстояния. Преобладание однокомпонентных наименований в целом характерно для годонимикона русскоязычных городов. В то время как в устной речи присутствует тенденция к универбализации, т. е. к трансформации многословного годонима в однословный.

Таким образом, анализ годонимов таких городов Большого Донбасса, как г. Шахтёрск РФ и г. Каменск-Шахтинский РФ в аспекте реализации с помощью их годонимопроизводящих основ топоморфного культурного кода прежде всего позволяет утверждать, что эта группа наименований линейных объектов представляет значительный пласт годонимикона изучаемого региона и уступает лишь годонимам, реализующим антропоморфный культурный код. В годонимах, эксплицирующих топоморфный код культуры, отражаются как географические особенности региона, так и его экономические и культурные характеристики. Рассмотреть принципы реализации топоморфного культурного кода в годонимиконе Большого Донбасса на более широком материале – следующая задача нашего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум // А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеев; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 180 с.
2. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике / М.В. Голомидова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского пед. института, 1998. – 232 с.
3. Дорофеев М.Л. Топоморфный код культуры в виконимии Белорусского Поозерья: специфика реализации / М.Л. Дорофеев // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Сборник научных статей международной конференции. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – С. 65–69.
4. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече: АСТ, 2003. – 511 с.
5. Кюрегян А.Л. Семиотика культуры и культурные коды / А.Л. Кюрегян // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – №4. – С. 79–81.
6. Мадиева Г.Б. Система современной урбаномистической терминологии / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – №2. – С. 11–125.
7. Мезенка Г.М. Коды культуры і ўрбананімія славян: падабенства і варыяцыі рэпрэзентацыі / Г.М. Мезенка // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: даклады беларускай дэлегацыі, XV Міжнар. з'езд славістаў, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г. / НАН Беларусі. – Мінск, 2013. – С. 99–108.

8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
9. Самигуллина А.С. Пространственный код культуры и его смысловые проекции / А.С. Самигуллина // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2007. – №1. – С. 82–87.
10. Сизова Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов: На материале английского, русского и французского языков : Дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Сизова. – Пятигорск, 2004. – 199 с.
11. Супрун В.И. Урбанонимы Элисты как лингвокультурный феномен / В.И. Супрун // In Nominum Spatio (В пространстве имён): Материалы I Международных ономастических чтений имени Е.С. Отина (Донецк, 16–18 октября 2015 г.). – Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2016. – С. 103–113.
12. Ярошенко Н.А. Культурные коды в урбанонимике Донбасса (на материале адъективных топонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н.А. Ярошенко, У.А. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2018. – № 3–4. – С. 59–66.
13. Ярошенко Н.А. Антропоморфный код в урбанонимике Донбасса (на материале отапеллятивных топонимов г. Донецка) / Н.А. Ярошенко // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.
14. Augustins G. Naming, dedicating: street names and tradition / G. Augustins // History Anthropol. – 2004. – Vol. 15. – P. 289–299.
15. Shackleton C.M. Urban street names: An opportunity to examine biocultural relationships? / C.M. Shackleton // PLoS ONE. – 7/25/2018. – Vol. 13. – Issue 7. – P. 1–13.

Поступила в редакцию 03.10.2020 г.

**TOPOMORPHIC CODE IN URBANONYMS OF THE GREAT DONBASS
(ON THE MATERIAL OF GODONYMS OF SHAKHTYORSK (DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC)
AND KAMENSK-SHAKHTINSKY (RUSSIAN FEDERATION))**

E.V. Ladnova

The article focuses on the analysis of the topomorphic code specifics as reflected in godonyms of Shakhtyorsk (Donetsk People's Republic) and Kamensk-Shakhtinsky (Russian Federation). The lexical, semantic, and structural characteristics of these proper names have been considered.

Key words: urbanonym, godonym, street, code of culture, Donbass.

Ладнова Екатерина Владимировна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Аспирант кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина.

E-mail: ciolkovskaja@gmail.com

Ladnova Ekaterina Vladimirovna.

Donetsk National University.

Postgraduate Student of General Linguistics and History of Language Department named after E.S. Otin.

E-mail: ciolkovskaja@gmail.com

УДК 659.1:654.197

РЕЧЕВАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ ТЕЛЕРЕКЛАМЫ

© 2020. *В.Ю. Светличная*

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе
Донецкой Народной Республики»*

Использование речевой избыточности в текстах рекламы можно отнести к наименее изученным, но чрезвычайно важным составляющим рекламного продукта. Краткий анализ примеров позволяет констатировать, что речевая избыточность в значительной мере способствует выполнению функции воздействия на реципиента, а потому является одним из важных элементов рекламного текста.

Ключевые слова: речевая избыточность, языковое воздействие, рекламный текст.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что рекламный процесс пронизывает все общественные ячейки, влияет на стиль и образ жизни, на культуру в целом, а значимость рекламной коммуникации в современном мире постоянно возрастает. Привлекая внимание специалистов разных отраслей (экономической, юридической, социологической, культурологической, психологической, эстетической), реклама является также важным многоаспектным объектом лингвокультурологических исследований. Внимание лингвистов останавливается на общелингвистическом изучении особенностей рекламного текста (Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь), композиционной структуре рекламного сообщения (Н.И. Клушина, Л.Г. Фещенко, Ю.В. Шатин), его лингвокультурологических особенностях (Е.П. Гаран, В.В. Добросельский, С.Н. Должникова, Е.Ю. Жданова, К.А. Ключко, Ю.М. Сторожук и др.). Проводится изучение определённых стилистических приёмов в рекламе (Л.А. Баркова, Е.А. Матвеева, Е.С. Стрельникова, Н.И. Тонкова), игрового аспекта рекламных текстов в современном русском языковом пространстве (Л.П. Амри, С.В. Ильясова, Е.Б. Курганова). Большой интерес вызывают проблемы речевого воздействия и манипулирования в процессе передачи рекламной информации (Е.Н. Басовская, П.Н. Махнин, Е.В. Медведева, Н.А. Остроушко, Е.С. Попова, Л.И. Рюмина).

Несмотря на множество лингвистических исследований, посвящённых изучению рекламных сообщений, вопрос о стилевом статусе текстов рекламы пока не получил последовательного решения и остаётся открытым. Современные лингвисты едины во мнении, что публицистический стиль советского времени с появлением рекламы как неотъемлемой части маркетинга, продукта культуры претерпевает существенные изменения. Определение места рекламы в системе функциональных стилей ведётся с учётом различных точек зрения. Одни лингвисты (В.Г. Костомаров, Т.Н. Лившиц) традиционно считают рекламу разновидностью публицистического стиля, другие (В.В. Катермина, Н.Н. Кохтев, Е.А. Мартинович) – результатом контаминации нескольких стилей (внестилевым текстом, межстилевым функциональным подтипом), третьи (Е.П. Гаран, Е.С. Кара-Мурза, М.Н. Макеева, А.В. Резенков) – особым стилем. Отсутствие в научной среде единого мнения по поводу отнесения текстов рекламы к одному из общепринятых функциональных стилей позволяет нам считать наиболее рациональным и логичным традиционное употребление термина «публицистический» при условии, что рекламный текст относится к периферии этого стиля.

Существующая неоднородность суждений о стилевом статусе рекламы, не мешает утверждать учёным, что реклама, как и другие тексты публицистического стиля, характеризуется информационно-воздействующей установкой. Следовательно, одной из основных функций рекламного сообщения с точки зрения прагматики является воздействующая, однако рекламные тексты выполняют и другие функции (эмотивную, эстетическую, информирующую, напоминающую, аттрактивную, популяризирующую, дифференцирующую, оценочную, регулятивную, моделирующую, образовательную и др.). «Реклама должна не только сообщать о наличии товара, но и так воздействовать на сознание и подсознание потенциального потребителя, главным образом всевозможными психологическими способами, чтобы обеспечить предпочтение данного товара или услуги перед другими аналогичными товарами или услугами» [4, с. 58]. При этом рекламный продукт остаётся результатом творческой деятельности, что предполагает определённую свободу при разработке рекламного сообщения в выборе и широком использовании средств (в том числе и вербальных) для выражения заложенной идеи и выполнения основных функций рекламы. Осуществление воздействующей функции рекламного текста в процессе побуждения реципиента к конкретному действию становится возможным, в том числе и за счёт использования речевой избыточности. Изучение этого феномена в составе рекламного текста может способствовать более глубокому пониманию не только самого языка рекламы, но и речевой избыточности как таковой, что подтверждает значимость и актуальность проводимого исследования.

Зачастую, когда в лингвистических работах речь идёт об избыточности какой-либо составляющей, грамматическая (языковая) избыточность приобретает статус термина, а избыточность речевая (контекстуальная) носит оценочную характеристику, подразумевающую наличие лишнего, ненужного элемента. Такое восприятие изучаемого феномена видится нам нежелательным. Понимание и определение избыточности, которое несёт оценочные суждения, представляется нам объективным и оправданным только в тех случаях, когда дублирующий компонент в качестве ошибки препятствует адекватному декодированию сообщения, является дефектом и используется неосознанно. В остальных случаях избыточность, выполняя основные функции и применяясь в языке как норма, имеет право на приобретение статуса термина и использование вне оценочных категорий. Под речевой (контекстуальной) избыточностью понимаем повторение информации (необязательной в грамматическом смысле), которая состоит в воспроизведении идентичных элементов и мотивирована социально-лингвистическими и психолингвистическими факторами [1, с. 9].

Речевая избыточность в текстах телерекламы, наряду с выполнением функции экономии речевых средств, содействием формированию и трансляции системы общечеловеческих ценностей, является средством языкового воздействия на реципиента. Ярче всего в этом качестве речевая избыточность проявляется в текстах социальной рекламы, которая одновременно создаёт, формирует эти ценности и отражает их. Транслируя определённые жизненные установки и идейные взгляды, она ориентирует человека на внутреннюю сторону жизни, которую определяют поступки, и в целом внедряет в массовое сознание общечеловеческие ценности, способствует адаптации человека к сложившимся обстоятельствам. В условиях сегодняшней пандемии коронавируса социальная реклама занимает одно из важнейших мест в формировании правильного общественного поведения в условиях самоизоляции и ограниченного межличностного взаимодействия. Так, в одном из социальных роликов российские медийные личности обратились к жителям страны с призывом оставаться дома в целях предотвращения распространения смертельной инфекции. Актёры, музыканты, ведущие, блогеры, комики, журналисты и даже герои мультфильмов, которые выступают на разных

телеканалах, рассказали, какие передачи можно посмотреть у их прямых конкурентов. Они подчеркнули, что не имеет значения, какой именно канал люди будут смотреть, главное, чтобы они оставались на самоизоляции: *«Не важно, что ты смотришь, важно, что ты остался дома»*. С этой же целью, призвать воздержаться от выхода на улицу во время самоизоляции, выступили в социальном рекламном ролике Константин Хабенский и Чулпан Хаматова (основатели благотворительных фондов помощи детям с онкологическими или иными тяжёлыми заболеваниями): *«Пожалуйста, оставайтесь дома и помогайте нам из дома. Хабенский: – Я сегодня дома. Хаматова: – И я сегодня дома»*. Эффективность текстов этих сообщений усиливается за счёт повтора слов с повышенной социальной значимостью на данном этапе жизни общества.

В сложившейся ситуации, когда экономическое состояние многих фирм и организаций ухудшилось в связи с понизившейся покупательной способностью потенциальных клиентов, рекламный посыл видеоклипов приобрёл иное звучание. Большинство брендов не рекламируют товары, а просто пытаются напомнить своей аудитории о том, что, адаптируясь к сложной текущей ситуации, сотрудники фирмы (бренда) продолжают работать и по-прежнему думают и помнят о потребностях своих клиентов. Множеством фирм и торговых марок создаются подобные ролики также с целью формирования ответственного отношения к сложившейся ситуации. В рекламных сообщениях некоторых из них часто используется речевая избыточность, выполняющая функцию усиления побуждения реципиента к сознательному гражданскому поведению. Так, в ролике бренда Head&Shoulders, специализирующегося на шампунях против перхоти, ничего не говорится ни о проблемах с кожей головы, ни о продукции. Визуальный ряд также никак не касается подобных аспектов. Смена кадров, демонстрирующих уют семьи, находящейся на самоизоляции, сопровождается текстом: *«Ради близких. Ради дружбы. Ради семьи. Ради дела. Ради любимых... Я остаюсь дома»*. Эксплицитная персуазивность этого ролика проявляется в анафоричном использовании слова **ради**, чем достигается основная цель данного послания: «Если коронавирус не страшен лично вам, оставайтесь дома ради сохранения жизни и здоровья близких». Текст рекламного ролика сети продуктовых супермаркетов «Пятёрочка» также содержит многократный повтор: *«Сегодня мы выходим на работу, чтобы продолжать трудиться от чистого сердца, чтобы сделать безопасность каждого приоритетом №1, чтобы поддержать всех, кто трудится, не покладая руля, чтобы встать плечом к плечу с командой, чтобы оставаться ближе друг к другу даже на расстоянии, чтобы помогать не касаясь, ведь это касается каждого, чтобы протянуть руку помощи всем, кому она необходима, чтобы передать дань уважения старшему поколению, чтобы обеспечить вас всем, к чему вы привыкли <...>. Ваши 200 000 сотрудников “Пятёрочки”. С заботой о каждом!»* Такой приём использования речевой избыточности (в данном случае анафоры) не только усиливает эмоциональный компонент текста, но и настойчиво передаёт оптимистичный и даже побуждающий к действиям посыл рекламного ролика, вызывает у потребителя ощущение многоплановой активной деятельности сотрудников сети, убеждает в необходимости повседневного участия работников продуктовых супермаркетов в жизни потребителя.

В рекламных и социальных роликах средством воздействия на сознательную жизненную позицию граждан чаще всего выступают слова, побуждающие воздержаться от неоправданного выхода из дома в сложный период пандемии. Речевая избыточность в таких случаях чаще всего выражена в форме фонетической тавтологии, например: *«Оставайтесь дома, оставаясь всегда на связи. На самой быстрой»* (мобильный оператор в России «Мегафон»), *«Оставаясь порознь, оставайтесь вместе»* (реклама пива «Heineken»). Также с целью внушения тех или иных мыслей, идей потенциальному

потребителю в рекламных текстах используется языковая игра («...*помогать не касаясь*, ведь это *касается* каждого», сеть продуктовых супермаркетов «Пятёрочка»), анадиплосис («*Кино и ТВ, миллионы треков, подкасты и журналы, 10 Гб в облаке мы включили в тарифы “Не один дома”, чтобы сказать вам “спасибо”. Спасибо, что оставаясь дома, остаётесь с нами*», оператор сотовой связи «Билайн»).

Намеренным является использование речевой избыточности и в роликах, посвящённых голосованию по поправкам в Основной закон Российской Федерации (июнь 2020 года). «*Наша страна, наша Конституция, наше решение!*» – заключительная фраза, единая для всех агитационных сообщений, посвящённых голосованию, посредством анафоры оказывает воздействие на жителей страны с целью убеждения, призыва проявить свою гражданскую позицию, прийти на избирательные участки и проголосовать за те изменения, которые необходимы для страны. Повтор слова *наша* создаёт логический акцент на причастности каждого жителя страны к судьбе *своего* государства, создаёт причинно-следственную обусловленность и придаёт тексту черты рассуждения. Данный слоган представляет собой пример максимально действенного использования речевой избыточности в рекламных текстах: максимум эффективности при минимуме слов.

Как видим, в текстах социальных и агитационных роликов зачастую используется речевая избыточность в качестве компонента, воздействующего на рациональную сферу восприятия реципиента. В процессе создания рекламного продукта не менее важным является воздействие и на эмоциональную сферу потенциального клиента. Поэтому в зависимости от целевой установки, наряду с персуазивностью, в рекламных текстах используются и средства суггестивного речевого воздействия (убеждение на уровне чувств и эмоций).

В большинстве случаев в процессе восприятия рекламного ролика эмоции «работают» эффективнее, чем логические рассуждения, а тот факт, что одним из самых устойчивых видов памяти является именно эмоциональная, часто принимается во внимание рекламодателями. Общее эмоциональное впечатление от рекламы автоматически переносится на товар или услугу, что значительно влияет на потребительское решение. Не случайно рекламные тексты насыщены образами, вызывающими положительные эмоции. А дублирование позитивно направленных экспрессивных лексических единиц усиливает эмоциональное воздействие на выбор целевой аудитории. В рекламных роликах активно используются средства, вызывающие положительные эмоции, связанные с чем-то идеальным: любовь, творчество, восхищение, стремление к совершенству, идеалу, мечте («*Кто-то мечтает построить свой замок. Кто-то мечтает о важном моменте. Не важно, о чём ты мечтаешь. Богатый вкус и великолепный аромат кофе Jacobs вдохновит мечтать с открытыми глазами. Jacobs ароматия*»). Или акцентируется внимание на удовольствии физического уровня: удовольствие от еды, ощущение комфорта («*Уже 150 лет “Heinz”, известный и любимый во всём мире, делает еду вкуснее, вкуснее, вкуснее, вкуснее! Heinz. 150 лет вкусной еды!*» – реклама кетчупа). В рекламе «Coca cola» составителями продающего текста используется повтор комбинации слов с положительной эмоциональной окраской двух уровней (идеального и материального): «*Вместе с “Coca cola” вкуснее. Как вкуснее с самыми близкими и далёкими родственниками. С первой любовью или самой главной. Пока мы разделяем вкусы друг друга, мы вместе. А вместе – вкуснее. “Coca cola”*». Сочетание выделенных слов с названием товара не только эксплицирует определённый образ жизни, но и способствует созданию желаемой для рекламодателя ассоциативной связи: «Coca cola» – вкусно – радость общения с родными и любимыми. На начальном этапе восприятия подобных текстов, содержащих речевую избыточность, происходит пассивное

запоминание повторяющихся элементов, после чего информация перерабатывается рассудком и, эмоционально окрашенная, создающая определённые чувственные образы, внедряется в память, начинает воздействовать на сознание потенциального клиента.

«Языковой эксперимент со словом в рекламе имеет прагматическую направленность: стремление произвести на адресата сильное впечатление и побудить его к необходимым рекламодателю действиям рождает неординарные средства и способы вербального воплощения интенций» [2, с. 17]. Не последнюю роль в этом процессе играет речевая избыточность, которая активно используется в рекламе, несмотря на такие характерные черты текстов подобного типа, как краткость и лаконичность. Употребление речевой избыточности в рекламных текстах достаточно эффективно, т.к. позволяет остановиться на важных моментах сообщения и зафиксировать их в сознании реципиента. Воспроизведение идентичных элементов не только привлекает внимание, но и добавляет новые оттенки к содержанию высказывания, подчёркивает значимость отдельных его элементов, активизирует персуазивно-суггестивный потенциал текста.

Использование речевой избыточности в текстах рекламы можно отнести к наименее изученным, но чрезвычайно важным составляющим рекламного продукта. Краткий анализ примеров позволяет констатировать, что речевая избыточность в значительной мере способствует выполнению функции воздействия на реципиента, а потому является одним из важных элементов рекламного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wit E.J.C. What is Linguistic Redundancy? / E.J.C. Wit, M. Gillette. – Technical Report The University of Chicago March 15, 1999. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/182d/3980d8f41616da690d607f6f980dbf582352.pdf> (accessed: 28.02.2020).
2. Гаран Е.П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е.П. Гаран. – Ростов-на-Дону, 2009. – 21 с.
3. Ковешикова М.Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования / М.Н. Ковешикова // Царскосельские чтения. – 2014. – № XVIII. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-manipulyatsiya-i-priemy-rechevogo-manipulirovaniya> (дата обращения: 02.07.2020).
4. Феофанов О.А. Реклама. Новые технологии в России / О.А. Феофанов. – СПб. : Питер, 2000. – 377 с.

Поступила в редакцию 03.10.2020 г.

CONTEXTUAL REDUNDANCY AS MEANS OF LANGUAGE INFLUENCE IN TV ADVERTISING TEXTS

V.Y. Svetlichnaia

The use of contextual redundancy in advertising texts can be attributed to the least studied, but extremely important components of an advertising product. A brief analysis of examples enables to state that speech redundancy significantly contributes to the performance of the function of influencing the recipient, and therefore is one of the important elements of the advertising text.

Key words: contextual redundancy, linguistic influence, advertising text.

Светличная Влада Юрьевна.

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики». Старший преподаватель кафедры краеведения. E-mail: v.y.svet@mail.ru

Svetlichnaia Vlada Yurievna.

Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic. Senior lecturer of Local History Department. E-mail: v.y.svet@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

**ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ КЛЮЧЕЙ К ЯЗЫКОВЫМ УПРАЖНЕНИЯМ:
ПСИХОЛОГО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
(РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ Т.Н. ФЕДУЛЕНКОВОЙ
«КЛЮЧИ К УЧЕБНИКУ “ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРС АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.
1 КУРС. ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА В.Д. АРАКИНА”»**

© 2020. А.М. Поликарпов¹, Н.А. Авдеева², А.В. Валуева²

¹ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

²ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

В рецензируемом пособии-спутнике к учебнику по английскому языку, изданному под руководством профессора В.Д. Аракина, предлагается оригинальный алгоритм работы с ключами к упражнениям, широкая и многоступенчатая апробация которого убедительно показала его психолого-дидактическую и лингвистическую эффективность в практике преподавания современного английского языка в высшей школе.

Ключевые слова: пособие-спутник, ключи к языковым упражнениям, алгоритм работы, психолого-дидактическая и лингвистическая эффективность.

Применение ключей к упражнениям на выработку различных умений и навыков не культивировалось в традиционном обучении практике иностранного языка в отечественной дидактике и в течение длительного времени не имело теоретического и методологического обоснования. Работа над языком и выполнение языковых упражнений с помощью ключей не считалась корректной и дидактически целесообразной. Лишь в последние два десятилетия обращение методистов к ключам получает широкое распространение. Это объясняется потребностью интенсифицировать процесс обучения иностранному языку, с одной стороны, и необходимость сэкономить объем аудиторного времени на языковые упражнения тренировочного, непродуктивного характера, с другой стороны.

В связи с развитием востребованной временем теории и практики проектирования индивидуальной траектории обучения, образовательного маршрута и интеллектуального роста студента [8, с. 83; 13; 15] в современной высшей школе все больше времени уделяется организации самостоятельной работы обучающихся. И в этом смысле ключи к упражнениям программных учебников и учебных пособий по иностранному языку призваны выполнять особую роль в процессе подготовки специалистов как в практике языка (преподавание, коммуникация, перевод, интерпретация), так и в теоретических дисциплинах (фразеология, стилистика, типология).

Предвосхищая роль самостоятельной работы обучающихся иностранному языку в интенсификации процесса обучения, как внеаудиторного, так и аудиторного, профессор В.Д. Аракин – выдающийся лингвист с мировым именем, крупнейший специалист по сопоставительной типологии языков и лингводидактике – обращал внимание своих коллег и учеников на необходимость уделять особое внимание планированию и контролю не только аудиторной, но и внеаудиторной работы студентов и нацеливал

своих последователей разрабатывать специальные пособия для студентов, регламентирующие разнообразные виды тренировочных, полупродуктивных и творческих упражнений в изучаемом иностранном языке.

Преимущественно для аудиторной работы по английскому языку со студентами под руководством профессора В.Д. Аракина несколько десятилетий назад была впервые издана серия вузовских учебников по практике речи, состоящая из пяти частей, в соответствии с пятью годами обучения по специальности «Иностранный язык» и «Лингвистика и перевод». Для этой серии учебников весьма характерен солидный выбор разнообразных по характеру упражнений, нацеленных как на репродуктивное, так и на продуктивное усвоение материала, что, вне всякого сомнения, является сильной дидактической стороной этой серии, неоднократно переиздаваемой и пользующейся чрезвычайной популярностью как в студенческой, так и преподавательской среде [3].

Уже с самого первого выпуска этого учебного издания В.Д. Аракин видел и неоднократно подчеркивал целесообразность дополнения каждого учебника этой серии специализированным учебно-методическим комплексом, который включал бы пособия-спутники к учебникам этой серии, содержащими ключи и ответы к упражнениям. Цель таких учебников-спутников виделась автором в том, чтобы предложить студентам еще одну возможность активного усвоения языкового материала при непосредственном взаимодействии с изучаемым иностранным языком вне пределов учебного времени в аудиторном пространстве [6, с. 128].

Выполняя наставления своего Учителя, связанные с разработкой учебно-методического комплекса в предложенном направлении, Т.Н. Федуленкова – по окончании аспирантуры под руководством профессора В.Д. Аракина и после успешной защиты кандидатской диссертации – всю свою творческую деятельность направляет на интенсивную разработку проспектов и составление пособий-спутников к данной серии учебников по английскому языку. Рецензируемое учебное пособие Т.Н. Федуленковой [10] представляет собой, по сути своей, неотъемлемую структурную единицу учебно-методического комплекса и комплекта учебников английского языка для педагогических вузов, изданного под редакцией В.Д. Аракина.

Особо следует отметить, что появлению в печати рецензируемого пособия-спутника Т.Н. Федуленковой к учебнику первого курса профессора В.Д. Аракина предшествовала публикация ряда аспектуальных работ фрагментарного характера Т.Н. Федуленковой [11; 12; 14; 16], отражающих методологические установки и дидактические идеи профессора [4] и его школы и содержащих развитие лингво-прагматических откровений Учителя.

Цель рецензируемого учебного пособия-спутника – не только указать верные ответы выполнения различных упражнений, но и представить различные варианты этих ответов, что дает возможность студенту постоянно видеть язык в расширяющейся перспективе, в динамике, поскольку вариантность есть один из основных способов развития любого языка.

Характеризуя структуру учебного пособия Т.Н. Федуленковой, отмечаем, что данное пособие-спутник состоит из трех разделов: коррективного курса, основного курса и грамматических упражнений (Grammar exercises), и в нем представлены ключи ко всем лексическим и грамматическим упражнениям учебника «Практический курс английского языка. 1 курс» профессора В.Д. Аракина. «Коррективный курс» пособия-спутника Т.Н. Федуленковой включает восемь уроков и «Основной курс» включает девять уроков. В дополнение к названным разделам в пособие включен раздел

«Grammar exercises», который содержит ключи к грамматическим упражнениям, предложенным в качестве приложения к урокам основного курса учебника В.Д. Аракина, а также упражнения на повторение временных форм глагола и категории залога. Лингво-прагматическая ценность этого раздела заключается в наличии ряда разнообразных упражнений по формированию и развитию необходимых для коммуникации грамматических навыков, по расширению словарного запаса, по совершенствованию переводческих умений и навыков. При этом отметим четкую и лаконичную сформулированность и неизменную лингво-дидактическую и прагматическую направленность заданий ко всем упражнениям.

Знакомясь с *Приказом Минобрнауки России «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата)»*, преподаватели неизменно принимают во внимание такое важное указание, как «выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать профессиональными компетенциями (ПК), соответствующими виду (видам) профессиональной деятельности, на который (которые) ориентирована программа бакалавриата» [7]. Отвечая требованиям ФГОС, учебное пособие-спутник Т.Н. Федуленковой сосредоточивается на развитии важнейших профессиональных компетенций в основных областях профессиональной деятельности, а именно: а) в области лингводидактической деятельности, б) области переводческой деятельности, в) в области консультативно-коммуникативной деятельности.

Подготовка к лингводидактической деятельности предполагает развитие у студентов таких важных, приоритетных компетенций, как: а) владение средствами и методами профессиональной деятельности учителя и преподавателя иностранного языка, а также закономерностями процессов преподавания и изучения иностранных языков; б) способность использовать учебники, учебные пособия и дидактические материалы по иностранному языку для разработки новых учебных материалов по определенной теме; в) способность использовать достижения отечественного и зарубежного методического наследия, современных методических направлений и концепций обучения иностранным языкам для решения конкретных методических задач практического характера; г) способность целесообразно строить учебный процесс, осуществляя педагогическую деятельность в образовательных организациях дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего и среднего профессионального образования, а также дополнительного лингвистического образования, включая дополнительное образование детей и взрослых и дополнительное профессиональное (в соответствии с задачами конкретного учебного курса и условиями) обучение иностранным языкам, д) способность критически анализировать учебный процесс и учебные материалы с точки зрения их эффективности.

Подготовка к переводческой деятельности предполагает развитие у студентов таких компетенций, как а) владение методикой предпереводческого анализа текста, способствующей точному восприятию исходного высказывания; б) владение методикой подготовки к выполнению перевода, включая поиск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях; в) владение основными способами достижения эквивалентности в переводе и способностью применять основные приемы перевода; г) способность осуществлять письменный перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм; д) способность оформлять текст перевода в компьютерном текстовом редакторе; е) способность осуществлять устный

последовательный перевод и устный перевод с листа с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм текста перевода и темпоральных характеристик исходного текста.

Подготовка к консультативно-коммуникативной деятельности предполагает развитие у студентов таких компетенций, как а) способность осуществлять информационно-лингвистическую деятельность, то есть умение работать с основными информационно-поисковыми и экспертными системами, системами представления знаний, синтаксического и морфологического анализа, автоматического синтеза и распознавания речи, обработки лексикографической информации и автоматизированного перевода, автоматизированными системами идентификации и верификации личности; б) владение необходимыми интеракционными и контекстными знаниями, позволяющими преодолевать влияние стереотипов и адаптироваться к изменяющимся условиям при контакте с представителями различных культур; в) владение нормами этикета, принятыми в различных ситуациях межкультурного общения (сопровождение туристических групп, обеспечение деловых переговоров, обеспечение переговоров официальных делегаций).

Новаторский подход Т.Н. Федуленковой к контролю самостоятельной работы студентов с ключами заключается в том, что этот подход предполагает: а) аудиторное предъявление не чистового письменного варианта выполнения упражнений, а чернового, то есть письменно выполненного упражнения с фиксацией допущенных в ходе работы ошибок и их исправлением контрастными чернилами, б) аудиторное чтение с листа, то есть контрольное устное выполнение домашнего упражнения с опорой на текст учебника (стоя перед аудиторией студентов, готовых дать оценку работе), а не только предъявление преподавателю письменно выполненного домашнего задания. Предложенная оригинальная организация проверки выполнения самостоятельной (домашней) работы предупреждает банальное списывание студентом текста ключей и, как следствие, способствует более прочному усвоению грамматики и лексики изучаемого языка и высвобождает значительную часть аудиторного времени для творческой работы и непосредственного общения обучающихся на английском языке.

Апробация рецензируемого пособия-спутника, проходившая в несколько ступеней на факультетах иностранных языков и романо-германской филологии в таких неординарных вузах, как Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, Тюменский государственный университет, Северодвинский филиал Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, показала его высокую эффективность в учебном процессе высшей школы, в обучении современному английскому языку как основной специальности.

Эффективность рецензируемого пособия-спутника с дидактической точки зрения заключается в том, что в данном издании сделан особый акцент на усвоении нормативного, официального варианта современного английского языка, не исключающего знакомство с профессионализмами, фразеологизмами и студенческим сленгом.

Во-вторых, эффективность рецензируемого пособия-спутника с лингвистической точки зрения заключается в том, что в учебном пособии большое внимание уделяется (а) работе по усвоению грамматических категорий посредством упражнений по структуре и синтагматике языка, а также (б) работе по усвоению активно используемого в современной коммуникации лексикона и фразеоконна посредством

упражнений по внутрисистемным парадигматическим отношениям между лексическими и фразеологическими единицами английского языка.

Наконец, эффективность рецензируемого пособия-спутника с психологической точки зрения заключается в том, что, отбор языкового материала для изучения и его структурирование и дидактическая подача способствуют повышению самооценки обучающихся, дальнейшему развитию самостоятельности и творческой инициативы будущих лингвистов в избранной ими отрасли трудовой деятельности. Следование предложенному алгоритму выполнения самостоятельной работы приводит обучаемого к осознанию того простого факта, что он имеет право выбора и более того – право на ошибку, что способствует постепенному избавлению студента от неуверенности и страха за последствия от неправильно выполненного задания.

Представляется целесообразным использование ключей для организации рефлексии обучающихся, которая является важной составляющей интерактивных технологий, предполагающих совместную деятельность педагога и студентов [1, с. 32]. Преподаватель выступает в роли фасилитатора, создавая условия для формирования профессионального самосознания молодых людей, повышения мотивации к изучению иностранных языков [2, с. 139]. Работа с пособием-спутником позволяет организовать обучение в сотрудничестве, осуществлять своевременную и объективную обратную связь со студентами, приносить позитивный заряд в учебную аудиторию. Происходит взаимообогащение участников учебного процесса и последующее их продвижение в образовательном пространстве.

В результате апробации данного пособия-спутника предложены рекомендации для составления индивидуальной траектории обучения английскому языку наиболее одаренных студентов, предусматривающей как наличие содержательного компонента в виде индивидуального образовательного маршрута, так и разработанного способа его реализации в виде ряда технологий организации образовательного процесса, рассчитанных на конкретных студентов [5, с. 4].

Вполне очевидно, что рецензируемое учебное пособие призвано стимулировать стремление обучающегося к постоянному саморазвитию, повышению своего мастерства и квалификации, в результате чего обучающийся сможет критически оценивать собственные достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства саморазвития [6, с. 128]. Данное пособие, вне всякого сомнения, будет способствовать пониманию обучающимся значимости своей будущей профессии и развитию высокой мотивации к выполнению профессиональной деятельности.

Считаем, что рецензируемое издание, помимо будущих лингвистов и переводчиков, может быть рекомендовано студентам первых-третьих курсов, получающим педагогическое и психолого-педагогическое образование и обучающимся по профилю «Психология образования», «Психология и педагогика дополнительного образования», а также студентам, обучающимся по специальностям «Журналистика», «Религиоведение» и «Культурология».

Несомненная актуальность этой книги, ее неоспоримая лингводидактическая ценность и широкая востребованность среди обучаемой и обучающей аудитории сделали бестселлером оба ее издания тиражом более пяти тысяч экземпляров [9; 10]. Выражаем твердую уверенность в том, что это издание станет настоящей настольной книгой студента-лингвиста, надежным его спутником в овладении основными профессиональными компетенциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева Н.А. Коммуникативная компетентность преподавателя как условие эффективного использования интерактивных методов обучения иностранному языку / Н.А. Авдеева // Материалы VIII Международной науч.-практ. конф. «Учитель, ученик, учебник» на Факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, 26–27 мая 2016 года. – М.: Изд-во КДУ, 2016. – С. 32–36.
2. Авдеева Н.А. Применение активных методов обучения как необходимое условие формирования мотивации к изучению иностранного языка / Н.А. Авдеева // Организация самостоятельной работы студентов: Материалы докладов IV Международной очно-заочной науч.-практ. конф. (27 ноября 2015 г.). – Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2015. – С. 139–144.
3. Аракин В.Д. Практический курс английского языка. В 5-ти томах / В.Д. Аракин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://s.11klasov.ru/12943-prakticheskij-kurs-anglijskogo-jazyka-1-5-kursy-arakin-vd-i-dr.html> (дата обращения: 01.09.2020).
4. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования / В.Д. Аракин. – М.: Высшая школа, 1989. – 158 с.
5. Логинова Ю.Н. Понятия индивидуального образовательного маршрута и индивидуальной образовательной траектории и проблема их проектирования / Ю.Н. Логинова // Библиотека журнала «Методист». – № 9. – 2006. – С. 4–7.
6. Макарова Н.Г. Факторный анализ психических процессов личности современного студента / Н.Г. Макарова // EuropeanSocialScienceJournal. – 2014. – Т. 2, № 3(42). – С. 128–133.
7. Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 №940 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2014 № 33786). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf (дата обращения: 20.08.2017).
8. Ситдикова Г.Р. Проектирование образовательных маршрутов как фактор повышения качества образования / Г.Р. Ситдикова // EuropeanSocialScienceJournal. – 2014. – Т. 3, № 6(45). – С. 83–87.
9. Федуленкова Т.Н. Ключи к учебнику «Практический курс английского языка» под ред. В.Д. Аракина, 1 курс: Учебное пособие / Т.Н. Федуленкова. – М.: АЙРИС-пресс, 2007. – 256 с.
10. Федуленкова Т.Н. Ключи к учебнику «Практический курс английского языка. 1 курс. Под редакцией профессора В.Д. Аракина»: учеб. пособие / Т.Н. Федуленкова; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. – 214 с.
11. Федуленкова Т.Н. Ключи к учебнику «Практический курс английского языка. 1 курс. Под редакцией профессора В.Д. Аракина» / Т.Н. Федуленкова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – Т. 9. – С. 98–99.
12. Федуленкова Т.Н. Проблемы оценки овладения студентами иноязычной речью / Т.Н. Федуленкова // Новое педагогическое мышление и актуальные проблемы высшего образования: Материалы межвуз науч.-метод. конф. – Павлодар: Мин. нар. образ. Каз. ССР, Павлодар. пед. ин-т, 1991. – С. 172–174.
13. Федуленкова Т.Н. Библийская фразеология в проектировании индивидуального образовательного маршрута религиоведа / Т.Н. Федуленкова, А.С. Койнова, О.В. Любимова // Современные проблемы науки и образования. – № 4. – 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26699> (дата обращения: 04.08.2020).
14. Федуленкова Т.Н. Из опыта создания пособия для самостоятельной работы с текстом / Т.Н. Федуленкова, Л.П. Тиссен // Актуальные проблемы подготовки специалистов без отрыва от производства: Материалы докл. респ. конф. – Караганда: Мин. нар. образ. Республики Казахстан, Карагандинский гос. ун-т им. Е.А. Букетова, 1992. – С. 57–59.
15. Федуленкова Т.Н. Роль медиатекста в проектировании индивидуального образовательного маршрута будущего медиаспециалиста / Т.Н. Федуленкова, Е.Ю. Угарова // Современные проблемы науки и образования. – № 4. – 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/127-20486> (дата обращения: 19.07.2020).
16. Fedulenkova T. Typological Relevance of Phraseology: New Approach to the Study of Phraseological Units / T. Fedulenkova // Book of Abstracts: The 12th Conference of the European Society for the Study of English, 29 August–2 September 2014. Kosice, 2014. P. 91–92.

Поступила в редакцию 22.09.2020 г.

ON THE EFFECTIVENESS OF KEYS TO LANGUAGE EXERCISES:
PSYCHOLOGICAL-DIDACTIC AND LINGUISTIC ASPECTS

REVIEW OF THE TEXTBOOK BY T.N. FEDULENKOVA «KEYS TO THE TEXTBOOK
“PRACTICAL ENGLISH COURSE. YEAR 1. EDITED BY PROFESSOR V.D. ARAKIN”»

A.M. Polikarpov, N.A. Avdeeva, A.V. Valueva

The peer-reviewed satellite manual for the English language textbook, published under the guidance of Professor V.D. Arakin, offers an original algorithm for working with the keys to exercises, the wide and multi-stage testing of which convincingly showed its psychological, didactic and linguistic effectiveness in the practice of teaching modern English at higher educational establishments.

Key words: satellite manual, keys to language exercises, algorithm of work, psychological-didactic and linguistic efficiency.

Поликарпов Александр Михайлович.

Доктор филологических наук, профессор.
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени
М.В. Ломоносова».
Заведующий кафедрой перевода и прикладной
лингвистики Высшей школы социально-
гуманитарных наук и международной
коммуникации.
E-mail: polikarpov.ling@yandex.ru

Polikarpov Alexander Mikhailovich

Doctor of Philology, Professor.
Northern (Arctic) Federal University named after M.V.
Lomonosov.
Head of Department of Translation and Applied
Linguistics of the Higher School of Social Sciences,
Humanities, and International Communication.
E-mail: polikarpov.ling@yandex.ru

Авдеева Наталья Александровна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых».
Доцент кафедры иностранных языков
профессиональной коммуникации.
E-mail: natalia_avdeyeva@mail.ru

Avdeeva Natalya Alexandrovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Vladimir State University named after Alexander and
Nikolay Stoletovs.
Associate Professor of Department of Foreign Languages
in Professional Communication.
E-mail: natalia_avdeyeva@mail.ru

Валуева Анастасия Владимировна.

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых».
Студент Гуманитарного института.
E-mail: valueva.nastya231@mail.ru

Valueva Anastasia Vladimirovna.

Vladimir State University named after Alexander and
Nikolay Stoletovs.
Undergraduate at the Humanitarian Institute.
E-mail: valueva.nastya231@mail.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА ДИССЕРТАЦИОННУЮ РАБОТУ Л.Р. САРДАЛОВОЙ
«ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ
МЕДИКО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ»
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.02.04 – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ
(ПЯТИГОРСК, 2018)**

© 2020. *Т.Н. Федуленкова*

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

В рецензируемой диссертации впервые представлен комплексный эмпирический анализ особенностей функционирования и прагматического потенциала англоязычных фразеологических единиц в рамках научно-популярного медико-оздоровительного дискурса, который показывает, что ФЕ выступают в рамках исследуемого дискурса в качестве средства оказания суггестивного воздействия, являясь инструментом реализации целого ряда специфических тактик, и именно в данном контексте фразеологические единицы приобретают специфические функции, несвойственные им в других типах дискурса.

Ключевые слова: английский язык, фразеологические единицы, научно-популярный медико-оздоровительный дискурс, функциональные особенности.

В центре внимания рецензируемой диссертационной работы Л.Р. Сардаловой находится система дискурсивных, прагматических и пространственно-функциональных факторов реализации фразеологических единиц (ФЕ) в англоязычном научно-популярном медико-оздоровительном дискурсе. Исследовательский интерес к изучению особенностей функционирования фразеологии в научно-популярных произведениях связан с возможностью использовать ФЕ в качестве одного из средств реализации частных речевых тактик и, как следствие, выполнения прагматических установок коммуникантов. Таким образом, детальный анализ актуализации фразеологических единиц позволяет реконструировать наиболее эффективные речевые приемы, направленные на доступное изложение сложной научной информации малоподготовленной аудитории.

Вопросы использования и модификации фразеологических единиц изучали многие отечественные и зарубежные ученые, в частности, О.И. Авдеева, В.Л. Архангельский, Л.Г. Золотых, А.В. Кунин, В.Н. Телия, Г.Г. Соколова, А.М. Эмирова, R. Driven, M. Bamberg, A. Agha, C. Barker, A.S. Naciscione др. Заметим, однако, что бо́льшая часть исследований, зафиксированных на сегодняшний день в лингвистической литературе, посвящена рассмотрению фразеологических единиц в процессе бытового общения [9, с. 339–357], в художественных произведениях [5, с. 86–99; 1, с. 197–198] и в некоторых видах институционального дискурса [7, с. 173–185; 3, с. 127–144]. Комплексное эмпирическое описание особенностей функционирования и прагматического потенциала англоязычных фразеологических единиц в рамках научно-популярного медико-оздоровительного дискурса (Н-П МОД) представлено впервые.

В пользу актуальности рассматриваемого исследования свидетельствует возрастающая потребность совершенствования способов трансляции научно-популярного знания, а также недостаточная изученность комплекса проблем, связанных с когнитивной обусловленностью функционирования фразеологических

единиц в различных произведениях научно-популярного дискурса. Предпринятый автором исследования анализ факторов, связывающих лингвистическую креативность коммуникантов и модификацию фразеологических единиц, позволяет приблизиться к пониманию наиболее эффективных тактик адекватного выполнения прагмакоммуникативных задач, положенных в основу данного дискурса.

Автор данного исследования ставит своей целью «выявление специфики дискурсивных прагмакоммуникативных и пространственно-функциональных закономерностей актуализации фразеологических единиц в рамках англоязычного (британского) научно-популярного медико-оздоровительного дискурса» [4, с. 5–6].

Научную новизну настоящей диссертационной работы определяет выбор объекта исследования, комплексная методика анализа англоязычных фразеологических единиц в условиях их дискурсивной реализации, а также обширность анализируемого материала: в разработанную автором базу данных (см. Приложение) вошли 5 000 английских фразеологических единиц. Впервые в отечественной германистике анализу был подвергнут англоязычный научно-популярный медико-оздоровительный дискурс как субдискурс медицинского дискурса, описаны его системообразующие параметры и обрамляющий статус, проанализирована архитектура данного субдискурса и выделен ряд функций фразеологических единиц в их дискурсивной реализации. Проработка столь репрезентативной выборки позволила Л.Р. Сардаловой выявить ряд факторов, влияющих на выбор и особенности использования фразеологических единиц в научно-популярном медико-оздоровительном дискурсе, и установить закономерности при выборе немодифицированных фразеологических единиц и их модифицированных моделей.

Детальное раскрытие природы фразеологической единицы как композитной производной оценочно-прагматической единицы косвенно-производной номинации составляет несомненную теоретическую значимость настоящей работы. Одной из значимых заслуг соискателя также является разработка типологизации фразеологических единиц согласно критерию структурной и семантической модифицируемости / немодифицируемости.

Широта лингвистических взглядов и творческая самостоятельность дают возможность автору сделать смелую попытку более углубленно рассмотреть соотношенность понятий «фразеологическая единица», «идиома», «паремия», – попытку, основанную на детальном ретроспективном анализе данных феноменов. Несмотря на то, что такие неоднократные попытки имели место в истории фразеологии [2, с. 196, 316; 8, с. 5], авторский взгляд Л.Р. Сардаловой на данную проблему отличается свежестью и новизной [4, с. 12–28].

Практическая ценность проведенного исследования определяется высоким уровнем проработанности материала, систематизированного в форме базы данных, двуязычный характер которой позволяет использовать ее при переводе научно-популярных текстов на соответствующую тематику. Кроме того, систематизированный эмпирический материал может быть использован при разработке лекций курсов по лексикологии, когнитивной лингвистике и стилистике английского языка, а также в рамках курсов по дискурс-анализу.

Научную достоверность выводов, полученных диссертантом, обеспечивает солидная методологическая база исследования, включающая, в частности, методы лингвистического наблюдения и описания, комплексную классификацию фразеологических единиц, функциональный и дискурсивный анализ. Подтверждением корректности выбранного подхода служит построенная автором методологически выверенная модель англоязычного научно-популярного медико-оздоровительного

дискурса с опорой на пространственно-функциональные закономерности реализации различных языковых средств, в частности, фразеологических единиц.

Структуру работы образуют введение, три главы, заключение, библиография, а также приложение, содержащее подробную размеченную базу данных англоязычных идиом и примеров их дискурсивной реализации.

Во введении отражены общие сведения о работе – формулируется цель, задачи, объект и предмет исследования, обосновываются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость, обозначаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Фразеологическая единица как комплексный лингвистический феномен» посвящена рассмотрению теоретических концепций исследования фразеологических единиц и определению оптимального подхода к анализу способов актуализации данного феномена в научно-популярном дискурсе. Автор выделяет наиболее значимые когнитивно-семантические свойства ФЕ и проводит четкую демаркацию границ между содержанием смежных понятий. Особый интерес для читателя представляет подробный разбор дискурсивных и когнитивных факторов, обуславливающих использование фразеологических единиц, а также детальная характеристика феномена лингвистической креативности как одного из критериев дискурсивной реализации ФЕ.

Во второй главе «Парадигма современного англоязычного научно-популярного медико-оздоровительного дискурса» дается развернутое описание рассматриваемой дискурсивной модели и определяется ее место в системе субдискурсов научно-популярного дискурса. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что использование ФЕ в рамках англоязычного научно-популярного дискурса в большинстве случаев сопровождается структурной модификацией ФЕ. Отдельное внимание уделено комплексной характеристике структуры рассматриваемого типа дискурса, обозначению его границ и интердискурсивных пересечений. Весьма удачным этапом проведенного исследования является предпринятая Л.Р. Сардаловой попытка определить и описать модель англоязычного научно-популярного медико-оздоровительного дискурса, в процессе осуществления которой автор выявляет целый ряд уникальных лингво-коммуникативных свойств Н-П МОД и наглядно иллюстрирует гармоничную интеграцию сущностных параметров собственно медицинского дискурса и лингвопрагматических характеристик медиадискурса.

В третьей главе «Особенности функционирования фразеологических единиц в научно-популярном медико-оздоровительном дискурсе» представлен подробный анализ функциональных и прагмакоммуникативных особенностей актуализации фразеологических единиц в рассматриваемом медицинском субдискурсе. Следует особо отметить подход Л.Р. Сардаловой к интерпретации роли фразеологических единиц в научно-популярном тексте: анализ функциональной специфики проводится с точки зрения архитектоники произведения. Интерес представляют выводы о корреляционной зависимости между спецификой определенных элементов архитектоники научно-популярного медико-оздоровительного дискурса и частотностью реализации в них фразеологических единиц [4, с. 124].

В данной главе исследование фразеологических единиц в научно-популярном медико-оздоровительном дискурсе получает развитие в аспекте лингвопрагматики. Основываясь на результатах анализа представительной выборки дискурсивных фрагментов, автор приходит к выводу о том, что ФЕ выступают в рамках исследуемого дискурса в качестве средства оказания суггестивного воздействия, являясь инструментом реализации целого ряда тактик, наиболее частотные из которых –

аттракция, реляция, информирование, ремоделирование, мимикрия, интродукция. Анализируя особенности употребления ФЕ в научно-популярном медико-оздоровительном дискурсе, автор убедительно обосновывает свой вывод о том, что в именно данном контексте фразеологические единицы приобретают специфические функции, несвойственные им в других типах дискурса.

Релевантное применение многоэтапных процедур анализа языкового материала позволили Л.Р. Сардаловой сделать вывод о связи между частотностью использования модифицированных ФЕ в заголовочных комплексах и реализацией фатической и аттрактивной функций научно-популярного произведения, а также установить закономерность, согласно которой полисемантические заголовки, содержащие ФЕ, наиболее часто используются для создания стилистического эффекта каламбура. Тщательный анализ, проведенный автором, сопровождается в данной главе наглядными диаграммами и таблицами, иллюстрирующими формулируемые автором положения [4, с. 108, с. 118, с. 125].

Рецензируемое диссертационное исследование представляет собой оригинальный законченный научный труд, полученные соискателем теоретические выкладки и практические результаты вносят вклад в развитие функциональной лингвистики, лингвистики текста, стилистики и теории дискурса. Анализу была подвергнута обширная выборка дискурсивных фрагментов, что позволило выявить функциональные характеристики ФЕ в произведениях англоязычного научно-популярного медико-оздоровительного дискурса, а также сопоставить типы ФЕ с архитектурными элементами дискурса.

Вместе с тем, следует обратить внимание на ряд моментов, которые вызывают сомнение или несогласие с авторским утверждением или интерпретацией фактов.

Во-первых, представляется дискуссионным замечание о том, что «использование ФЕ в рамках произведений научно-популярного дискурса неизменно влечет за собой ряд изменений ФЕ в аспекте их структурной модификации, что, в свою очередь, приводит к неизбежной конвергенции изначальных прагматических эмоционально-оценочных установок с комплексом новых авторских приемов, в качестве основной цели которых выступает оказание определенного суггестивного воздействия на адресата *с целью трансформации его прагмакоммуникативных установок и, как следствие, ментальности*» [4, с. 41] (Курсив мой – Т.Ф.). Данное замечание абсолютно справедливо для выделяемых диссертантом ремодулирующей, дерегламентирующей, смыслоисказательной функций фразеологических единиц. Вместе с тем, в третьей главе автором был упомянут ряд функций ФЕ (например, интродуктивная, фатическая) (см. тж.: [6, с. 257]), не имеющих прямой направленности на изменение прагмакоммуникативных установок и ментальности слушателей. В связи с этим, возникает сомнение в том, что вектор на трансформацию установок и ментальности является универсальным для всего комплекса функций фразеологических единиц в данном типе дискурса.

Во-вторых, полученные автором выводы о функциональной специфике фразеологических единиц в рассматриваемом субдискурсе основаны на анализе эмпирического материала, представленного в современных англоязычных журналах, а устные источники, такие как просветительные теле- и радиопередачи не упоминаются хотя бы в порядке сравнения. Интересно было бы узнать, будут ли отличаться функции ФЕ в устных произведениях англоязычного научно-популярного медико-оздоровительного дискурса.

В-третьих, любопытно было бы найти ответ на вопрос о правомерности утверждения, что один из видов фразеологической единицы — модифицированный или

немодифицированный — обладает бóльшим прагматическим потенциалом, иными словами, позволяет ли его актуализация авторам научно-популярных произведений более эффективно реализовывать коммуникативные интенции.

В целом же, рецензируемая диссертационная работа характеризуется логичностью изложения, достоверностью результатов и познавательной ценностью, в тексте исследования полностью раскрыты и обоснованы положения, выносимые на защиту.

Инновационность работы Л.Р. Сардаловой заключается в том, что в ней:

(а) выявлены и систематизированы универсальные закономерности использования фразеологических единиц в англоязычном научно-популярном медико-оздоровительном субдискурсе,

(б) описаны универсальные и инвариантные характеристики изучаемых фразеологических единиц,

(г) проанализирован функциональный диапазон ФЕ в архитектонике произведений англоязычного Н-П МОД.

Ценность данной диссертационной работы видится и в том, что она может послужить отправной ступенью для сопоставительных исследований моделей официального и специального дискурса в германских языках, в поисках алломорфных и изоморфных характеристик дискурсивных моделей ФЕ и их функций.

Будучи образцом выполнения и оформления диссертационного исследования, данная работа может быть рекомендована для использования в учебном процессе на специальных факультетах иностранных языков и их преподавания в университетах и педагогических и гуманитарных институтах при подготовке специалистов в области английского языка, перевода и лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованева, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Джунь. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2012. – 232 с.
2. Кунин А.В. Английская фразеология. Теоретический курс / А.В. Кунин. – М.: ВШ, 1970. – 344 с.
3. Натхо О.И. Когнитивно-дискурсивные характеристики англоязычных паремий в различных типах дискурса / О.И. Натхо, Т.А. Ширяева // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография / под ред. проф. Т.Н. Федуленковой. – Владимир: изд-во ВлГУ, 2017. – С. 127–144.
4. Сардалова Л.Р. Функциональные особенности фразеологических единиц в англоязычном научно-популярном медико-оздоровительном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук по специальности 10.02.04 – германские языки. – Пятигорск, 2018. – 192 с.
5. Fedulenkova T. *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics* by Anita Naciscione, 2001. Riga: Latvian Academy of Culture, pp. xi + 283, ISBN 9984 95 19 01 // *Language and Literature*. – London, 2003, № 12 (1), p. 86–89.
6. Fedulenkova T. Usual functions of English phraseological units // *Słowo. Tekst. Czas* XII. Frazologia w systemach języków słowiańskich / pod redakcją M. Aleksejki, H. Biłowus, M. Hordy, W. Mokijenk i H. Waltera. – Tom 2. – Szczecin, Greifswald, 2014. – S. 257–264.
7. Katamadze K. Phraseologismen der Deutschen Gegenwartssprache im Offiziellen Diskurs // *Modern Phraseology Issues: Materials of the international phraseological conference in memory of Elizabeth Piirainen* / Editor-in-Chief T.N. Fedulenkova. – Arkhangelsk, 2018. – S. 173–185.
8. Naciscione A. *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture. 2001. – 283 p.
9. Piirainen E. Metaphors of an endangered Low Saxon basis dialect – exemplified by idioms of STUPIDITY and DEATH // *Endangered metaphors* / A. Idström, E. Piirainen (eds.) – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. – Pp. 339–357.

Поступила в редакцию 04.10.2020 г.

**REVIEW OF L.R. SARDALOVA'S DISSERTATION
"FUNCTIONAL FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH POPULAR
MEDICAL AND HEALTH DISCOURSE" FOR A CANDIDATE DEGREE IN PHILOLOGY,
SPECIALITY 10.02.04 – GERMANIC LANGUAGES
(PYATIGORSK, 2018)**

T. N. Fedulenkova

The dissertation is the first attempt to present the results of a comprehensive empirical analysis of the functional and pragmatic potential of English phraseological units in the popular scientific medical and health discourse. The conclusion is made that the phraseological units under study function as a means of suggestive impact, being a tool for implementing a number of specific tactics. It is in this context that phraseological units acquire specific functions that are not relevant to them in other types of discourse.

Key words: English, phraseological units, popular scientific medical and health discourse, functional features.

Федуленкова Татьяна Николаевна.

Доктор филологических наук, профессор.

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых».

Профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации.

E-mail: fedulenkova@list.ru

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna.

Doctor of Philology, Professor.

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.

Professor of the Department of Foreign Languages in Professional Communication.

E-mail: fedulenkova@list.ru

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

УДК 81'373.611

АББРОКОНСТРУКТ И АФФИКСОИД: К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ПОНЯТИЙ

© 2020. *К.Ю. Емельянова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена проблеме разграничения абброконструкта и аффиксоида. Даются определения основным типам абброконструктов. Описывается история трактовок сокращённого компонента. Обосновывается невозможность отнесения трёх типов абброконструкта (абброэквивалента, абброморфемы и абброаффиксоида) к префиксоидам.

Ключевые слова: абброконструкт, аффиксоид, абброаффиксоид, сложносокращённое слово, аббревиатура.

Данная статья является продолжением ряда работ Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого национального университета.

В основе разработок Лаборатории лежит разграничение двух подходов к определению сложносокращённых слов – **диахронного** (исторического) и **синхронного** (эквивалентностного). Целью **диахронного анализа** является определение отношений производности между сложносокращённым словом и эквивалентным ему словосочетанием. В основу **синхронного подхода** положен анализ мотивационных отношений между аббревиатурой и её текстовыми эквивалентами на синхронном срезе языка.

Исследование, проводимое в данной работе, опирается как на диахронный, так и на синхронный подход. Это обусловлено самой природой рассматриваемой единицы – **абброконструкта**. Под абброконструктом понимается «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [15, с. 74]. Например, в **аббревиатурную группу** (группа сложносокращённых слов, имеющих одинаковый абброконструкт) *авиа* входят такие сложносокращённые слова, как *авиавооружение, авиагарнизон, авиадивизия, авиаинженер, авиакомпания* и др., где компонент сложного слова – *авиа-* – является абброконструктом.

В.И. Теркуловым было предложено различать три структурно-семантические разновидности абброконструкта: абброэквивалент, абброморфема и абброаффиксоид. Описанию абброконструктов в теории Лаборатории было посвящено множество работ [1, 10, 12, 13 и др.]. **Актуальность** данной статьи обусловлена тем, что до сих пор не было исследований, в которых был бы проведён всесторонний анализ связи между такими единицами, как абброконструкт и аффиксоид. Ранее была написана работа, затрагивающая различия между префиксоидом и абброконструктом, однако в силу ограничения объёма получилось дать лишь некоторые положения существующих противоречий по данной проблеме [3].

Цель работы – определить принципы разграничения абброконструкта и аффиксоида, описать сходства и различия данных единиц. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) дать определение всем типам

абброконструктов (абброэквиваленту, абброморфеме и абброаффиксоиду); 2) разграничить два способа образования аббревиатур – универбализацию и квазиунивербализацию; 3) описать историю трактовки абброконструкта; 4) обосновать противопоставление абброэквивалента / абброморфемы / абброаффиксоида префиксоиду.

Как уже отмечалось, в теории Лаборатории выделяется три типа абброконструкта.

Абброэквивалент – это сокращённый элемент аббревиатуры, используемый для замещения какого-либо слова производящего словосочетания. Статус абброэквивалента получает абброконструкт в словах *авиаохрана*, *гидродавление*, *велоприбор* и т.д., возникшие в результате универбализации словосочетаний *авиационная охрана*, *гидравлическое давление*, *велосипедный прибор*. Данные единицы являются абброэквивалентными аббревиатурами.

Абброморфема – это морфематизированный абброконструкт, используемый вне связи с каким-либо словосочетанием, а по аналогии, но развёртывающийся в слово при псевдоунивербализации. Первичным при этом выступает слово, а словосочетание является производной единицей. Например, абброморфемами являются абброконструкты в таких словах, как *авиабилет*, *гидроуровень*, *виброкомпенсатор* и т.д., развёртываемые в словосочетания *авиационный билет*, *гидравлический уровень*, *вибрационный компенсатор*. Данные единицы имеют статус абброморфемных квазиаббревиатур.

Абброаффиксоид – это «"упрощённый" вариант абброморфемы, практически не способный разворачиваться в слова и не имеющий текстовых эквивалентов» [2, с. 29]. Сокращения с данным типом абброконструкта являются абброаффиксоидными квазиаббревиатурами. Например, в словах *гидробаланс*, *авиафобия*, *авиапутешественник* сокращённые компоненты – абброаффиксоиды, поскольку в текстах обнаруживаются либо эквивалентные словосочетания с малым количеством употреблений (*авиационная фобия* – 7 употреблений, *авиационный путешественник* – 68 употреблений), либо псевдозэквиваленты, то есть словосочетания, являющиеся «фиктивными» дублетами сложносокращённых слов, например *гидравлический баланс*: ср. *гидробаланс* – «соотношение жидкости, попавшей в организм, и жидкости выделенной организмом за определённый промежуток времени (3 часа, 5 часов, сутки, время тренировки, марафона и т.д.)» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Гидробаланс>), *гидравлический баланс* – «необходимое условие нормальной работы систем отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха» (<http://saves.ucoz.com/publ/b/1-1-0-1>). Как видно из данных примеров, значение аббревиатуры не совпадает со значением предполагаемого текстового эквивалента.

В современной лингвистике термину абброконструкт соответствует большое количество других наименований: **абброоснова**, **абброкорень**, **абброморфема**, **аффиксоид**, **формализованный компонент**, **структурная морфема**, **компонент аббревиатуры**, **префиксальные морфемы (аббропрефиксы)**, **препозитивные компоненты**, **лексемо-морфемы**. При этом перечисленные единицы не только именовались, но и трактовались по-разному в работах учёных.

В словаре-справочнике В.Н. Немченко «Основные понятия морфемики в терминах» [7] под **абброморфемой** понимается часть сложносокращённого слова, которая соотносится с одним из компонентов исходного словосочетания. Данная дефиниция абброморфемы являет собой полную противоположность тому определению абброморфемы, которую даёт Лаборатория: то, что Лаборатория трактует как абброэквивалент, у В.Н. Немченко трактуется как абброморфема. Вне поля зрения учёного остаются те единицы, которые в теории Лаборатории определяются как

абброморфемы и абброаффиксоиды – они не выделяются из общего массива абброконструктов и не получают своих наименований.

Смешение разных типов абброконструкта наблюдается и у С.Н. Климович: «Мы определяем аббревиатуру как специфическую составляющую морфемно членимых аббревиатур, которая сначала могла иметь или не иметь структурно-семантической связи с одним из компонентов исходного словосочетания, но теперь присоединяется к новым словам по готовому образцу-модели безотносительно к возможному исходному словосочетанию» [4, с. 15] (перевод наш – К.Е.).

А.А. Стышов начальные сокращённые компоненты прилагательного происхождения называет **абброморфемами**, или **лексемо-морфемами**, определяя их как части сложных субстантивов, которые образовались *в результате соединения* усечённого слова-определяющего и полного слова-определяемого. Такое понимание абброморфемы соотносится с определением Лаборатории. Однако в примерах, которые даёт А.А. Стышов, встречаются сокращённые компоненты, способные выступать в качестве абброэквивалента, абброморфемы и абброаффиксоида: *-био*, *-евро* [11].

А.Н. Нелюба употребляет термин **префиксальная морфема (аббропрефикс)** и считает, что элементы дериватов *присоединяются* друг к другу [6].

В.Н. Троицкий называл абброконструкты **препозитивными компонентами** и приравнивал их к префиксам [16].

Чаще всего учёные трактуют абброконструкт как **аффиксоид**. Так, в энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ф.П. Филина даётся следующее определение аффиксоиду: «Компонент сложного слова или сложносокращённого слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу-суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов); соответственно А. подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды» [9, с. 26]. В качестве примеров префиксоидов предложены такие единицы, как *само-* (*самообслуживание*, *самодисциплина*), *полу-* (*полукруг*, *полупроводник*), *лже-* (*лженаунка*, *лжеучёный*), *теле-* (*телепередача*, *телеэкран*), *авиа-* (*авиалиния*, *авиастроитель*), *орг-* (*оргработа*, *оргмеры*, *отрготдел*), *полит-* (*политучёба*, *политотдел*), *гидро-* (*гидроэлектростанция*, *гидроизоляция*, *гидрокостюм*).

Однако, как отмечает Е.А. Левашов, «из этого определения аффиксоидов вытекает, что и цельные слова (их основы), являющиеся повторяющимися компонентами сложных слов (*лесопопал*, *тонкостенный*; *трехкилометровый*, *машиностроение*), некоторые из которых содержат в себе аффиксы, также должны считаться аффиксоидами» [5, с. 50].

К аффиксоидам (точнее, к префиксоидам) относит абброконструкты и О.В. Русакова [8]. Исследователь выделяет следующие префиксоиды: *авиа-*, *авто-*, *адм-*, *агит-*, *агло-*, *агро-*, *академ-*, *арт-*, *астро-*, *банд-*, *бензо-*, *био-*, *бое-*, *борт-*, *брейк-*, *VELO-*, *вет-*, *вибро-*, *воен-*, *гео-*, *гидро-*, *гор-*, *диет(о)-*, *зав-*, *зоо-*, *электро-* и др.

Отнесение сокращённых компонентов аббревиатур к разряду аффиксоидов отрицает саму возможность выделения сложносокращённых слов как единиц универбализационного словопроизводства.

Относя все абброконструкты к аффиксоидам, то есть приписывая им морфемный статус, исследователи стирают различие между двумя процессами образования сложносокращённых слов, обнаруженными в результате исследований Лаборатории – **универбализацией** и **квазиунивербализацией**.

Универбализация – «процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически эквивалентное ему слово» [14, с. 21]: в этом случае словосочетание является первичной единицей, от которой образуется аббревиатура. В результате универбализации образуются **абброэквивалентные аббревиатуры**, абброконструкты которых трактуется как **абброэквивалент**. Так, абброэквивалентные аббревиатуры *авиаохрана*, *гидродавление*, *велоприбор* появились в результате трансформации словосочетаний *авиационная охрана*, *гидравлическое давление*, *велосипедный прибор*.

Квазиунивербализация – «образование единиц, имитирующих структуру универбатов» [14, с. 18]: квазиунивербаты образуются не от словосочетаний, а от слов, но на их базе могут развёртываться вторичные словосочетания. В результате данного процесса появляются **абброморфемные** (абброконструкт – **абброморфема**) и **абброаффиксоидные** (абброконструкт – **абброаффиксоид**) **квазиаббревиатуры**. Например, абброморфемные квазиаббревиатуры *авиабилет*, *гидроуровень*, *виброкомпенсатор* появились в результате присоединения абброконструктов к словам: *авиа-* + *билет* → *авиабилет*, *гидро-* + *уровень* → *гидроуровень*, *вибро-* + *компенсатор* → *виброкомпенсатор* с последующим развёртыванием на их базе вторичных словосочетаний *авиационный билет*, *гидравлический уровень*, *вибрационный компенсатор*; абброаффиксоидные квазиаббревиатуры *гидробаланс*, *авиафобия*, *авиапутешественник* образовались по такой же модели: *гидро-* + *баланс* → *гидробаланс*, *авиа-* + *фобия* → *авиафобия*, *авиа-* + *путешественник* → *авиапутешественник*, но регулярно употребляющиеся вторичные словосочетания для них не обнаруживаются.

Как отмечает О.В. Русакова, «... в слове префиксоид выступает в роли служебной морфемы и выполняет словообразовательную функцию» [8, с. 108], из чего следует, что при аффиксоидной трактовке абброконструкта сложносокращённое слово следует относить не к словосложению или основосложению, а к фактам аффиксации на базе простого слова, что абсолютно противоречит текстовым свидетельствам, очевидно показывающим в огромном количестве случаев универбализационную природу аббревиатур. Таким образом, абброэквивалент не может соотноситься с префиксом и префиксоидом. Тогда возникает вопрос: как коррелируют абброморфема и аффиксоид? На этот вопрос отвечает В.И. Теркулов в статье «Типология сокращённых компонентов аббревиатур»:

«Есть соблазн определить АМ (абброморфема – К.Е.) как аффиксоид, но этому препятствуют два момента.

1. АМ может занимать не только позицию служебной морфемы, но и позицию корня. Например, в слове *авиастроение* аффиксоид *-строение* присоединяется к АМ-корню *авиа*, который не может толковаться как АЭ (абброэквивалент – К. Е.) слова *авиация*, поскольку *авиастроение* – это не создание отрасли «авиация», а «конструирование и сборка **чего-то** [rel¹], **имеющего** [rel²] отношение к авиации» (двойная атрибуция), в нашем случае – летательных аппаратов (ср. наименования подразделений авиастроения – *самолётостроение*, *вертолётостроение* и т.д.). Это корневая АМ, и её значение эквивалентно здесь значению АМ в служебной позиции – «нечто, относящееся к авиации» (перифраз: «отрасль, занимающаяся созданием чего-то, имеющего отношение к авиации – летательных аппаратов»).

2. Аффиксоид имеет значение, структурно сходное со значением аффикса, т.е. значение не конкретное, а обобщённое, модифицированное, и в силу этого принципиально отличающееся от значения исходного корня (слова)» [12, с. 131].

Таким образом, абброморфема не соотносится с аффиксоидом ни по структурным, ни по семантическим характеристикам.

Третий тип абброконструкта – абброаффиксоид. Абброаффиксоид является сокращённым компонентом абброаффиксоидной квазиаббревиатуры. Как уже было сказано, квазиаббревиатуры появляются в результате процесса квазиунивербализации: изначально не было производящего словосочетания, а было слово, к которому присоединили абброконструкт. Это значит, что у абброморфемных квазиаббревиатур и абброаффиксоидных квазиаббревиатур тождественный деривационный статус. Это так называемый «широкий» подход к определению квазиаббревиатур: на диахронном срезе языке абброморфемные квазиаббревиатуры / абброморфема и абброаффиксоидные квазиаббревиатуры / абброаффиксоиды не имеют различий. Именно в диахронии все квазиаббревиатуры противопоставляются собственно аббревиатурам, а абброморфема и абброаффиксоид находятся в оппозиции к абброэквиваленту. При «узком» подходе квазиаббревиатуры рассматриваются в синхронии. И именно на этом срезе языка были выявлены различия между ними. Как уже отмечалось, в синхронии определяются эквивалентностные отношения, то есть обнаруживаются и анализируются все текстовые эквиваленты сложносокращённого слова. На этом срезе уже абброморфемные квазиаббревиатуры и абброэквивалентные аббревиатуры противопоставляются абброаффиксоидным квазиаббревиатурам, а абброморфема и абброэквивалент находятся в оппозиции к абброаффиксоиду. Здесь следует сказать о таком процессе, как **псевдоунивербализация**, которая определяется как «развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением» [14, с. 20].

В результате действия псевдоунивербализации у абброморфемных квазиаббревиатур появляются вторичные текстовые эквиваленты, что приводит к стиранию их отличий от собственно аббревиатур на синхронном срезе языка (например, *авиа- + билет → авиабилет → авиационный билет*, *гидро- + уровень → гидроуровень → гидравлический уровень*, *вибро- + компенсатор → виброкомпенсатор → вибрационный компенсатор*). Псевдоунивербализация возможна и на базе исконных аббревиатур: она формирует множественность эквивалентов сложносокращённого слова (например, у абброэквивалентной аббревиатуры *велоприбор* формируется следующее **гнездо эквивалентности** («совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [14, с. 17]): *велосипедный прибор, прибор велосипеда, прибор для велосипеда, прибор на велосипеде*; другой пример:

автопроизводство – производство автомобилей, автомобильное производство, производство авто, производство автотранспортных средств, производство автотранспорта, производство автомобильной техники, производство автомашин, производство автотехники). На абброаффиксоидные квазиаббревиатуры явление псевдоунивербализации не распространяется: у них не появляются вторичные текстовые эквиваленты, следовательно, абброаффиксоид не разворачивается в слово. Словосочетания, формально соответствующие действительным эквивалентам, могут являться псевдоэквивалентами сложносокращённых слов (см. выше). Например, у аббревиатуры *бакфермент* были найдены такие псевдоэквиваленты, как *бактериологический фермент* и *бактерицидный фермент*. *Бакфермент* – это закваска для теста, а *бактериологический фермент* и *бактерицидный фермент* – это добавки к молоку или сыру. Существование нескольких псевдоэквивалентов позволяет говорить о формировании **гнезда псевдоэквивалентности** (совокупность единиц, которые формально тождественны возможным эквивалентам сложносокращённого слова и которые формируют небинарную псевдоэквивалентность с абброаффиксоидной квазиаббревиатурой).

Абброаффиксоид не соотносится с аффиксоидом по тем же причинам, что и абброморфема:

1. Абброаффиксоид может занимать не только позицию служебной морфемы, но и позицию корня;

2. Аффиксоид имеет значение, структурно сходное со значением аффикса, т.е. значение не конкретное, а обобщённое, модифицированное, и в силу этого принципиально отличающееся от значения исходного корня (слова).

Таким образом, в работе были описаны все типы абброконструкта (абброэквивалент, абброморфема и абброаффиксоид). Разграничение процессов образования аббревиатур – универбализации и квазиунивербализации – позволило утверждать, что в существующих трактовках абброконструкта смешиваются единицы, которые образованы разными способами. Сравнение признаков абброконструкта и аффиксоида дало основание следующему выводу: следует противопоставлять абброэквивалент / абброморфему / абброаффиксоид префиксоиду, так как это единицы, имеющие различные типологические черты. В дальнейшем предполагается составление словаря абброаффиксоидных квазиаббревиатур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березницкая Е.А. О семантике абброконструкта «агит» / Е.А. Березницкая // Новые горизонты славистики: материалы III международных научных чтений студентов и молодых учёных памяти Г.И. Рихтера. – Донецк: 2016. – С. 111–116.
2. Емельянова К.Ю. Аффиксоидные квазиаббревиатуры в деривационно-эквивалентностном подходе к анализу сложносокращённых слов / К.Ю. Емельянова, В.И. Теркулов // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых учёных (Донецк, 17–20 октября 2017 г.). – Том 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 27–29.
3. Емельянова К.Ю. О различии префиксоида и абброконструкта / К.Ю. Емельянова, В.И. Теркулов // Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста: Материалы II Республиканской студенческой научно-практической конференции (18 мая 2020 г.) – Донецк: ДонНТУ, 2020. – С. 33–35.
4. Климович С.М. Структурно-семантичні типи аброутворень в українській мові : дис ... канд. філол. наук.: 10.02.01. / С.М. Климович. – Херсон, 2008. – 224 с.
5. Левашов Е.А. Ещё раз об аффиксоидах / Е.А. Левашов // Русская речь. – 2008. – № 3. – С. 50–52.
6. Нелюба А.М. Від графічної економії до нових словотворчих засобів і основ (складання скорочених основ і його наслідки в словотвірній номінації) / А.М. Нелюба // Вісник Прикарпатського національного університету ім. Василя Стефаника. Філологія. – Івано-Франківськ: Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ, 2007. – Вип. XV–XVIII. – С.222–226.
7. Немченко В.Н. Основные понятия морфемики в терминах : Крат. словарь-справочник / В.Н. Немченко. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 216 с.
8. Русакова О.В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. / О.В. Русакова. – Орёл, 2013. – С. 25.
9. Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: «Советская энциклопедия», 1979. – 432 с.
10. Смирнова И.Р. Ономастологические модели сложносокращённых слов с составным абброконструктом / И.Р. Смирнова // Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста: Материалы I Республиканской студенческой научно-практической конференции (22 мая 2019 г.) – Донецк: ДонНТУ, 2019. – С. 54–57.
11. Стишов О.А. Українська лексика кінця XX століття (на матеріалі мови ЗМІ) / О.А. Стишов. – К.: Видавничий центр КНЛУ, 2005. – 387 с.
12. Теркулов В.И. Типология сокращённых компонентов аббревиатур / В.И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 127–134.
13. Теркулов В.И. О разновидностях абброконструктов : абброэквивалент и абброморфема / В.И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы 5 Международной конференции. – Краснодар, 2015. – С. 30–33.

14. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология. – 2016. – №3. – С. 13–25.
15. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
16. Троицкий В.Н. Основные принципы словообразования / В.Н. Троицкий // Учёные записки ПЛГПИИЯ. – Л., 1940. – Т.1. – С. 296–297.

Поступила в редакцию 29.09.2020 г.

ABBROCONSTRUCT AND AFFIXOID: TO THE QUESTION OF CONCEPT CORRELATION

K.Y. Yemelyanova

The article addresses the problem of terminological distinction of the notions “abbroconstruct” and “affixoid”. The definitions of the main abbroconstruction types are given. The interpretation of the abbreviated component is described. The impossibility of identifying such three types of abbroconstruct as abbroyequivalent, abbromorpheme and abbroaffixoid as prefixoids is substantiated.

Key words: abbroconstruct, affixoid, abbroaffixoid, compound abbreviated word, abbreviation.

Емельянова Ксения Юрьевна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Магистрант филологического факультета.

E-mail: ksyu_emelyanova@mail.ua

Yemelyanova Ksenia Yurievna.

Donetsk National University.

Undergraduate of the Faculty of Philology.

E-mail: ksyu_emelyanova@mail.ua

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.025.8

КРЕАТИВНОСТЬ И УРОВЕНЬ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

© 2020. *В.И. Безродный**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Приводятся результаты сравнительных исследований креативности (вербальной и невербальной) в зависимости от уровня субъективного контроля (УСК). Значимость различий была проверена с помощью t-критерия Стьюдента. В результате проведения методики УСК у старшеклассников с различным уровнем вербальной и невербальной креативности было выявлено наличие существенных различий по некоторым шкалам субъективного контроля.

Ключевые слова: уровень субъективного контроля, вербальная и невербальная креативность, t-критерия Стьюдента.

Одной из важных интегральных характеристик самосознания, связывающих чувство ответственности, готовность к активности и переживание «Я», является качество личности, получившее название локуса контроля [2; 4].

Появление этого понятия в психологической литературе в первую очередь связано с работами американского психолога Дж. Роттера, который предложил различать между собой людей в соответствии с тем, где они локализуют контроль над значимыми для себя событиями [1; 3].

Нами была поставлена цель изучения креативности (вербальной и невербальной) в зависимости от уровня субъективного контроля старшеклассников.

В исследовании приняли участие учащиеся 10 классов филологического и физико-математического профиля, возраст 15–16 лет. Количество испытуемых 68 человек. Испытуемые были разделены на две группы: первая группа – учащиеся с высоким уровнем креативности, вторая группа – учащиеся с низким уровнем креативности. Исследование проводилось в лицее при ДонНУ в групповой форме, все участники находились в одинаковых условиях.

В зависимости от уровня вербальной креативности учащихся были получены следующие результаты по методике исследования уровня субъективного контроля, приведенные в таблице 1.

Таблица 1

Результаты методики исследования уровня субъективного контроля у учащихся с различным уровнем вербальной креативности

Параметры	Группы		Вероятность ошибки $p \leq$
	Высокий уровень вербальной креативности $x \pm m$	Низкий уровень вербальной креативности $x \pm m$	
1	2	3	4
Общая интенсивность	41,4 ± 2,9	28,5 ± 2,1	0,001
Область достижений	21,02 ± 1,4	15,5 ± 1,5	0,01
Область неудач	14,2 ± 1,2	9,9 ± 0,9	0,01

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Семейные отношения	$4,0 \pm 0,44$	$5,0 \pm 0,5$	–
Производственные отношения	$14,1 \pm 1,3$	$8,9 \pm 1,0$	0,01
Межличностные отношения	$3,9 \pm 0,5$	$4,4 \pm 0,5$	–
Сфера здоровья	$2,2 \pm 0,3$	$3,3 \pm 0,4$	0,01

Анализируя данные, приведенные в таблице 1, необходимо отметить, что существуют различия у учащихся с различным уровнем вербальной креативности по таким шкалам субъективного контроля, как общая интенсивность ($p \leq 0,001$), область достижений ($p \leq 0,01$), область неудач ($p \leq 0,01$), производственные отношения ($p \leq 0,01$), сфера здоровья ($p \leq 0,01$). Значимость различий была проверена с помощью t-критерия Стьюдента. Следовательно, можно сделать вывод о наличии существенных различий в показателях по шкалам субъективного контроля у школьников с высоким и низким уровнем вербальной креативности. При анализе данных по шкалам семейных и межличностных отношений существенных различий не выявлено.

Таким образом, можно утверждать, что у учащихся с высоким уровнем вербальной креативности выявлены высокие показатели по шкалам: общая интенсивность, область достижений и неудач, область производственных отношений; и низкие показатели по шкале здоровья. А у учащихся с низким уровнем вербальной креативности выявлены низкие показатели по шкалам общей интенсивности, области достижений и неудач, области производственных отношений, и высокие показатели по шкале здоровья.

Высокие показатели, полученные по шкале *общей интенсивности*, свидетельствуют об интернальности в различных жизненных ситуациях. С одной стороны, можно предположить, что ученики с высоким уровнем вербальной креативности обладают высоким уровнем интернальности. То есть, школьники с высоким уровнем креативности склонны приписывать причины большинства жизненных событий собственной личности. Такие ученики менее склонны подчиняться давлению других, сопротивляются, когда чувствуют, что ими манипулируют. Также школьники с интернальным локусом контроля лучше работают в одиночестве, так им легче сосредоточиться и найти правильное решение проблемной задачи. С другой стороны, можно предположить, что именно интернальный локус контроля обуславливает развитие высокого уровня креативности. То есть, ученики с интернальным локусом контроля проявляют большую когнитивную активность, они более последовательны и продуктивны в ситуациях принятия решения и ситуациях, связанных с риском. Также люди с интернальным локусом контроля проявляют себя более активно в деятельности, то есть они стремятся изучить какое-либо новое для них занятие изнутри, такие люди считают, что только усердная работа может привести личность к успеху. Таким образом, благодаря их непрерывной работе над собой, над выработкой у себя определенных положительных черт и качеств характера, благодаря тому, что они открыты новому опыту, и готовы открывать для себя что-то новое, старшеклассники не боятся творчески проявлять себя, развивать в себе креативность.

Следует отметить, что низкие показатели, полученные по шкале *общей интенсивности*, свидетельствуют о том, что у детей с низким уровнем вербальной креативности преобладает экстернальный локус контроля. То есть испытуемые с низким показателем по шкале общей интенсивности склонны приписывать ответственность за происходящее с ними внешним обстоятельствам. С одной стороны мы можем отметить, что дети с низким уровнем вербальной креативности обладают

экстернальным локусом контроля. Именно низкие показатели креативности обуславливают не активную жизненную позицию человека, отсутствие мотивации к достижению высоких результатов, приписывание успеха не заслугам человека, а внешним обстоятельствам: везению, судьбе и так далее. Но с другой стороны, именно наличие экстернального локуса контроля может обуславливать низкие показатели вербальной креативности в юношеском возрасте. То есть, если школьник демонстрирует конформное и уступчивое поведение, не стремится отстаивать свою точку зрения на различные ситуации, подавляет в себе какие-либо творческие проявления, не заинтересован в развитии своего творческого потенциала, следовательно, у него будут низкие показатели вербальной креативности.

Высокие показатели по *шкале достижений* свидетельствуют об интернальности в сфере достижений у школьников с высоким уровнем вербальной креативности. С одной стороны, можно предположить, что ученики с высоким уровнем вербальной креативности обладают высоким уровнем интернальности по шкале достижений. Школьники с высоким уровнем креативности склонны считать достигнутые успехи результатом собственных качеств и проявленной активности. Такие ученики уверены в своей способности достижения успеха, они уверенно идут к своей цели, несмотря на трудности, преодолевают препятствия и прилагают максимум усилий для достижения результата. С другой стороны, именно интернальный локус контроля в области достижений может обуславливать развитие вербальной креативности у школьников. Если ученик считает, что достичь успеха можно только посредством собственных усилий, а не благодаря успешно сложившимся внешним обстоятельствам, то он будет стремиться достигать поставленные цели посредством усердной работы над собой. Следовательно, когда ученик ориентирован на достижение результата, он совершенствуется во всех видах своей деятельности, достигает поставленных целей, у него появляются новые ресурсы, а также раскрывается творческий потенциал.

Следует отметить, что низкие показатели, полученные по *шкале достижений*, свидетельствуют о том, что у детей с низким уровнем вербальной креативности преобладает экстернальный локус контроля в сфере достижений. С одной стороны мы можем отметить, что дети с низким уровнем вербальной креативности обладают экстернальным локусом контроля. Школьники с низким уровнем креативности склонны считать достигнутые успехи не результатом собственных усилий, а результатом удачно сложившихся внешних обстоятельств. Такие ученики, придерживаясь данной позиции, не испытывают потребности достигать поставленных целей посредством активизации своих ресурсов, не склонны затрачивать свои усилия на достижение результата. С другой стороны, именно наличие экстернального локуса контроля у старшеклассников может обуславливать низкий уровень вербальной креативности. То есть, школьники, которые объясняют положительные достижения результатом везения или помощи других людей, не способны проявлять творческие способности, в силу пассивности и нежелания прилагать свои усилия для осуществления результата. Следовательно, школьники с экстернальным локусом контроля не пытаются развить у себя какие-либо способности, не раскрывают свой творческий потенциал, и потому имеют низкие показатели вербальной креативности.

Высокие показатели, полученные по *шкале неудач*, свидетельствуют об интернальности в неприятных жизненных ситуациях у детей с высокими показателями вербальной креативности. С одной стороны, можно предположить, что ученики с высоким уровнем вербальной креативности обладают высоким уровнем интернальности в области неудач. Ученики с высокими показателями креативности склонны обвинять себя в

неприятных событий собственной жизни, у них высокий уровень внутреннего контроля над отрицательными событиями. С другой стороны, именно интернальный локус контроля в области неудач может обуславливать развитие вербальной креативности у школьников. Ученики, которые сталкиваются с трудностями в своей жизни, склонны искать причину своих неудач в своих действиях, в своем поведении. Таким образом, школьники пытаются усовершенствовать себя, проанализировать и исправить допущенные ими ошибки, предотвратив их появление в будущем. Это способствует личностному росту школьника, появлению зрелости убеждений, жизненной позиции, активизирует развитие познавательных и творческих способностей.

Следует отметить, что низкие показатели, полученные по *шкале неудач*, свидетельствуют о том, что у детей с низким уровнем вербальной креативности преобладает экстернальность в неприятных жизненных ситуациях. С одной стороны мы можем отметить, что дети с низким уровнем вербальной креативности обладают экстернальным локусом контроля в сфере неудач. То есть, у детей с низким уровнем креативности преобладает внешний контроль, что проявляется в приписывании ответственности другим людям или считается результатом невезения. С другой стороны, именно экстернальный локус контроля в области неудач может обуславливать наличие низких показателей вербальной креативности у школьников. Такие учащиеся не склонны искать причины неудач в собственных поступках и действиях, им легче не брать на себя ответственность за свое поведение, а приписать свои неудачи другим людям или внешним обстоятельствам. Эти люди не способны анализировать свое поведение, совершенствовать себя, развивать у себя творческие способности.

Высокие показатели по *шкале производственных отношений* свидетельствуют об интернальности в этой сфере у школьников с высоким уровнем вербальной креативности. С одной стороны, можно предположить, что ученики с высоким уровнем вербальной креативности обладают высоким уровнем интернальности по шкале производственных отношений. То есть дети с высоким уровнем креативности считают свои действия важным фактором в организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в своих успехах, а также в школьной успеваемости. С другой стороны, можно предположить, что именно интернальность в сфере производственных отношений влияет на развитие у детей креативности. Так как дети с интернальным локусом контроля предпочитают в своей деятельности такое руководство, при котором можно самостоятельно определять, что и когда делать. Таким людям нужно собственное пространство для реализации своих целей и намеченных планов, они склонны сами планировать свои действия, самостоятельно подбирать способы и пути их решения.

Следует отметить, что низкие показатели, полученные по *шкале производственных отношений*, свидетельствуют о том, что у детей с низким уровнем вербальной креативности преобладает экстернальный локус контроля в этой сфере. С одной стороны мы можем отметить, что дети с низким уровнем вербальной креативности обладают экстернальным локусом контроля. Это означает, что дети с низким уровнем креативности склонны считать свои достижения в определенной сфере деятельности не собственной заслугой, а удачным стечением обстоятельств, везением, заслугой других людей. С другой стороны, можно отметить, что именно экстернальный локус контроля в сфере производственных отношений обуславливает наличие низких показателей креативности в юношеском возрасте. То есть старшеклассники с экстернальным локусом контроля в производственной сфере предпочитают руководство, которое бы полностью контролировало их деятельность, не предоставляя

самостоятельности в поиске решения той или иной проблемы. Для таких учеников характерна последовательность в поведении относительно выполнения производственных задач, они склонны действовать по строго заданному плану под постоянным контролем руководства [4]. Поэтому таким школьникам трудно проявлять свою креативность, развивать творческие и новаторские идеи, воплощать их в деятельности.

Следует отметить, что по *шкале здоровья* у детей с высоким уровнем вербальной креативности были выявлены низкие показатели, то есть им присущ экстернальный локус контроля относительно сферы здоровья. Из этого следует, что дети с высоким уровнем креативности считают, что состояние здоровья и болезни являются результатом случая, судьбы. Также такие школьники склонны придерживаться точки зрения о том, что выздоровление может происходить спонтанно либо в результате действий врачей, то есть сам человек на это повлиять не может [1]. Следует отметить, что школьники с высоким уровнем креативности считают, на здоровье человека в большей степени влияют внешние обстоятельства, а не действия самого человека. Такие ученики склонны считать, что человек не может полностью уберечь себя от каких-либо заболеваний, то есть существуют какие-либо внешние обстоятельства, которые не могут контролироваться человеком.

Высокие показатели по *шкале здоровья* у детей с низким уровнем вербальной креативности свидетельствуют об интернальном локусе контроля в этой сфере. То есть, дети с низким уровнем вербальной креативности склонны считать себя ответственными за состояние своего здоровья, они склоняются к тому мнению, что правильный образ жизни в большей степени, чем медицина, помогают здоровью человека.

Следует отметить, что по *шкалам семейных и межличностных отношений* существенных различий у детей с высоким и низким уровнем вербальной креативности не было выявлено.

В зависимости от уровня невербальной креативности учащихся были получены следующие результаты по методике исследования уровня субъективного контроля, приведенные в таблице 2.

Таблица 2

Результаты методики исследования уровня субъективного контроля у учащихся с различным уровнем невербальной креативности

Параметры	Группы		Вероятность ошибки $p \leq$
	Высокий уровень невербальной креативности, $x \pm m$	Низкий уровень невербальной креативности, $x \pm m$	
Общая интенсивность	$45,3 \pm 2,7$	$27 \pm 2,02$	0,001
Область достижений	$23,3 \pm 1,3$	$14,3 \pm 1,3$	0,001
Область неудач	$14,4 \pm 0,9$	$10,4 \pm 1,2$	0,05
Семейные отношения	$4,1 \pm 0,4$	$4,8 \pm 0,5$	–
Производственные отношения	$14,9 \pm 1,4$	$8,9 \pm 0,9$	0,001
Межличностные отношения	$4,3 \pm 0,5$	$4,0 \pm 0,4$	–
Сфера здоровья	$2,9 \pm 0,3$	$2,6 \pm 0,4$	–

Анализируя данные, приведенные в таблице 2, необходимо отметить, что существуют различия у учащихся с различным уровнем невербальной креативности по таким шкалам субъективного контроля, как общая интенсивность ($p \leq 0,001$), область достижений ($p \leq 0,001$), область неудач ($p \leq 0,05$), производственные отношения ($p \leq 0,001$).

Значимость различий была проверена с помощью t-критерия Стьюдента. Следовательно, можно сделать вывод о наличии существенных различий в показателях по шкалам субъективного контроля у школьников с высоким и низким уровнем невербальной креативности. При анализе данных по шкалам семейных и межличностных отношений, а также шкалы здоровья существенных различий не выявлено.

Таким образом, можно утверждать, что у учащихся с высоким уровнем невербальной креативности выявлены высокие показатели по шкалам: общая интенсивность, область достижений и неудач, область производственных отношений. А у учащихся с низким уровнем невербальной креативности выявлены низкие показатели по шкалам общей интенсивности, области достижений и неудач, области производственных отношений.

Высокие показатели, полученные по шкале *общей интенсивности*, свидетельствуют об интернальности в различных жизненных ситуациях. С одной стороны, можно предположить, что ученики с высоким уровнем невербальной креативности обладают высоким уровнем интернальности. То есть школьники с высоким уровнем креативности интерпретируют значимые события как результат своей собственной деятельности, такие ученики более активно ищут информацию и обычно лучше осведомлены в жизненных ситуациях, в отличие от людей с экстернальным локусом контроля. С другой стороны, именно интернальный локус контроля может обуславливать развитие невербальной креативности. Из этого следует, что ученики, которым присущ интернальный локус контроля, чаще избегают ситуационных объяснений поведения. Такие школьники не боятся критики со стороны окружающих, и как следствие не подавляют в себе проявления креативности, для них не является важным в данном случае мнение других, они могут показывать свой богатый внутренний мир, открыто проявлять свои чувства и эмоции.

Следует отметить, что низкие показатели, полученные по шкале *общей интенсивности*, свидетельствуют о том, что у детей с низким уровнем невербальной креативности преобладает экстернальный локус контроля. С одной стороны мы можем отметить, что дети с низким уровнем невербальной креативности обладают экстернальным локусом контроля. То есть школьники, которые имеют низкие показатели креативности, занимают не активную жизненную позицию, перекадывают ответственность за свои поступки и действия на других людей или на внешние обстоятельства. Такие ученики склонны подчиняться давлению других, проявляют конформизм в своем поведении и чаще всего не умеют отстоять свою точку зрения. С другой стороны, можно предположить, что именно наличие экстернального локуса контроля препятствует развитию невербальной креативности. Ученики, имеющие экстернальный локус контроля, считают, что результаты деятельности и значимые события их жизни слабо зависят от их собственной активности, следовательно, они прилагают минимум своих усилий для достижения результата. Как известно, если личность не прилагает усилий для развития задатков, данных ей от природы, то они никогда не станут способностями [2], следовательно, креативность таких людей имеет низкие показатели.

Высокие показатели по *шкале достижений* свидетельствуют об интернальности в сфере достижений у школьников с высоким уровнем невербальной креативности. С одной стороны, можно предположить, что ученики с высоким уровнем невербальной креативности обладают высоким уровнем интернальности по шкале достижений. Школьники с высоким уровнем креативности склонны считать свои заслуги и достижения результатом собственных усилий, высоко оценивать результаты своей деятельности, ставить перед собой трудные, но достижимые цели. С другой стороны, можно предположить, что именно экстернальный локус контроля обуславливает

развитие креативности. Ученики с интернальным локусом контроля в сфере достижений убеждены, что усердная работа ведет к высокой продуктивности, а высокая продуктивность способствует получению высокого вознаграждения. У таких людей нет чувства страха перед трудностями, они с легкостью осваивают новые виды деятельности, накапливают индивидуальный опыт, следовательно, раскрывают в себе творческие способности.

Высокие показатели, полученные по *шкале неудач*, свидетельствуют об интернальности в неприятных жизненных ситуациях у детей с высокими показателями невербальной креативности. С одной стороны, можно предположить, что ученики с высоким уровнем невербальной креативности обладают высоким уровнем интернальности в области неудач. Ученики с высоким уровнем креативности склонны считать, что большинство неудач в их жизни произошло от их неумения или незнания чего-то, а не вследствие невезения. Также такие школьники считают, что неудачное стечение внешних обстоятельств не может помешать человеку в достижении успеха. С другой стороны, именно наличие интернального локуса контроля в области неудач может способствовать развитию креативности. То есть, школьники, которые осознают свою значимость в жизненных поступках и действиях, стремятся развивать и совершенствовать свои личностные качества, раскрывать в себе творческие способности.

Следует отметить, что низкие показатели, полученные по *шкале неудач*, свидетельствуют о том, что у детей с низким уровнем невербальной креативности преобладает экстернальность при восприятии неприятных жизненных событий. С одной стороны мы можем отметить, что дети с низким уровнем невербальной креативности обладают экстернальным локусом контроля в сфере неудач. То есть, дети с низким уровнем креативности считают, что личности мешает достичь успеха в жизни стечение внешних неблагоприятных обстоятельств. Также такие школьники считают, что в неприятностях и неудачах, которые были в их жизни, чаще виноваты другие люди. С другой стороны, именно наличие экстернального локуса контроля в области неудач может объяснять низкие показатели вербальной креативности у старшеклассников. Следует отметить, что такие школьники склонны считать, что заслуги человека часто остаются непризнанными, несмотря на все его старания, следовательно, они не стремятся развивать свои способности и творческий потенциал.

Высокие показатели по *шкале производственных отношений* свидетельствуют об интернальности в этой сфере у школьников с высоким уровнем невербальной креативности. С одной стороны, можно предположить, что ученики с высоким уровнем креативности обладают высоким уровнем интернальности по шкале производственных отношений. Дети с высоким уровнем невербальной креативности уверены в том, что их успеваемость в школе или прочие достижения зависят от суммы их знаний и общей подготовленности. С другой стороны, можно предположить, что именно интернальность в сфере производственных отношений влияет на развитие у детей креативности. Дети с интернальным локусом контроля склонны считать, что руководство оказывается более эффективным тогда, когда контролирует подчиненных не во всем, а полагается на их самостоятельность в выполнении того или иного задания [3]. Поэтому у таких школьников есть желание проявлять свою индивидуальность и креативность.

Следует отметить, что низкие показатели, полученные по *шкале производственных отношений*, свидетельствуют о том, что у детей с низким уровнем невербальной креативности преобладает экстернальный локус контроля в этой сфере. С одной стороны мы можем отметить, что дети с низким уровнем невербальной креативности обладают экстернальным локусом контроля. Это означает, что дети с низким уровнем креативности склонны считать, что успех в учебной деятельности

зависит не от усилий самой личности, а от внешних обстоятельств: отношения с учителем, везение и так далее. С другой стороны, можно отметить, что именно экстернальный локус контроля в сфере производственных отношений обуславливает наличие низких показателей креативности в юношеском возрасте. Старшеклассники с экстернальным локусом контроля считают, что для достижения успеха прилагать собственные усилия необязательно, так как есть вариант того, что заслуги не будут отмечены преподавателями.

Следует отметить, что по шкалам семейных и межличностных отношений, и шкале здоровья существенных различий у детей с высоким и низким уровнем невербальной креативности не было выявлено.

Заключение. 1. В результате проведения методики УСК у детей с различным уровнем вербальной и невербальной креативности было выявлено наличие существенных различий по некоторым шкалам субъективного контроля. 2. У учащихся с высоким уровнем вербальной креативности в сравнении со старшеклассниками с низким уровнем достоверно выше показатели по таким шкалам как «общая интенсивность» ($p \leq 0,001$), «область достижений» ($p \leq 0,01$), «область неудач» ($p \leq 0,01$), «производственные отношения» ($p \leq 0,01$), а так же по шкале «сфера здоровья» ($p \leq 0,01$). 3. У старшеклассников с высоким уровнем невербальной креативности существенно выше показатели по таким шкалам как «общая интенсивность» ($p \leq 0,001$), «область достижений» ($p \leq 0,001$), «область неудач» ($p \leq 0,05$), «производственные отношения» ($p \leq 0,001$).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валиева А.В. Креативность школьников и ее учет в педагогической деятельности учителя / А.В. Валиева. – Текст: непосредственный // Инновационные педагогические технологии : материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). – Казань: Молодой ученый, 2018. – С. 22–24.
2. Куршина Л.Ю. Одаренность: современные тенденции определения понятия / Л.Ю. Куршина // Актуальные вопросы современной психологии: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). – Краснодар: Новация, 2017. – С. 57–61.
3. Ларионова Л.И. Личностные особенности одаренных детей с разным уровнем интеллекта / Л.И. Ларионова // Одаренность: методы выявления и пути развития. Сборник статей, докладов и материалов Всероссийской конференции (28 сентября 2017 года, г. Москва). Часть I. Отв. ред. Д.Б. Богоявленская, В.К. Балтян. – С. 187–191.
4. Методология педагогики: монография // Под общ. ред. В.Г. Рындак. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 296 с.

Поступила в редакцию 20.09.2020 г.

CREATIVITY AND HIGH SCHOOL STUDENTS' LEVEL OF SUBJECTIVE CONTROL

V.I. Bezrodny

The article addresses the results of the comparative studies of verbal and non-verbal creativity depending on the level of subjective control (LSC). The significance of the differences was tested using the Student's t-test. The application of this method has shown the correlation of the high school students' LSC with different levels of verbal and non-verbal creativity. The high school students' LSC with different levels of verbal and non-verbal creativity appeared to have considerable differences according to some scales of subjective control.

Key words: level of subjective control, verbal and non-verbal creativity, Student's t-criterion.

Безродный Владимир Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: bezrodny@rambler.ru

Bezrodny Vladimir Ivanovich.

Candidate of Psychology, Associate professor.
Donetsk National University.
Associate Professor of Department of Psychology.
E-mail: bezrodny@rambler.ru

УДК 159.9 : 17.023

ПРОБЛЕМА РАЗЛИЧЕНИЯ ДОБРА И ЗЛА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНФЛИКТА «ДОНБАСС – КИЕВ»

© 2020. *М.И. Яновский, К.В. Черкашин*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье обсуждается морально-этическая проблематика, актуализированная конфликтом «Донбасс – Киев». Анализируется так называемое «золотое правило нравственности» – «не делайте другим то, что вы не желаете для себя». Авторы трактуют его как необходимость опираться помимо эмпирических временных факторов – на вневременные идеальные принципы. Приводятся данные исследования, в котором позиции людей в отношении конфликта «Донбасс – Киев» соотносились с их ценностными ориентациями.

Ключевые слова: мораль, добро и зло, идеальное, ценностные ориентации.

Процессы, наблюдаемые в наше время в мире, отражают глубокий раскол в сознании людей, вызванный поляризацией систем ценностей. Это можно понимать как следствие морального самоопределения, т.е. поиска ответа на вопрос «что есть добро и что есть зло» и выбора между тем и другим.

События на Украине, Ближнем Востоке, США, трансформации межгосударственных отношений безусловно, помимо прочего, имеют и моральное измерение. При этом ход событий показывает, что нейтральная позиция в современных процессах невозможна, потому что нейтралитет в моральных вопросах на деле означает примыкание к одной из позиций.

Но вопрос более глубок. Слепота множества людей в разных странах к произошедшей на Украине моральной катастрофе – легализации и институализации такого безусловного и общепризнанного зла как фашизм – ставит вопрос: что ослепляет, а что делает зрячим к добру и злу?

Различия в понимании добра и зла, на первый взгляд, обусловлены разным мировоззрением, взглядами, традициями и т.д. Так, почти очевидным является следующее мнение: «современный социум, в отличие от традиционного, характеризуется сосуществованием, а нередко и противостоянием различных нравственных систем – моралей» [4, с. 5]; «так называемая “общечеловеческая” (христианская или мусульманская?) мораль ... является абстракцией» [4, с. 6] (см. обзор подходов к категориям добра и зла: [7]). Эта точка зрения, однако, приводит к скептицизму, к идее условности морали вообще, в т.ч. категорий добра и зла. Логическим завершением такого понимания морали является ницшеанский «сверхчеловек», который сам устанавливает, что считать добром и злом. Мораль заменяется правом силы (а значит также хитрости, ловкости и т.д.). Мораль – основа строительства связей и отношений между людьми, а релятивизм в понимании морали утверждает невозможность связности и целостности общества. Тем самым релятивизм по сути вообще отрицает мораль как работающий принцип человеческих отношений. Поэтому мы должны поискать другие объяснения различий в понимании добра и зла.

Необходимо сначала выяснить саму возможность единого объективного принципа морали. Единый принцип морали давно сформулирован как «золотое правило морали», и он в целом совпадает в разных религиозных системах [2]:

- в христианстве: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Евангелие от Матфея);
- в иудаизме: «Не делай соседу того, что ненавистно тебе» (Тора);
- в исламе: «Делайте всем людям то, что вы желали бы, чтобы вам делали люди, и не делайте другим того, чего вы не желали бы себе» («Сунны» – предания из жизни Мухаммеда);
- в индуизме: «Пусть [человек] не причиняет другому того, что неприятно ему самому» (Махабхарата);
- в буддизме: «Как он поучает другого, так пусть поступает и сам» (Дхаммапада);
- в конфуцианстве: «Чего ты не желаешь себе, не делай другому» (Лунь Юй).

Факт единства таких разных религий в понимании сущности морали – если использовать аналогию с методами юриспруденции – подобен установлению объективности факта при наличии множества свидетелей.

Проанализируем этот принцип в христианской формулировке: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».

Что здесь утверждается в качестве морали? Некое качество воздействия одного человека на другого, которое реализуется через обращаемость, как бы симметричность, их действий и их позиций – от «меня» к «ним» и от «них» ко «мне».

Это удивительным образом совпадает с занимающим важнейшее место в психологической теории Ж. Пиаже феноменом, названным им «обратимостью» действий, как физических, так и ментальных. Обратимость – это способность при совершении действия проделать действие, обратное к нему, и как бы возвратиться в исходный пункт [6]. Обратимость умственных действий у Пиаже является ключевым условием перехода от наглядно-чувственных (эмпирических) образов и мыслительных действий с ними – к действиям с «символами» – абстрактными понятиями и категориями.

Обратимость в формулировке главного принципа морали связана не только и не столько с просто равенством позиций: ведь это превратило бы мораль в подобие виртуальной торговой сделки (например: «я должен причинить себе столько же страданий, сколько причинил тебе, чтобы тебе не было обидно»). Обратимость больше связана с присутствием некоего общего (или ничьего), одного и того же для разных участников, симметричного по отношению к участникам, начала. Поэтому, мы полагаем, здесь речь идет не столько о субъектах, сколько о том, что их связывает, об этом как бы симметричном обращаемом связующем начале, взаимоотношении, «удостоверяемой общности» [2]. Взаимоотношение в данном случае выступает одновременно и как абстракция, и как реальность сама по себе. Философски для обозначения таких абстракций-реальностей давно существует термин: *идеальное* (которое противоположно чувственно данному, *эмпирическому*).

Таким образом, в этом принципе содержится признание идеального как самостоятельного, действительного элемента человеческих отношений. Этот элемент характеризуется тем, что он привносит симметричность (равенство) в позиции, в основания позиций людей. Внося связь, единство между людьми, он в то же время не разрушает индивидуальность каждого.

Обратим внимание на трудность принятия идеи действительности идеального. Обсуждение причин этого не входит в задачи данной статьи. Однако можно предположить, что должны быть трактовки морали, в которых мораль выступает в упрощённой, более поверхностной форме – как разновидность эмпирики.

Действительно, такие трактовки существуют. Пример простейшей житейской их разновидности: «Добро не существует само по себе. Добро – это то же, что быть хорошим человеком».

В концептуализированной форме сведение сути морали к неким эмпирическим определённым, т.е. эмпиризм в понимании морали, было выражено И. Кантом:

«Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [5, с. 347].

И дополнение: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [там же, с. 270].

При кажущемся совпадении кантовской трактовки принципа морали с религиозными, главное здесь в том, что моралью (моральной меркой) провозглашается не некий принцип, не идеальное, а эмпирическое реальное – личная воля, изменённая и усиленная (доведённая до статуса «всеобщего закона»). Т.е. мораль – это когда «Я» делает, или может сделать, себя и свою волю тотальной.

Очевидно, что в данной трактовке всё эмпирично, нет ничего идеального: и «Я», и моя воля, и возможная тотальность воли (слова «возможная», «могла бы быть» характеризуют эмпирическое, а не идеальное). Обратим также внимание на выражение «максима твоей воли». Вероятно, замысел Канта был в том, чтобы всеобщность «ненадёжного» и нереального для Канта идеального заменить наращенной, доведённой до воображаемой абсолютизации, специально подобранной эмпирикой. По сути получилось, что Кант использовал подмену качественного количественным, т.е. идеального эмпирическим, и, чтобы сделать эту подмену незаметной, ему необходимо оказалось максимизировать эмпирическое, сделать его как бы тотальным. Однако от этого оно идеальным не становится («пыль, взметнувшаяся до небес, остаётся всего лишь пылью»).

Так обратимость оказалась заменена максимизацией. Очевидно, что обратимость и максимизация – это совершенно различные, в чём-то даже противоположные, принципы. Следствия подмены существенны. Так, максимизированная воля (= категорический императив) у Канта стала заменителем духовности, её имитацией. Не здесь ли кроется секрет того извращения морали, которое случилось в Германии в XX веке и выразилось в искреннем увлечении немцев фашизмом?.. То, что устанавливается запрет на использование другого человека или самого себя как средства, не отменяет, а даже укрепляет тотальный эгоцентризм кантовской морали, которая, таким образом, кратко может быть выражена так: я – самоцель; я и моя воля – сами себе закон. Очевидно, такая трактовка морали не просто отличается, а диаметрально противоположна религиозной – при, на первый взгляд, совпадении с ней¹.

¹ Интересно, что либерализм точно так же отрицает идеальное в сфере морали, как и фашизм. Способы морального анализа и трактовки социальных взаимодействий, применяемые людьми либералистского мировоззрения, как правило, ограничиваются декларируемыми (а нередко приписываемыми) направленностями воли – намерениями (интенциями). К либерализму примыкает и такое модное ныне течение, пытающееся монополизировать вопросы морали и духовности, как экзистенциализм. Так, М. Хайдеггер отвергает философию Платона как раз за привнесение в этику, в понимание мира и человека, внеопытного идеального. К. Поппер, а вслед за ним его адепт Дж. Сорос, как и постмодернизм, пошли ещё дальше. Они провозгласили использование идеального в мировоззрении источником тоталитаризма, в т.ч. фашизма. В действительности дело обстоит прямо наоборот: отсутствие идеального в картине мира, в понимании действительности, ведёт к фашизму.

Обобщая анализ, можно сказать, что трактовка морали в мировых религиях основывается на понимании её как некой вневременной идеальной основы взаимоотношений и взаимодействий людей. Альтернативная, «приземлённая», трактовка основывается на сведении её к эмпирически наблюдаемым, т.е. во времени фиксируемым феноменам, свойствам или объектам.

Такие выводы вписываются в одну из наиболее обоснованных современных моделей морального сознания, принадлежащую Л. Кольбергу [1; 3].

Л. Кольберг, основываясь на концепции «эгоцентризма-децентрации» Ж. Пиаже, а также большом объёме своих в т.ч. эмпирических исследований, разработал модель трёх стадий морального сознания: преконвенциональная, конвенциональная и постконвенциональная. Полноценно моральное сознание – на постконвенциональной стадии. Для него характерно осознание универсальных моральных принципов и осознание равенства людей перед ними. Две другие стадии характеризуются сведением морали к эмоциям (удовольствие, страдание, жалость и т.д.), к личным проявлениям («добрый» или «злой» человек) и групповым или социальным нормам («правильное» или «неправильное» поведение) [там же].

Если подлинно моральным можно считать постконвенциональное моральное сознание, то пре- и конвенциональное сознание в точном смысле слова являются квазиморальными. Вероятно, принадлежность к этим стадиям будет приводить к ошибкам в распознавании добра и зла. А именно: на квазиморальных стадиях будут принимать за мораль (добро) какие-либо эмпирические явления: определённые позитивные психические состояния (например, положительные эмоции, переживание жалость и т.п.), или личностные свойства (например, доброту), или социально «правильное» поведение (например, лояльность к «своим»).

Конфликт Донбасс – Киев мы видим как конфликт безусловно моральный, поэтому по сути это столкновение добра и зла. Исходя из того, что фашизм взят на вооружение как идеология киевской стороной, а донбасская сторона консолидировалась на сопротивлении фашизации, мы полагаем, что данный конфликт можно рассматривать даже как эталонный пример противостояния добра и зла. В этом смысле отношение к данному конфликту – своего рода тест на уровень морального сознания.

Эмпирическое исследование. Мы провели исследование того, с какими ценностными ориентациями коррелирует позиция человека в конфликте Украина – Донбасс. Таким образом мы выявляли, как характер ценностных ориентаций обуславливает распознавание добра и зла, и, вероятно, выбор между ними. Участники исследования – студенты очного и заочного отделений университета, педагоги и ученики старших классов (11 класс) одной из школ Донецкой Народной Республики. Всего – 127 человек. Исследование проводилось анонимно. Была предложена анкета, один из вопросов которой был: «На чьей стороне правда в конфликте Украина – Донбасс?». Варианты ответов: «На стороне Киева», «На стороне Донбасса», «Обе стороны правы (неправы)». Также у испытуемых определялись ценностные ориентации по методике М. Рокича.

Результаты. На основании средних рангов мы составили итоговую обобщённую градацию рангов по обеим группам (табл. 1). Ответы «Правда на стороне Киева» почти не встречались, поэтому такие ответы были включены в группу ответивших «Обе стороны правы (неправы)».

Таблица 1

Средние и обобщённые ранги ценностных ориентаций (по методике Рокича) у тех, кто считает, что в конфликте Украина – Донбасс прав Донбасс или правы (неправы) обе стороны (чем меньше цифра, тем более высокий уровень ценности)

	«прав Донбасс»		«правы (неправы) обе стороны»	
	средний ранг	обобщённый ранг	средний ранг	обобщённый ранг
1	2	3	4	5
терминальные ценности				
Активная деятельная жизнь	6,7	3	7,9	5
Жизненная мудрость	9,2	8	9,4	11
Здоровье	4,5	1	4,2	1
Интересная работа	7,9	6	8,2	6
Красота природы и искусства	11,5	15	14,0	18
Любовь	6,3	2	6,9	2
Материально обеспеченная жизнь	7,5	5	7,0	3
Наличие хороших и верных друзей	7,7	4	8,7	9
Общественное признание	12,4	17	12,0	15
Познание	10,9	14	10,3	13
Продуктивная жизнь	9,9	10	9,4	10
Развитие	8,5	7	7,8	4
Свобода	10,4	12	10,1	12
Счастливая семейная жизнь	9,2	9	8,4	8
Счастье других	10,0	11	12,7	16
Творчество	12,0	16	13,6	17
Уверенность в себе	10,9	13	8,2	7
Удовольствия	12,6	18	11,4	14
инструментальные ценности				
	средний ранг	обобщённый ранг	средний ранг	обобщённый ранг
Аккуратность	9,3	8	9,2	9
Воспитанность	8,1	4	6,5	2
Высокие запросы	11,4	16	12,7	17
Жизнерадостность	10,0	11	7,8	4
Исполнительность	10,7	13	11,3	15
Независимость	7,7	3	8,1	5
Непримиримость к недостаткам в себе и других	13,1	18	14,8	18
Образованность	7,1	2	6,8	1
Ответственность	11,1	14	9,2	10
Рационализм	9,9	9	9,1	8
Самоконтроль	10,1	12	9	7
Смелость в отстаивании своего мнения	10,8	15	9,4	12
Чуткость	8,9	7	11,4	16
Терпимость	9,9	10	9,5	13
Широта взглядов	8,7	6	9,3	11
Твердая воля	8,4	5	8,9	6
Честность	6,5	1	7,0	3
Эффективность в делах	11,5	17	9,9	14

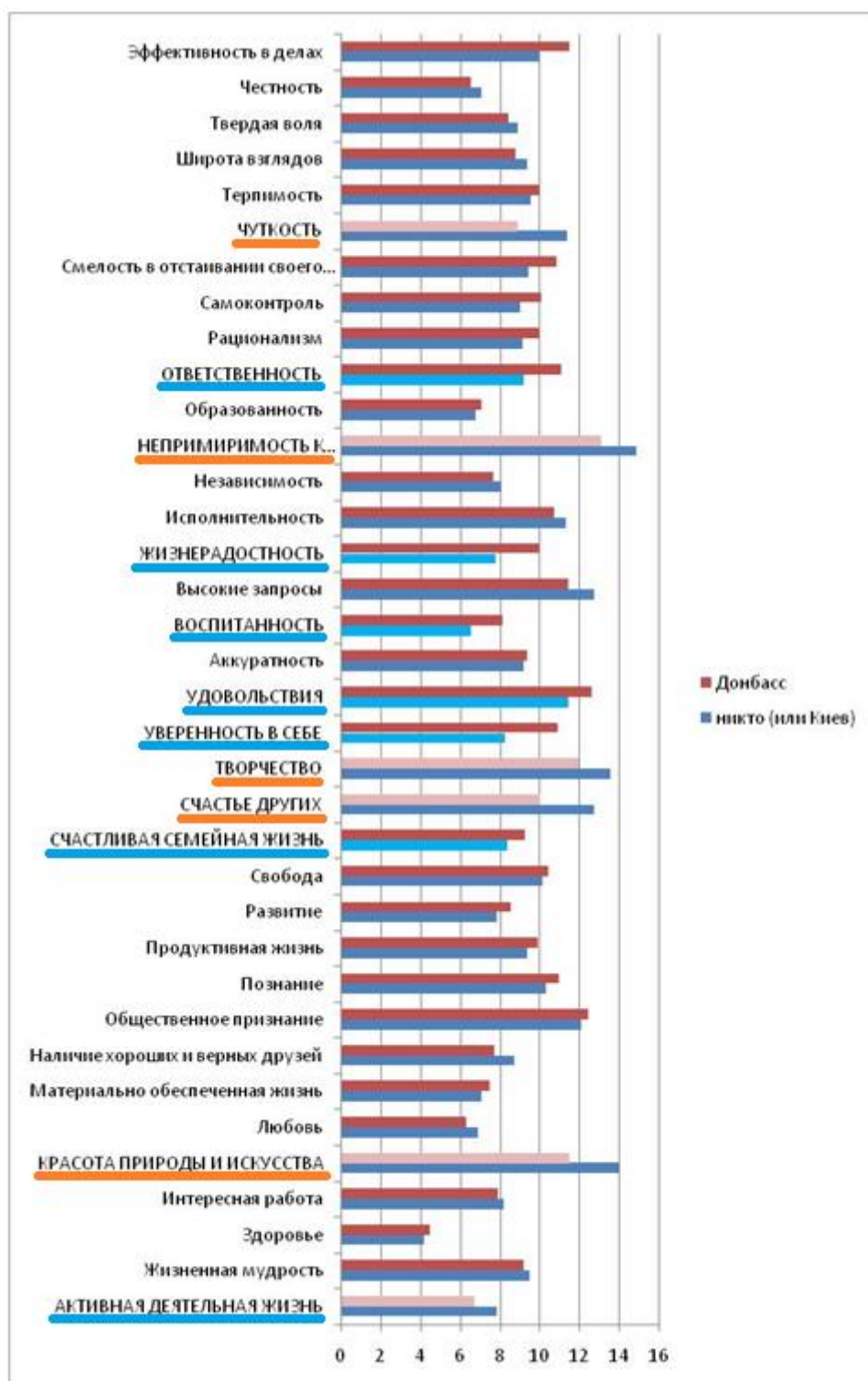

Рис. 1. Диаграмма средних по рангам ценностных ориентаций (по методике Рокича) в двух условных группах. (Более короткий столбик означает более высокий ранг ценности. Подчеркнуты ценностные ориентации, по которым выявлены статистически значимые различия (U-критерий Манна-Уитни).)

В дальнейшем анализе ограничимся выявленными статистически достоверными различиями (см. рис. 1; табл. 2).

Таблица 2

Обобщённые ранговые иерархии двух условных групп (выделены ценностные ориентации, достоверно различающиеся по уровню значимости)

«прав Донбасс»	«правы (неправы) обе стороны»
терминальные ценности	
Здоровье	Здоровье
Любовь	Любовь
Активная деятельная жизнь	Материально обеспеченная жизнь
Наличие хороших и верных друзей	Развитие
Материально обеспеченная жизнь	Активная деятельная жизнь
Интересная работа	Интересная работа
Развитие	Уверенность в себе
Жизненная мудрость	Счастливая семейная жизнь
Счастливая семейная жизнь	Наличие хороших и верных друзей
Продуктивная жизнь	Продуктивная жизнь
Счастье других	Жизненная мудрость
Свобода	Свобода
Уверенность в себе	Познание
Познание	Удовольствия
Красота природы и искусства	Общественное признание
Творчество	Счастье других
Общественное признание	Творчество
Удовольствия	Красота природы и искусства
инструментальные ценности	
Честность	Образованность
Образованность	Воспитанность
Независимость	Честность
Воспитанность	Жизнерадостность
Твердая воля	Независимость
Широта взглядов	Твердая воля
Чуткость	Самоконтроль
Аккуратность	Рационализм
Рационализм	Аккуратность
Терпимость	Ответственность
Жизнерадостность	Широта взглядов
Самоконтроль	Смелость в отстаивании своего мнения
Исполнительность	Терпимость
Ответственность	Эффективность в делах
Смелость в отстаивании своего мнения	Исполнительность
Высокие запросы	Чуткость
Эффективность в делах	Высокие запросы
Непримиримость к недостаткам в себе и других	Непримиримость к недостаткам в себе и других

Ценностные ориентации, которые достоверно более ценимы теми, кто в конфликте Донбасс – Киев видит правоту Донбасса, и более предпочитаемые теми, кто считает равно правыми (или неправыми) обе стороны конфликта, сведены в табл. 3.

Таблица 3

Ценностные ориентации, достоверно различающиеся (более значимые) у двух условных групп

«прав Донбасс»	«правы (неправы) обе стороны»
терминальные ценности	
Активная деятельная жизнь	Уверенность в себе
Счастье других	Счастливая семейная жизнь
Красота природы и искусства	Удовольствия
Творчество	

Продолжение табл. 3

инструментальные ценности	
<i>Чуткость</i>	<i>Воспитанность</i>
<i>Непримиримость к недостаткам в себе и других</i>	<i>Жизнерадостность</i>
	<i>Ответственность</i>

Что стоит за этими ценностями и могут ли они быть связаны с дифференциацией идеального – эмпирического?

Проанализируем ценностные ориентации тех, кто в конфликте Донбасс – Киев видит правоту Донбасса.

Активная деятельная жизнь. Следует учесть, что потребительская жизненная позиция возникает как следствие абсолютизации эмпирической реальности и проекции этой абсолютизации в плоскость мировоззрения. Ценность же «Активная деятельная жизнь» – это ценность непотребительской жизненной позиции. Значит, это ценность в т.ч. отказа от абсолютизации эмпирической реальности.

Счастье других. Эта ценность фиксирует то качество, без которого невозможна чувствительность к идеальному, – способность выходить за пределы своего эго.

Красота природы и искусства. Ценность, выражающая способность чувствовать идеальное как некую самостоятельно существующую реальность, или как компонент эмпирической реальности.

Следует отметить, что ценность красоты – это также и ценность гармонии и соразмерности, что очевидно созвучно базовому принципу морали, обозначенному выше.

(Кажется неожиданным, что именно «красота» является более значимой ценностью для считающих Донбасс правым в конфликте Киев – Донбасс. Однако это соответствует фактам. В Донбассе в 2014–2019 гг. параллельно с всплеском патриотизма наблюдался рост художественной активности людей. Например: в донецких театрах с 2015 г. аншлаги; художественный уровень студенческой самодеятельности достиг уровня, несопоставимого с тем, что было до 2014 г.)

Творчество. Ценность творчества – это ценность причастности надэмпирическому уровню реальности по той причине, что творчество – это то, что продуцирует эмпирику, та сила, которой эмпирика подчиняется.

Однако творчество может быть и разрушительным. Созидательным его может сделать сочетание с другими ценностями, в частности со следующей.

Чуткость. Это ценность способности настраиваться на более утончённое восприятие качеств предметов или других людей, вхождение в их проблемы, их состояния – не проецируя на них свои. В терминах Пиаже чуткость – это моральная и эстетическая аккомодация сознания, способность к аккомодации. Такая аккомодация – элемент обратимости.

Непримиримость к недостаткам в себе и других. Это ценность независимого от временных обстоятельств хранения своего достигнутого понимания морали. Критическое отношение к эмпирике поведения и черт личности – элемент той связности сознания, без которой невозможна обратимость, без которого обратимость актов сознания превращается в разорванность сознания.

Как видим, ценности, предпочитаемые людьми, объективно различающими добро и зло и выбирающими поэтому первое, действительно так или иначе опираются на различение идеального и эмпирического, на способность опираться на идеальное и защищать его.

Проанализируем ценностные ориентации тех, кто считает равно правыми (или неправыми) обе стороны конфликта.

Уверенность в себе. Эта ценность состоит во внушении теми или иными способами самому себе значимости себя. Она делает обратимость труднореализуемой, поскольку предполагает продуцирование и удержание некой «сильной» формы своей личности, «сильного» образа-Я, тогда как при обратимости формы теряют силу и перетекают друг в друга. При этом продуцирование «сильного» образа-Я становясь самоцелью, легко становится обманом. Для субъекта с развитой обратимостью ментальных (и физических) действий «уверенность в себе» скорее всего малоактуальна, поскольку для него состояния «уверенности – неуверенности в себе» – лишь две рабочие фазы самосознания.

Обратим внимание, что эта ценность перекликается с кантовской «максимой твоей воли» (см. выше). По-видимому и кантовская формула морали по сути – метод внушения себе «уверенности в себе» в моральном плане. Т.е. возможно и «категорический императив» – самовнушение моральной уверенности в себе. Но тогда здесь нет надэмпирических, идеальных оснований. Идеальное замещается наращиванием своей воли, «категорическим императивом», что может давать максимум уверенности в себе.

В целом, по-видимому, на этой ценности могут основываться и многие социальные пороки: алчность, трусливость и т.д.

Счастливая семейная жизнь. Эта ценность воплощает равновесие гедонизма, с одной стороны, и воспитанности и ответственности, с другой стороны (см. ниже).

Удовольствия. Удовольствие не есть нечто плохое, однако у идеального это факультативный признак. В целом удовольствия (как и страдания) – классическая форма как раз эмпирики жизни. Абсолютизация удовольствий (гедонизм) отдаляет от надэмпирической идеальной реальности, закрывает и обесценивает её в нашем сознании.

Воспитанность. Ценность соответствия действий (поведенческой эмпирики) некоему набору норм. Можно ли считать нормы чем-то идеальным? Нормы зачастую условны, поэтому относительно сами по себе, а значит изменчивы и зависят от обстоятельств. Нормы могут иметь, и могут не иметь отношения к идеальному.

Жизнерадостность. Суть этой ценности – в значимости умения наслаждаться эмпирикой жизни.

Ответственность. Эта ценность безусловно позитивная, однако сама по себе она обозначает лишь организованность, порядок эмпирики жизни. Впрочем, эта организованность может быть связана с подчинением и факторам надэмпирическим.

Что общего в этих ценностных ориентациях?

Видно, что в этих ценностях есть перевес ориентации на эмпирически получаемые жизненные переживания. Своего рода позиция: «меня интересует только то, что касается так или иначе лично меня, то, что я ощущаю и какие эмоции получаю». В этом можно усмотреть момент когнитивного самоограничения, как бы пренебрежения, не обращения внимания на то, что выходит за рамки временного конкретного своего состояния, переживания себя, своего интереса, т.е. своего рода «самоослепление». Вероятно, это эмоционально-когнитивный эгоцентризм, поскольку центром этого формируемого закапсулированного мирка является «Я» (необязательно в форме чистого эгоизма, но и в форме конструкции «Я и группа», «Я и общество»).

Также в этих ценностях присутствует стремление держаться за «сильную» форму своего социального «Я» (*уверенность в себе, воспитанность, ответственность*). Такое стремление – потенциально мотив поведения, позволяющего формировать сеть «нужных» социальных связей и своё как бы «достойное» положение в этой сети.

Однако само по себе это «достойное положение» лишь форма. Если она становится самоцелью, то она легко становится формой без содержания.

(Можно предположить, что вполне возможно ценности второй группы в целом, в ослабленной форме, переключаются с ценностями граждан, настроенных про-киевски. Если так, то это даёт опору для выстраивания объяснений иррациональной агрессивности, которая была проявлена про-киевскими про-майданными группами после госпереворота. Действительно, стремление к *уверенности в себе* совпадает со смыслом лозунга «революция *достоинства*» (достоинство как выражение достигнутой и как бы утверждённой уверенности в себе). По-видимому, это стремление у про-майданных групп обуславливает обострённое переживание унижения от остракизма со стороны «ушедших» Крыма и Донбасса. Страдание отверженности и унижения смягчается защитной рационализацией, что на самом деле это Россия отобрала их силой, и что «нас любит запад». На этой почве возникает поворот к защитной гиперкомпенсации – унижить другого. Таким образом, амбивалентное переживание гордости-униженности порождает желание унижить другого, самоутвердиться на нём. Желание унижить другого в сочетании с тягой к *удовольствиям* и *жизнерадостности* порождает тенденцию к садизму. Стремление к *удовольствиям* как ценности в ситуациях фрустрации порождает депрессию, что так же стимулирует иррациональную агрессивность. Ценности *воспитанности* и *ответственности* вносят иллюзорное псевдоморальное оправдание себя: «мы носители культуры, а вы – некультурные, и вы – предатели». Такое самооправдание блокирует возможность рефлексии. Рефлексия также блокируется страхом потерять с таким трудом обретаемое чувство «достоинства», *уверенности в себе*. В подобной ситуации человек легко примиряется с ложью.)

Закключение. Нераспознавание добра и зла, таким образом, – вероятно, есть следствие в той или иной степени сознательного когнитивного «самоослепления» к внеличному, внеиндивидуальному, надэмпирическому фактору реальности, к идеальному, необращение внимания на него. Также оно следствие стремления к образованию и удержанию «сильных» форм социального «Я».

Подобное нераспознавание нельзя считать нейтральной позицией. Оно скорее является своего рода «порталом» вхождения в те или иные вариации пороков (предательство, презрение к людям, самодовольство и т.д.).

В целом можно сделать вывод, что нераспознавание вневременного надэмпирического фактора в реальности транслируется в моральную сферу как неразличение добра и зла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) / Л.И. Анцыферов // Психологический журнал. – 1999. Т. 20. – № 3. – С. 5–17.
2. Апресян Р.Г. Генезис золотого правила / Р.Г. Апресян // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – С. 39–50.
3. Гулевич О.А. Основные стадии моральной социализации / О.А. Гулевич // Психология нравственности. Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010. – С. 52–66.
4. Журавлев А.Л. Психология нравственности как область психологического исследования / А.Л. Журавлев, А.В. Юревич // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 3. – С. 5–14.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант // Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – 544 с.
6. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. – М.: Римис, 2008. – 448 с.
7. Попов Л.М. Добро и зло в этической психологии личности / Л.М. Попов, О.Ю. Голубева, П.Н. Устин. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2008. – 142 с.

Поступила в редакцию 21.09.2020 г.

**PROBLEM OF DISTINGUISHING BETWEEN GOOD AND EVIL THROUGH THE PRISM OF THE
CONFLICT «DONBASS – KIEV»**

M.I. Yanovsky, K.V. Cherkashin

The article addresses the moral and ethical issues brought into the open by the conflict "Donbass – Kiev". The article analyzes the so-called "Golden rule of morality" – "Do not treat others in ways that you would not like to be treated". The authors interpret it as the need to rely on timeless ideal principles in addition to empirical temporal factors. The article presents data from a study, in which people's positions in relation to the "Donbass – Kiev" conflict are correlated with their value orientations.

Key words: morality, good and evil, ideal, value orientations.

Яновский Михаил Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Yanovsky Mikhail Ivanovich.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor of Department of Psychology.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Черкашин Кирилл Валерьевич.

Кандидат политических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры политологии.
E-mail: cyrilcherkashyn@gmail.com

Cherkashin Kirill Valerievich.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor of Department of Politology.
E-mail: cyrilcherkashyn@gmail.com

УДК 159.99

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ ЛИЧНОСТНАЯ ЗРЕЛОСТЬ

© 2020. *Н.П. Андриюшкова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены теоретические аспекты феномена личностной зрелости. Дается анализ данного феномена в рамках структурного и функционального направлений. Анализируются основные компоненты личностной зрелости и ее содержание.

Ключевые слова: зрелость, любовь, самопознание, одиночество, механизмы.

Личностная зрелость считается одной из социально позитивных и значимых характеристик человека. В то же время, определение личностной зрелости как психологического понятия нередко остается скрытым за авторскими перечнями черт зрелой личности.

Феномен личностной зрелости исследовался психологами в двух основных направлениях: структурном и функциональном. Наиболее обобщенное содержание феномена «личностная зрелость», по нашему мнению, отражено в определении К. Абульхановой и Т. Березиной, которые отмечают, что зрелость – не данность возраста, а достижение определенного, соответствующего типу личности образа жизни [1]. Конгруэнтность личности и образа жизни достигается путем развития ряда качеств, которые представители структурного подхода называют компонентами личностной зрелости.

Анализ научных работ Ю. Гильбуха, Г. Олпорта, А. Реана, Т. Титаренко, А. Штепы и других позволяет определить компоненты личностной зрелости, содержательно повторяющиеся в исследованиях ученых, а именно:

- способность признавать себя автором своей жизни и брать ответственность за нее (креативность, ответственность);
- способность самостоятельно находить смысл своей жизни (синергичность);
- способность оставаться открытым к новому опыту, учиться на протяжении жизни (саморазвитие);
- принимать себя, окружающих людей и саму жизнь такой, какая она есть (самопринятие);
- способность преодолевать отчуждение, которое может навязываться социумом, и быть творцом собственной системы ценностей и смыслов, которые потом будут согласовываться с общечеловеческими ценностями, но не будут противопоставляться общепринятым моральным нормам (автономность, аутентичность).

Следует заметить, что, хотя способность любить как компонент личностной зрелости определяется немногими учеными (в частности, Т. Титаренко, Л. Овсянецким), однако, по нашему мнению, этот компонент можно назвать интегративным, поскольку он объединяет такие черты, как: креативность, ответственность, децентрацию, глубинность переживаний, толерантность и даже жизненную философию. Э. Фромм отмечает, что любить способен не каждый человек, ведь любить – значит проявлять продуктивную активность, выражать себя более ярко, давать что-либо другому и вызывать активность в ответ [5].

Зрелая личность относится толерантно к особенностям другого человека, не пытается навязывать собственных представлений, осознает, что любой человек имеет такую же свободу определять свою жизнь, как и она. Зрелая личность принимает другого человека таким, какой он есть. Она ценит не только собственную уникальность, но способна ценить и неповторимость другого человека, воспринимая ее как самоценность. Личностно зрелый человек не требует от другого человека соответствовать его ожиданиям и сам не ожидает определенных «бонусов» от отношений, он просто находится в любви, ведь, по выражению Э. Фромма, любовь является не понятием, а процессом [5].

В перечисленные компоненты личностной зрелости необходимо включить способность человека осознавать и принимать собственную смертность. Как отмечает И. Ялом [8], осознание человеком факта будущей смерти, равнозначного собственному рождению, признание того, что смерть является частью, без которой невозможна сама жизнь (как невозможен день без ночи), способствует личностному росту, желанию более качественно и полно проживать каждый день, реализовывать себя здесь и сейчас. Человек, который принимает факт собственной смертности, более уважительно начинает относиться как к своей жизни, так и к жизни другого. Он осознает, что другой человек имеет право поступать так, как считает целесообразным, имея только одну жизнь, которая не сможет повториться. Следовательно, появляется ясная и «тихая радость бытия», которую Т. Титаренко определила как компонент личностной зрелости [6]. Эта радость рождается в осознании того, что обыденные вещи, которые мы едва замечаем и считаем их рутинными, на самом деле не являются данностью бытия, наоборот, это маленькие подарки, которые существуют не потому что мы их чем-то заслужили, а именно потому, что жизнь хаотична и довольно непредсказуема. Осознавая конечность бытия, человек начинает всматриваться в отдельные его моменты, сознание его сосредотачивается на сегодняшнем дне. Это, по нашему мнению, является одним из показателей личностной зрелости – осознанное и ответственное отношения к собственной жизни и жизни других людей.

Анализ феномена личностной зрелости в пределах структурного подхода дает возможность выделить ее составляющие, раскрыть их содержание, но не указывает механизмы и пути, способы ее формирования.

В рамках функционального подхода феномен личностной зрелости рассматривают как систему, которая способна к саморегуляции; основная функция при этом, по определению К. Абульхановой-Славской, заключается в реализации последовательного проживания личностью своей жизненной линии, то есть осознание себя субъектом собственной жизни [2]. Личностная зрелость рассматривается как способность личности активно познавать жизнь через детерминацию ведущего вида деятельности и определяется не формальными показателями, а тем «индивидуальным смыслом, который личность вкладывает в свою деятельность»

Таким образом, личностная зрелость проявляется в особом функционировании человека, когда личность осознает собственную жизненную миссию, пути ее реализации и последовательно воплощает их, независимо от внешних условий и обстоятельств. Узнать свою жизненную миссию возможно в процессе активного проникновения в жизнь, то есть в процессе самопознания.

Ученые единодушны в том, что личностная зрелость проявляется в интернальном локус контроле, когда личность признает себя автором того, что происходит в ее жизни. По нашему мнению, индикаторы сформированности интернального локус контроля достаточно полно описаны И. Яломом в категории «Экзистенциальных

факторов». Психолог эмпирическим путем обнаружил пять основных факторов, а именно:

- 1) осознание того, что жизнь иногда устроена нечестно и несправедливо;
- 2) осознание того, что в конце концов нельзя избежать определенной доли жизненных страданий и смерти;
- 3) осознание того, что какой бы ни была близость с другими людьми, все равно необходимо справиться с жизнью самостоятельно и быть ответственным за свои поступки;
- 4) встреча с базовыми вопросами своей жизни и смерти, благодаря чему человек может проживать свою жизнь более честно и меньше погружаться в тривиальности;
- 5) осознание того, что человек несет конечную ответственность за то, как проживает свою жизнь, независимо от того, сколько поддержки получил от других [8].

Экзистенциальные факторы личностной зрелости взаимосвязаны с психологическими механизмами, определяющими ее формирование. Е. Штепа определяет психологические механизмы, детерминирующие личностную зрелость, как процессы, а именно:

- интенциональность как активное осознание человеком самого себя;
- когерентность как умение самому себе посоветовать;
- рефлексия как умение человека давать самому себе отчет о своих действиях, мыслях, чувствах;
- прегнантность как стремление к уравновешенности, упорядоченности, завершенности» [6].

Категории экзистенциальных факторов раскрывают также содержание понятия *«жить осознанно и ответственно»*. Фундаментом для такой жизни, по мнению И. Ялома, является одиночество. Человек не может достичь зрелости, в полной мере сформировать интернальный локус контроля, если не осознает и не сможет встретиться с собственным одиночеством. По мнению психолога, осознание собственного одиночества дает мощный толчок для личностного роста, ведь человек глубоко погружается в собственную жизнь и осознает, что близость с другими людьми не может избавлять от необходимости в сложных ситуациях принимать решения, действовать, не поможет избежать страданий [7].

Когда человек осознает свое одиночество, он осознает и всю абсурдность своих попыток избежать жизни, чтобы не страдать. Это становится понятно, если разграничивать утверждения *«пытается избежать жизни»* и *«пытается избежать страданий»*. По мнению И. Ялома, это разные вещи. Естественным является то, что человек пытается избежать страданий, но только зрелая личность имеет мужество проживать собственную жизнь, реализуя свою миссию, с осознанием, что в следующее мгновение она может столкнуться с проблемами, и никто, кроме нее, не способен решить эту ситуацию.

Фундамент одиночества также побуждает человека к осознанию, что независимо от степени близости с другими людьми, никто полностью понять его не сможет, как, собственно, и он других. Ведь для того, чтобы понять другого человека, необходимо быть этим человеком, иметь такой же жизненный опыт и индивидуальные особенности. Можно приблизиться к пониманию друг друга, но не понять. Это ключевое осознание в формировании толерантного отношения к окружающим, а также безусловного принятия себя и окружающих. Человек начинает осознавать, что представления о мире и других людях являются неполными, даже несколько ограниченными, поэтому личностно зрелый человек готов воспринимать мир и других людей непредвзято, не

имея никаких ожиданий по отношению к ним, он всегда оставляет место для неизвестного, неопределенного. Поэтому, одним из важных индикаторов личностной зрелости является открытость к знаниям, готовность учиться всю жизнь. Для личностно зрелого человека накопленные им знания являются проводниками в дальнейшем познании себя, других людей, мира.

Человек развивается и самоактуализируется за счет внутренних ресурсов. Содержание личностного потенциала, что по мнению А. Штепы [6] является первопричиной личностной зрелости, образуют долг, смысл и вера. Личностно зрелого человека можно назвать ресурсным, когда он сам в себе находит силы для преодоления жизненных обстоятельств и самого себя. Внутренние ресурсы обеспечивают личностно зрелому человеку компетентность во времени, то есть способность видеть и чувствовать свою жизнь целостно.

В обязанности (долге) проявляется отношение зрелой личности к прошлому, поскольку обязанностью считается продолжение или завершение ранее сделанных поступков. Моральные обязанности, взятые на себя, могут удерживать человека на плаву, тогда, когда он переживает кризис смысла или веры. Веру трактуют как убежденность в собственной правоте, нерациональное познание. Человек, который переживает давление долга, который ему трудно принять, или отсутствие смысла в своих действиях, обращается к вере, чтобы утвердиться в правильности своего жизненного пути.

Смысл является моментом настоящего в жизни человека, ведь это время появляется и уходит в прошлое, в опыт. Главный смысл – смысл жизни, автобиографическую память объединяет дискретный ряд личностных смыслов, отражающих ценности, переживания, индивидуальный опыт человека в значимые периоды жизни. Личностно зрелый человек во все моменты своей жизни стремится к смыслу. Когда человек переживает экзистенциальную тревогу, экзистенциальный кризис или экзистенциальный вакуум, то есть бессмысленность своей жизнедеятельности, он может найти временную опору в обязанности (логическом продолжении начатых дел) и в вере как попытках иррационально понять свое предназначение. Следовательно, долг и вера могут создать ощущение завершенности или достижения цели, и близко граничат с понятием смысла.

Таким образом, можно сказать, что личностная зрелость является сложной, многогранной и динамичной системой, которая формируется в течение жизни личности и в процессе непосредственного межличностного взаимодействия.

Содержанием личностной зрелости является способность человека к любви и самопознанию, осознанию своего одиночества, что выступает инструментами для осознания собственной жизни, ее смысла и миссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – Москва: Мысль, 1991. – 298 с.
3. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Г. Маркузе; [Пер. с англ. А.А. Юдина]. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – 382 с.
4. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
5. Фромм Э. Иметь или быть / Э. Фромм; [Пер. с нем. Э. Телятниковой]. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.
6. Штепа Е.С. Пропrium зрелой личности / А.С. Штепа // Практическая психология и социальная работа. – 2004. – №2. – С. 26–35.

7. Ялом И. Лечение от любви и другие Психотерапевтические новеллы / И. Ялом; [Пер. с англ. А.Б. Фенько]. – Минск: Харвест, 2012. – 288 с.

8. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом [пер. с англ. Т.С. Драбкиной]. – Москва: Класс, 1999. – 576 с.

Поступила в редакцию 14.10. 2020 г.

PHENOMENOLOGY AND CONTENT OF THE CONCEPT OF PERSONAL MATURITY

N. P. Andryushkova

The article deals with theoretical aspects of the phenomenon of personal maturity. This phenomenon is analyzed within the framework of structural and functional approaches. The main components of personal maturity and its content are analyzed.

Key words: maturity, love, self-knowledge, loneliness, mechanisms.

Андрюшкова Надежда Петровна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Ассистент кафедры психологии.

E-mail: andruchkova@rambler.ru

Andryushkova Nadezhda Petrovna.

Donetsk National University.

Assistant of the Department of Psychology.

E-mail: andruchkova@rambler.ru

УДК 159.9

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ СТУДЕНТОВ, ВЛИЯЮЩАЯ НА ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

© 2020. Т.Э. Белянская, К.А. Латышева

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова»

В статье раскрывается понятие «межличностной коммуникации». Прослеживается взаимосвязь взаимодействий студентов и формирования гармоничной личности. Описываются социально-психологические характеристики студенческого возраста.

Ключевые слова: межличностная коммуникация, студенты, взаимодействие, общение, личность.

Технические средства прочно входят в жизнь современной молодежи и студенчества. Помогая с легкостью обретать нам новую информацию, гаджеты нередко лишают нас возможности межличностной коммуникации, что может вылиться в созревание личности с искаженным пониманием окружающего мира. В процессе обучения студентам необходимо создать такие условия для развития межличностной коммуникации, когда каждый из них будет испытывать потребность научиться коммуникативным навыкам общения, обладать коммуникативно-речевой активностью. Становление личности, социализация в этом случае пройдет более комфортно и эффективно и позволит реализоваться, как профессионалу своего дела, так и гражданину.

Многие свои индивидуально-личностные характеристики человек приобретает именно благодаря общению – процессу взаимодействия людей, в котором происходит обмен информацией, опытом, способностями и результатами деятельности [7]. Коммуникация немыслима без общения. Результатом общения становится новая информация, новые эмоции, новые мотивы. Общение всегда сопряжено с межличностным контактом, а следовательно соотносится с нормами и правилами, которые транслируются в данном обществе. Еще в древние времена философы обращались к постулатам добродетели и морали, что находило отражение в регуляции поведения, соотношенного с высшими законами.

Отношения, складывающиеся с окружающими у человека, оказывают существенное влияние на него, на психику и поведение личности. Межличностными называют взаимоотношения, складывающиеся между людьми независимо от выполняемых ими исполнительных функций. Подобные отношения включают в себя взаимные симпатии, антипатии, уважение и неуважение, увлечение или отчуждение [6].

Межличностная коммуникация предполагает близкий контакт между собеседниками, а именно доверительные отношения и непосредственное присутствие в пространстве и времени. Эффективность взаимодействия участников межличностных отношений зависит от знания индивидуально-психологических свойств личностей, вступающих в разговор.

Коммуникация широко используется среди студентов при обмене мнениями в ходе совместной работы, при разговоре. Студенческий коллектив, как малая группа, характеризуется объединением людей, которые лично знают друг друга и находятся в постоянном общении, непосредственно личном или деловом. Общение и взаимодействие в группе сверстников дает толчок для развития, поддержку

положительного эмоционального настроя, мотив для совершенствования. Студент взаимодействует с группой 90 % своего времени, не только в учебных аудиториях, но и за их пределами [7]. В студенческой группе немаловажную роль играет эмоциональный аспект общения, который влияет на установление дружеских контактов [2].

Поступая в высшее учебное заведение, бывший школьник, сталкивается с новой для себя системой развития. Ему необходимо освоить роль студента, адаптироваться в коллективе и приспособиться к требованиям. В свою очередь этот жизненный этап характеризуется взрослением, переломным моментом становлением личности. Неудивительно, что в связи с этим могут возникать проблемы коммуникации.

Индивиды, участвующие в коммуникативном процессе составляют единое целое, создавая систему, относительно которой выделяют окружающую среду. Известно, в системе все элементы взаимодействуют друг с другом, создавая атмосферу в ней, которая будет зависеть от личностных качеств каждого элемента. Система может быть уравновешена в результате форсирования трудностей в коммуникации или, напротив, дестабилизирована посредством обострения противоречий [5].

Замечено, что, вступая в контакт с другими людьми, человек не только чувствует себя по-иному, чем наедине с собой, но и его психические процессы протекают иначе [4]. Советский социальный психолог В.Б. Ольшанский выделяет следующие типы взаимного влияния на деятельность друг друга [1, с. 11]:

Взаимное облегчение. Характеризует повышенный успех деятельности каждого оппонента.

Взаимное затруднение. Взаимное наличие партнеров приводит к многочисленным ошибкам в деятельности каждого из них.

Одностороннее облегчение. Присутствие одного партнера облегчает деятельность второго.

Одностороннее затруднение. Наличие одного негативно сказывается на работе другого.

Независимость. Совместное присутствие никак не отражается на деятельности отдельного человека, что крайне редко наблюдается.

Кроме того, обобщая вышеперечисленные типы взаимных влияний на деятельность, хотелось бы сказать, что существует такое явление, как психологическая совместимость, а именно эффект сочетания людей, который дает максимальный результат деятельности при минимальных психологических затратах взаимодействующих лиц.

Психологическая несовместимость – это неспособность в переломных ситуациях регулировать своё поведение, асинхронность интеллектуальных и двигательных реакций, значительное отличие во внимании и мышлении, и других свойствах личности, присутствующие в совместном участии.

Экспериментальные исследования, проведенные на основе малых групп, показывают, что успех совместной работы обусловлен такими факторами, как: полное доверие друг к другу, возможностью выделения лидера, интеллигентность, общность идеологических взглядов и многое другое.

Особое внимание стоит уделить психологическому климату в коллективе, общей единой характеристики психологии членов группы и их взаимоотношению. Говоря про благоприятный климат, подразумевается, что каждый член коллектива имеет возможность реализовать себя в нем, а межличностные коммуникации выходят на высший уровень [6]. Неблагоприятным считается такой психологический климат, где группа обладает ограниченными возможностями для самореализации, а также затрудненными межличностными коммуникациями, вследствие чего проявляются

конфликтные ситуации. Хотя не любой конфликт можно считать «вредным». Иногда разногласия помогают вскрыть и изменить нездоровые отношения и взаимоотношения (безучастность и недоверие). Конструктивное использование разногласия возможно лишь в условиях сложившейся группы.

Показатели, характеризующие основы психологического климата:

- доминирующее настроение;
- удовлетворенность членов коллектива взаимоотношениями и процессом труда;
- взаимопонимание;
- сплоченность;
- сознательная дисциплина;
- продуктивность труда [1].

В социуме индивид развивается многогранно, в результате взаимодействия и влияния на него окружающей среды он становится личностью. «Личность, сливаясь с коллективом, не теряет себя. Напротив, она достигает в коллективе высшей ступени сознания и совершенствования» [1, с. 16]. Личность – понятие многостороннее. Так, личность считают продуктом бытия человека в мире межличностных и межгрупповых отношений. Также личность характеризует человека, который способен серьезно и самостоятельно выстраивать свою позицию в системе социальных связей, проявляет себя через особую форму социального поведения – поступки [3]. Человек как личность существует в зоне социальных отношений и проявляется через различные формы социального поведения.

Каждый из нас индивидуально и непосредственно проходит путь социального развития. Социализация личности представляет собой процесс овладения человеком социальными навыками в межличностных и межгрупповых ситуациях общения и процесс активного воспроизводства им усвоенного и переработанного опыта [3].

Все, с чем сталкивается человек в социальной среде, субъективно им перерабатывается, становясь частью внутреннего мира. Далее усвоенный опыт становится частью социального поведения человека. Выделяют два направления процесса социального развития: типизация и индивидуализация личности [3].

Типизация определяет формирование личностных свойств, заданных коллективом. Вследствие этой тенденции во внутренний мир человека попадают общие черты, создающие нормативную психическую основу поведения, реализующуюся благодаря образцам для подражания.

Индивидуализация – это ход выработки личного умения социального взаимодействия, собственной позиции к предписываемым ролям и позициям в группе. Данное направление закладывает личностный смысл человека, субъективную картину мира человеческих связей, оно формируется в процессе самостоятельного освоения общественных закономерностей.

Общественное развитие человека проходит в течение всей его жизни. Однако существуют возрастные различия в протекании этого развития. У молодых людей в этом возрасте – это не только новый этап в психическом развитии, но и еще этап в социальном становлении, изменении социально-психологических ресурсов человека. По мнению Р. Гоулда [3, с. 411], основная задача социализации взрослого – преодоление психологических тенденций, сложившихся еще в детстве. Главное, с его позиции, – отказ от власти авторитетов.

Эффективность воздействия группы на личность определяется самочувствием ее в этой группе. Это определяется термином эмоциональное благополучие, которое обеспечивается прежде всего положительной оценкой со стороны окружающих, не

идущей вразрез с самооценкой. Самооценка содержит в себе оценку самого себя, своей деятельности, своего положения в группе, отношения к другим её членам [1]. Для формирования гармоничной личности необходимо поддерживать в норме социально-психологический феномен: самооценку. Самооценка напрямую влияет на межличностную коммуникацию в группе. Адекватная самооценка помогает осознать свое социальное положение в студенческой среде и преодолеть кризис идентичности [2].

Таким образом, в студенческие годы завершается процесс формирования социально-психологических процессов и закладывается основа таких личностных качеств, которая поможет молодому человеку успешно социализироваться в окружающем мире, выстроить грамотную систему межличностных коммуникаций и взаимодействий, влияющую на формирование масштабной личной. Ставя цели развития различных сторон своей жизни, личность совершает мотивированные действия, которые невозможны без межличностного взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникеева Н.П. Психологический климат в коллективе / Н.П. Аникеева. – М.: Просвещение, 1989. – 224 с.
2. Белянская Т.Э. Социально-психологические характеристики студенческого возраста / Т.Э. Белянская // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 3 (55).
3. Битянова М.Р. Социальная психология / М.Р. Битянова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 576 с.
4. Мерман Э. Коммуникация и коммуникативность. Практические рекомендации для открытой коммуникации. 2-ое издание, испр. / Э. Мерман. – М.: Гуманитарный центр, 2015. – 260 с.
5. Лутошкин А.Н. Эмоциональные потенциалы коллектива / А.Н. Лутошкин. – М.: Педагогика, 1988. – 128 с.
6. Немов Р.С. Общая психология: Краткий курс / Р.С. Немов. – СПб.: Питер, 2007. – 304 с.
7. Столяренко Л.Д. Психология общения: учебник. 4-е изд. / Л.Д. Столяренко, С.И. Самыгин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2019. – 317 с.

Поступила в редакцию 25.10.2020 г.

STUDENTS' INTERPERSONAL COMMUNICATION AND ITS AFFECT ON PERSONALITY FORMATION

T.E. Belyanskaya, K.A. Latysheva

The article addresses the concept of "interpersonal communication". The interrelation of students' interactions and the formation of a harmonious personality is traced. The socio-psychological characteristics of student age are described.

Key words: interpersonal communication, students, interaction, communication, personality.

Белянская Татьяна Эдуардовна.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова». Преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук.
E-mail: tabel71@mail.ru

Belyanskaya Tatiana Eduardovna.

Voronezh State Forestry University named after G.F. Morozov.
Lecturer at Department of Social Sciences and Humanities.
E-mail: tabel71@mail.ru

Латышева Ксения Алексеевна.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова». Студент.
E-mail: 81ksusha.04@gmail.com

Latysheva Ksenia Alekseevna.

Voronezh State Forestry University named after G.F. Morozov.
Student.
E-mail: 81ksusha.04@gmail.com

УДК 159.99

МЕТОД ИНТУИТИВНОГО РИСОВАНИЯ КАК СПОСОБ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ДИАГНОСТИКИ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СОТРУДНИКОВ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ МВД ДНР

© 2020. О.Ю. Сбитнева

Целью данного исследования является нахождение новых методов диагностики, позволяющих обойти сознание, особенно в условиях трансформации общества и роста социальной напряженности и конфликтности. Автор придерживается гипотезы о том, что метод интуитивного рисования (один из методов арт-терапии) эффективен в использовании как метод саморегуляции негативных психических состояний, а также в качестве диагностического инструмента, в основу которого положен проективный подход. Предложенный метод работы с негативными эмоциями и состоянием полицейских эффективен как способ выражения их личностных проблем, что дает возможность психологу определить направление для проведения психокоррекционной работы и позволяет сотруднику самостоятельно стабилизировать эмоциональное состояние.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, негативные состояния, механизмы коррекции, проективный метод, психологическая проблема, сознание, арт-терапия.

Введение. Проблемой исследования психических состояний в особых условиях занимались многие зарубежные и отечественные психологи (А. В. Ответчиков, А. Г. Маклаков, В. В. Юдин, Н. В. Макарова, Г. С. Човдырова, А. В. Метелев, В. В. Белов, И. В. Волженцева), кроме того, вопросы методов влияния на негативные психические и психоэмоциональные состояния, в том числе и их саморегуляцию, имеют достаточно отработанные теоретические основы и практические результаты благодаря исследованиям В. М. Бехтерева, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, К. И. Платонова, В. Н. Мясищева, Н. Д. Левитова, С. Л. Рубинштейна, А. Г. Маклакова, А. О. Прохорова, Ю. Е. Сосниковой, Л. Г. Дикой, Л. П. Гримак, Г. Ш. Габдреева, А. В. Брушлинского, Е. Джекобсона, Иоганна Шульцта и многих других авторов.

Однако на сегодняшний день проблема эффективной диагностики и саморегуляции негативных психических и психоэмоциональных состояний у сотрудников органов внутренних дел, выполняющих служебные обязанности в боевых условиях вооруженного конфликта на Донбассе, как в отношении теоретических основ, так и в прикладном, практическом плане разработана недостаточно.

Вместе с тем, в связи с новыми требованиями, связанными с несением службы на боевом посту, бойцы специальных подразделений (далее СП) подавляют чувство страха, сопряженное со стремлением выжить, проявляют осторожность и вырабатывают привычку выполнять боевые задачи.

Поскольку основной особенностью развивающихся негативных состояний у участников боевых действий является тенденция становиться все более выраженными и проявляться внезапно на фоне общего благополучия, именно поэтом, главным становится диагностика и саморегуляция подобных состояний и тех аспектов, которые могут помешать эффективной деятельности сотрудников СП.

Постановка данной проблемы имеет большое практическое значение, потому как успех проведения специальных операций зависит не только от личности сотрудника СП, но и от его временных психических состояний.

Несмотря на то, что методом психологического тестирования охвачен достаточно широкий спектр измерений психических возможностей индивида, следует отметить, что до

настоящего времени область изучения психических состояний является слабоизученной в психологии. Причина подобного положения, как отмечает А.О. Прохоров, «заключена в самой природе такого явления как психическое состояние, занимающего как бы промежуточное положение между психическими процессами, с одной стороны, и психическими свойствами – с другой» [8, с. 8]. Тестовые методики сконструированы для того, чтобы была возможность установить доминантные векторы развития личности, раскрыв актуальные личностные проблемы индивида. При этом необходимо учитывать, что каждая личность стремится достичь внутренней гармонии с собой, не всегда желает показывать свои негативные стороны, наделяя себя по максимуму положительными характеристиками. Процедура бланкового тестирования наиболее эффективна для установления и стремления тестируемого к образу «Я-идеальный», а для полного анализа необходимы методы, которые позволят раскрыть внутренний мир индивида без осознанного стремления дать социально желаемые ответы.

Как отмечает И. Г. Малкина-Пых: «в настоящее время предпочтение отдается методикам так называемого "раннего обнаружения", позволяющим выявить первые признаки, указывающие на психологический дискомфорт и неблагополучие» [7, с. 146]. Поэтому на сегодняшний день основная масса практических психологов, работающих с проблемой негативных психических состояний, указывает, что традиционные методы диагностики не приносят должного эффекта.

Поиск эффективных психодиагностических методов привел нас к истокам арт-терапии, в частности к рассмотрению арт-терапевтического метода интуитивного рисования в качестве диагностического инструмента, который позволяет исследовать бессознательные процессы личности и может способствовать не только саморегуляции негативных психоэмоциональных состояний, но и релаксации.

Целью же саморегуляции является возможность активизировать пусковой механизм для переосмысления значимых аспектов жизнедеятельности и создания позитивного эмоционального состояния для формирования таких психических состояний, которые за счет специальной внутренней перестройки личности будут способствовать наиболее оптимальному использованию всех психических возможностей личности.

Обратимся к структуре саморегуляции (Л. П. Гримак, рис.1), состоящей из четырех основных уровней: мотивационный, индивидуально-личностный, информационно-энергетический, эмоционально-волевой.

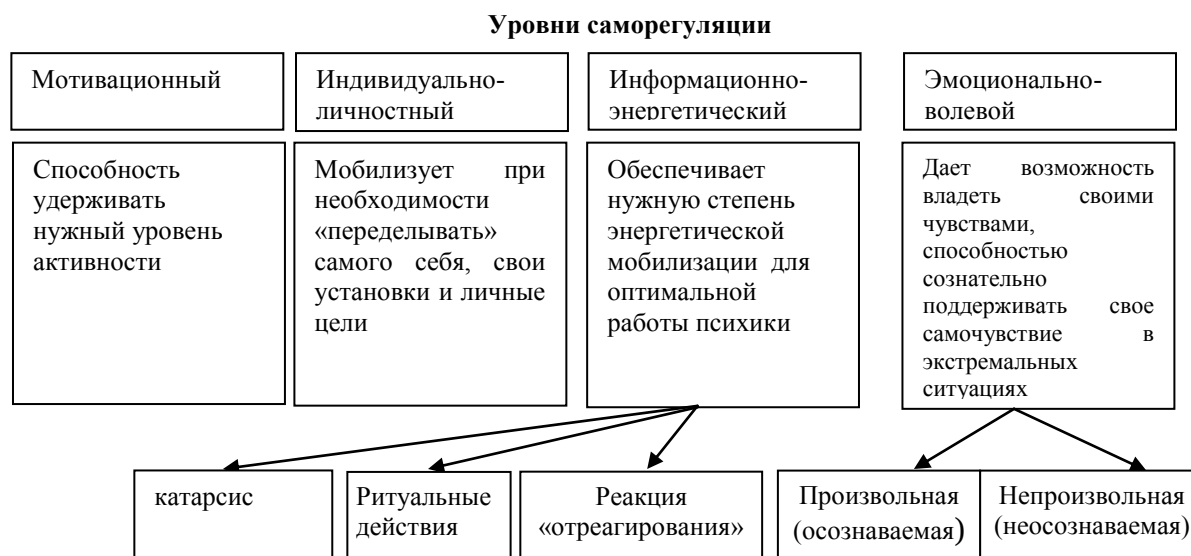

Рис. 1

В рамках рассматриваемой темы, по нашему предположению, наиболее эффективными и действенными в процессе саморегуляции негативных психических состояний сотрудников СП являются рефлексивный и волевой механизмы саморегуляции. Бесспорно, мотивационный механизм также оказывает влияние на саморегуляцию психических состояний, однако связь мотива и цели неоднозначна: во-первых, потому, что зачастую мотив может быть неосознанным, во-вторых, неизменному мотиву иногда соответствуют различные по своим содержательным аспектам действия, за этим следует, что и сам смысл цели имеет неоднозначную трактовку, при этом выступая основным звеном в системе саморегуляции.

Как отмечает Е. Т. Соколова, «смысл цели не существует в сознании в готовом виде, а является продуктом внутренней активности субъекта, с помощью которой он определяет, какому мотиву служит данное действие. И действительно ли оно оптимально с точки зрения его соответствия мотиву и нормативным требованиям. Сам процесс этой активности чаще всего не является сознательным и произвольно регулируемым (за исключением случаев сознательной рефлексии, раздумий над жизнью) и может проявляться в сознании в форме чувства, интереса, эмоции, "значащего переживания"» [10, с. 29].

Наибольший интерес, полагает Е. Т. Соколова, представляют те смыслы, которые обнаруживают «преградный характер» обстоятельств, осознать и пережить который, по нашему мнению, помогает рефлексивный механизм саморегуляции, направленный на самоанализ, в ходе чего происходит переосмысление и регуляция психического состояния личности. На информационно-энергетическом уровне происходит осмысление человеком своих психических состояний и поведения, а на эмоционально-волевом – снятие усталости и эмоционального напряжения. Рефлексия обеспечивает осознание личностью своего негативного психического состояния, а это ведет к его изменению и коррекции.

Особое место в системе психологических механизмов саморегуляции занимает волевой механизм, который реализуется с участием волевых процессов. Специфика функционирования данного механизма заключается в умении человека владеть собой, управлять своими действиями и поступками, а также контролировать свое поведение в экстремальных ситуациях. Само же волевое действие – есть результат «общения с собой». Действенность волевого механизма, в конечном счете, заключается в изменении позиции личности посредством переоценки значимости мотива или предмета потребности.

Основной целью данного исследования является рассмотрение интуитивного рисования с точки зрения практического использования для активизации механизмов рефлексии в саморегуляции психологических состояний сотрудников специальных подразделений Министерства Внутренних Дел; возможность на основании полученных результатов применения метода, в ходе его апробирования, разработать способы исследования психического состояния личности с целью «раннего обнаружения» и диагностики негативных психоэмоциональных состояний.

Для достижения поставленной цели использовался комплекс взаимосвязанных *методов*: теоретических (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, систематизация полученной информации, интерпретация данных) и эмпирических, позволивших определить наличие или отсутствие значимых различий (в изучаемых группах) в проявлении негативного эмоционального состояния у сотрудников специального подразделения (далее СП) и провести проверку правильности теоретических предположений.

Кроме того, в разработке нового проективного метода диагностики было акцентировано внимание на аналитической психологии К. Г. Юнга и его последователей, так как символический язык бессознательного рассматривается нами в единой связи с данными мифологии, религиоведения, а также с точки зрения культурно-исторического значения.

По мнению К. Г. Юнга, «изобразительное творчество представляет собой внутреннюю потребность – особый инстинкт, благодаря которому человек становится инструментом выражения опыта коллективного бессознательного. В процессе индивидуализации, ведущем к все большему взаимопроникновению личного и общечеловеческого, преодолевается конфликт между личным и общечеловеческим, и человеком достигается максимальная социальная реализация своих возможностей» [1, с. 6].

В данной работе интуитивное рисование рассматривается как метод оценки психофизиологического и эмоционального состояния человека, на основании цветовых выборов (исследования М. Люшера [6]).

В процессе анализа цветовых предпочтений рисунков интерпретации поддаются те цвета, которым отдавалось предпочтение в создании фона и элементов рисунка. При этом процесс создания фона является очень значимым и важным, так как он выражает эмоциональное состояние личности.

Для интерпретации рисунка необходимо выделить «значимые», «основные» (заполнение пространства) и «дополнительные» (дорисовка рисунка) элементы. При этом трактовка «дополнительных» составляющих рисунка всегда будет неразрывно связана с толкованием «основных».

Рисунок будет рассматриваться с трех сторон:

- ощущение чувства преодоления «Я не умею, но я смог»;
- расположение рисуемых предметов и объектов;
- выбор цветовых предпочтений.

Механизмами коррекционного воздействия интуитивного рисования будут выступать:

- эмоциональная разрядка;
- определение направления социальной активности и желание действовать иначе;
- анализ чувств и эмоций для ощущения гармонии жизни;
- проявление индивидуальности и жизненного опыта;
- конкретизация наличия личностных проблем и внутренних конфликтов.

Для участия в исследовании были отобраны 220 сотрудников специального подразделения ОМОН «Беркут» Министерства Внутренних Дел Донецкой Народной Республики.

Первую группу (n=110) составили сотрудники, с которыми не проводилась психокоррекционная работа. Во вторую группу (n=110) вошли сотрудники, которые участвовали в тренинге «Оптимизация негативных психических состояний сотрудников специального подразделения полиции ОМОН «Беркут» МВД ДНР» с использованием метода интуитивного рисования.

Обе группы однородны по составу: включали мужчин в возрасте от 19 до 40 лет, принимавших участие в боевых действиях на территории Донецкой Народной Республики.

Каждый участник был оснащен необходимыми для проведения арт-терапии материалами: набор гуашевой краски (9-12 цветов), набор кистей, акварельная бумага. Перед выполнением работы психологом была разъяснена суть и техника интуитивного рисования. После завершения процесса интуитивного рисования для подтверждения предварительной диагностики эмоционального состояния личности выборочно были проведены беседы с сотрудниками СП.

Результаты и их обсуждение. Для анализа результативности проведенной исследовательской работы необходимо ответить на вопрос: существуют ли различия в психологическом и психоэмоциональном состоянии между сотрудниками СП, принимавшими участие в интуитивном рисовании, и теми, кто не был охвачен психокоррекционной работой? В случае если таковые различия существуют, то возникают следующие вопросы: во-первых, как и за счет чего удастся обеспечить волевую иммобилизацию сотрудников СП? Во-вторых, какие условия являются залогом продуктивности и результативности психокоррекционной работы с использованием метода интуитивного рисования?

Эмпирические результаты, полученные с использованием опросника травматического стресса для диагностики психологических последствий (ОТС) и методики «Личностная и социальная идентичность» (Урбанович, 1998, 2001), показали, что существуют достоверные различия на уровне высокой значимости в показателях психоэмоционального и психологического состояния сотрудников СП, участвовавших в эксперименте «интуитивного рисования».

Можно утверждать, что психическое и эмоциональное состояние сотрудников, участвовавших в эксперименте с использованием интуитивного рисования, оценивается как более стабильное и уравновешенное в сравнении с эмоциональным состоянием сотрудников, не охваченных коррекционной работой.

Об этом свидетельствуют выявленные значимые различия в следующих показателях опросника травматического стресса для диагностики психологических последствий (ОТС): «сверхбдительность» ($p < 0,05$); «преувеличенное реагирование» ($p < 0,05$); «депрессия» ($p < 0,05$); «общая тревожность» ($p < 0,05$); «вина выжившего» ($p < 0,05$); «оптимизм» ($p < 0,05$).

Отмечены и значимые различия в позитивной оценке восприятия себя и окружающего мира сотрудников, участвовавших в эксперименте, в ходе анализа результатов методики «Личностная и социальная идентичность» (Урбанович, 1998, 2001). Различия значимы по следующим шкалам: «моя служба» ($p < 0,05$); «мой внутренний мир» ($p < 0,05$); «мои отношения с окружающими» ($p < 0,05$); «мое будущее» ($p < 0,05$); «я и общество, в котором я живу» ($p < 0,05$).

Учитывая приведенные показатели тестирования, можно предположить, что в процессе интуитивного рисования саморегуляция осуществляется на эмоционально-волевом уровне (см. рис. 1).

Поэтому, отвечая на второй вопрос, следует указать, что рефлексивный механизм способствует осмыслению и самопознанию своих психических состояний, в то время как волевая саморегуляция помогает личности овладеть своими чувствами, в том числе в моменты нестандартных и экстремальных ситуаций, происходит все это за счет эмоциональной непроизвольной (неосознаваемой) саморегуляции, которая позволяет снижать стресс и тревогу интуитивно, во время рисования.

На ход психокоррекционной работы, равно как и на исследование личности в рамках проективной психологии, оказывают влияние различные теории. Ответить на последний вопрос относительно условий успешно проведенной работы, на наш взгляд, возможно, опираясь на теорию деятельности, разработанную А. Н. Леонтьевым, и в частности рассмотрев его понятие «личностного смысла».

По мнению А. Н. Леонтьева, личностный смысл является одной из главных образующих человеческого сознания. «Сознание – это не только отражение, но и отношение человека к окружающему»; «Всякий вообще акт познания мира есть вместе с тем и введение в действие новых детерминант нашего поведения. В процессе отражения явлений внешнего мира происходит и определение их значения для

индивида, и тем самым его отношения к ним (психологически это выражается в форме стремлений и чувств)» [9, с. 158].

Опираясь на теорию личностного смысла, где основой является «оценка жизненного значения для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах» [5, с. 150], основополагающим в проведении коррекционной работы с негативными психическими состояниями сотрудников СП будет момент осознания тех обстоятельств, «благодаря» которым возникли те или иные препятствия, чье разрешение даст личности возможность двигаться дальше. Выяснение таких ситуаций с помощью проективной техники интуитивного рисования представляет большой интерес, поскольку субъект, как правило, не осознает эти обстоятельства.

Именно за счет того, что в основе самого процесса интуитивного рисования отсутствует строгий алгоритм, человеку предоставляется возможность «спроецировать» значимые для него переживания, которые, возможно, были скрыты самой личностью. То, что на языке З. Фрейда трактуется как «защитный механизм», а в контексте концепции «личного смысла» воспринимается как обстоятельства, имеющие «преградный», конфликтный смысл, вдруг может быть адекватно понято и расшифровано именно в ситуации эксперимента с использованием метода интуитивного рисования.

Приведем примеры, интерпретируя рисунки («пейзаж», выполненный с использованием метода интуитивного рисования) сотрудников СП, которые имеют боевой опыт в ходе военных действий на территории Донецкой Народной Республики.

При интерпретации рисунков первоначально оценивается общее впечатление от изображенного пейзажа. Только после этого можно перейти к анализу деталей рисунка с точки зрения логики интерпретации.

Со слов командира роты СП существует необходимость проведения психокоррекционной работы с сотрудником Л., который в последнее время пребывает в подавленном и угнетенном состоянии.

Сотрудник спецподразделения, прибыв на коррекционную беседу к штатному психологу, отрицал наличие каких-либо психологических проблем, заявляя о том, что «все хорошо» (автор рисунка 2).

Пример рисунка метода интуитивного рисования

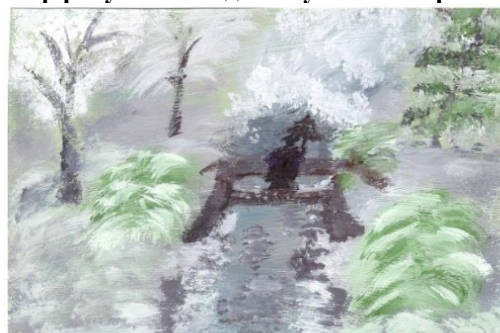

Рис. 2

Для установления психологического контакта и снятия «барьеров» в общении психологом было предложено нарисовать «пейзаж» с использованием метода интуитивного рисования.

Общее впечатление от рисунка вызывает беспокойство.

Преобладание серого цвета в создании фона говорит о том, что сотрудник не желает «раскрываться», а, наоборот, стремится, чтобы его душевное состояние было скрыто от посторонних. Серый цвет также может свидетельствовать о сильном эмоциональном утомлении.

Выбранное для изображения время года – «зима», дает возможность предположить, что сотрудник «застыл», «замерз» в своих ощущениях и требует «тепла», вопреки тому, что символика ели означает воплощение жизненной силы и благополучия.

Несмотря на то, что сотрудник находится в социальном окружении (об этом косвенно может говорить зарисовка нескольких деревьев), изображенная одинокая, стоящая спиной на мосту фигура под зонтом указывает на то, что он чувствует себя одиноким. Зонт представляет собой символическое изображение защиты от неприятных внешних воздействий, а также «с точки зрения трактовки образов зонт может рассматриваться как отображение связи с матерью и отцом, которые символически представлены в образе зонтика: купол – материнское начало, а ручка – отцовское» [2].

В европейской культуре отношение к водопадам зачастую противоречиво. Вода растворяет, уничтожает, очищает, смывает и восстанавливает. В контексте данного описания рисунка бурлящий поток водопада может свидетельствовать о череде событий, от которых хочется отдохнуть и успокоиться, набраться жизненной энергии.

После интуитивного рисования с сотрудником была проведена психологическая консультация, в ходе которой было установлено, что в последнее время сотрудник испытывает ряд негативных эмоций и ощущает себя «разбитым». Причиной такого состояния послужили конфликты с супругой из-за ненормированного графика несения службы, длительная болезнь одного из близких членов семьи, которому приходится постоянно оказывать помощь, и недостаток материальных средств для решения семейно-бытовых проблем.

На вопрос: «Какие эмоции и чувства Вы испытывали в процессе рисования?» сотрудник ответил, что рисование предоставило ему возможность подумать «о чем-то своем», мысленно ответить на ряд волнующих вопросов и получить позитивные эмоции в процессе изображения пейзажа.

С целью проведения психокоррекционной работы к штатному психологу был направлен сотрудник спецподразделения Н., эмоциональное состояние которого, изменилось и вызывает беспокойство руководителя (автор рисунка 3).

В ходе беседы сотрудник пояснил, что он действительно испытывает ряд негативных эмоций: одиночество, обиду, угнетенность, досаду, подавленность, растерянность. При этом он отметил, что хотел бы понять причины подобного своего состояния.

Психолог предложила Н. нарисовать пейзаж с использованием метода интуитивного рисования, пояснив, что целью данной работы является не создание художественного шедевра, а умение сосредоточиться на настоящем и отказаться от возникающих «преград».

Проанализируем рисунок 3. Общее впечатление от сюжета рисунка вызывает тревогу. Хаотичность и расплывчатость в изображении может свидетельствовать о внутреннем смятении переживаемых чувств. Предпочтение серого оттенка в выбираемых цветах, используемых в «пейзаже», свидетельствует о том, что сотрудник находится в подавленном эмоциональном состоянии. Основную часть рисунка составляет изображение моря, символа бесконечности, постоянного движения и промежуточного состояния между жизнью и смертью, его бушующее состояние может свидетельствовать о душевном дискомфорте и переживаниях личности. Однако в небесной мгле пробивается надежда на изменение жизненной ситуации (желтый цвет, исследования М. Люшера) и робкая активность (красный цвет, исследования М. Люшера) в разрешении существующих проблем.

Пример рисунка метода интуитивного рисования

Рис. 3

После завершения рисунка с сотрудником была проведена беседа, в ходе которой стали очевидны причины его негативного эмоционального состояния. Раскрылась его подсознательная неудовлетворенность в реализации себя как личности и той жизненной ситуацией, которая сложилась. Для обсуждения стали доступны возможные варианты изменения его жизненной позиции и мировоззрения. Нахождение новых способов для восстановления внутренней гармонии путем воплощения в жизнь своего потенциала и развития своих личностных возможностей.

Анализируя проведенную работу, можно отметить, что полученные результаты во многом подтверждают тот факт, что метод интуитивного рисования эффективен в системе саморегуляции и оптимизации психического состояния, именно поэтому данная работа будет продолжена со всеми сотрудниками специального подразделения ОМОН «Беркут».

В то же время методом наблюдения следует определить, насколько устойчивыми оказались результаты проведенной «личностной коррекции». Удалось ли изменить (за счет саморегуляции) линию поведения каждого из тех, кто прошел через «интуитивное рисование».

В части же предположения о том, что данный метод может рассматриваться в качестве диагностического инструмента как проективный, оказывая помощь в аспектах распознавания признаков нарушения личностной гармонии и выстраивании адекватной системы психологической защиты – могут свидетельствовать вышеизложенные интерпретации рисунков «художников» и результаты последующих психокоррекционных бесед.

Заключение. Как отмечает автор методики психоанализа комплекса тематических рисунков Т. С. Яценко: «Уже сам по себе процесс изображения несет в себе терапевтический эффект. Язык цвета и форм становится понятным каждому человеку, если он позволит себе воспользоваться собственным опытом их понимания, который он приобрел еще в детстве» [12, с. 85].

Учитывая открывшиеся возможности использования методов арт-терапии, метод интуитивного рисования был использован в работе с сотрудниками специального подразделения ОМОН «Беркут» Министерства Внутренних Дел, участвовавшими в боевых действиях на территории Донецкой Народной Республики, и рассматривался как проективный метод коррекции и диагностики психических состояний.

Сотрудники, принимавшие участие в эксперименте, указывали, что в процессе рисования для них не существовали понятия «правильно» и «неправильно», «красиво» и «некрасиво», они чувствовали радость и получали удовольствие. При этом у них не получалось прятать от себя свои чувства, тревоги, проблемы, переживания, сомнения и желания, которые они выражали с использованием цветовой гаммы, основных и дополнительных элементов, создавая символическую картину своего внутреннего мира.

Т.е. рисунок выражает то, о чем трудно говорить, помогая «художнику» воплотить стремление «освободиться» в процессе творчества от преследующих негативных образов, состояний и мыслей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вальдес Одриосола М.С. Арттерапия в работе с подростками. Психотерапевтические виды художественной деятельности // Методическое пособие / М.С. Вальдес Одриосола. – М.: ВЛАДОС, 2005. – С. 6
2. Графический тест «Человек под дождем». – Режим доступа: http://gc-pmss.ru/files/pdf2017/chelovek_pod_dozhdem.pdf (дата обращения: 27.05.2020).
3. Гурьянов Ю.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению кризисов работоспособности субъекта деятельности и их профилактике / Ч.Ч. Цыреторов, Ю.Н. Гурьянов // Инновации в образовании. – 2016. – № 4. – С. 96–105.
4. Леви Т.С. Методика диагностики психологической границы личности / Т.С. Леви // Вопросы психологии. – 2013. – № 1. – С.131–146.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие для студ. вузов по направл. и спец. "Психология", "Клинич. психология" / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл; Академия, 2004. – С. 150.
6. Люшер М. Цветовой тест Люшера / М. Люшер; Пер. с англ. А. Никоновой. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005. – 190 с.
7. Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. Справочник практического психолога / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – С. 146.
8. Прохоров А.О. Практикум по психологии состояний: учебное пособие / Под ред. проф. А.О. Прохорова. – СПб: Речь, 2004. – С. 8.
9. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии / С.Л. Рубинштейн. – М., 1959. – С. 158.
10. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности / Е.Т. Соколова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 29.
11. Тарарина Е.В. Практикум по арт-терапии: шкатулка мастера: науч.-метод. пособие / Е.В. Тарарина. – К.: АСТАМИР-В, 2016. – 223 с.
12. Яценко Т.С. Психологічні основи групової психокорекції: посібник для студ. вищих навч. закладів / Т.С. Яценко. – К.: Либідь, 1996. – С. 85.

Поступила в редакцию 19.08.2020 г.

INTUITIVE DRAWING AS A WAY OF SELF-REGULATION AND DIAGNOSIS OF MENTAL CONDITION OF SPECIAL POLICE FORCES STAFF OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE DPR

O.Y. Sbitneva

The objective of the study is to find new diagnostic methods that can bypass consciousness, especially in the context of the transformation of society and the growth of social tension and conflict. The author verifies the hypothesis that intuitive drawing applied in art therapy is an effective method of self-regulation of negative mental conditions, as well as a diagnostic tool based on the projective approach. The proposed method of dealing with negative emotions and condition of police officers is effective as a way of expressing their personal problems. This method helps psychologists in psychocorrection work and enables officers to independently stabilize their emotional state.

Key words: professional activity, negative condition, correction mechanisms, projective method, psychological problem, consciousness, art therapy.

Сбитнева Ольга Юрьевна.

Старший инспектор группы кадров ОМОН «Беркут» Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики.

E-mail: Sbitnev.82@mail.ru

Sbitneva Olga Yuryevna.

Senior Inspector of the personnel group of the riot police "Berkut" of the Ministry of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic.

E-mail: Sbitnev.82@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4–8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, korobova.lat@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, можно, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённые пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристраничные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.
---	---

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание		

(если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3–5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора) _для_оглавления», например, «Петров _для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (korobova.lat@gmail.com).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2020. – № 3–4

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 30.10.2020 г.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 20,53
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.